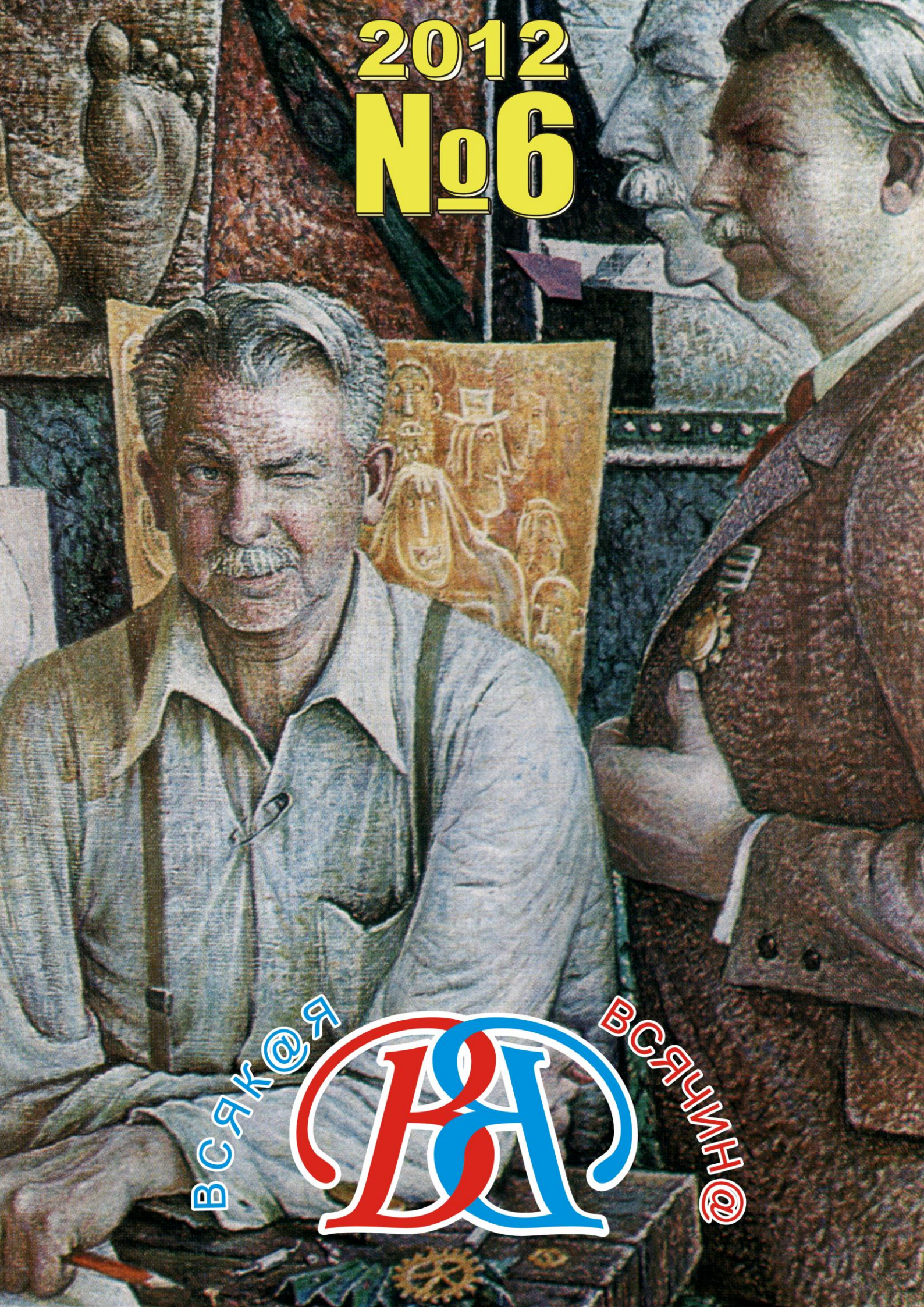

2012
№6

ВСЯКАЯ

ВСЯКАЯ

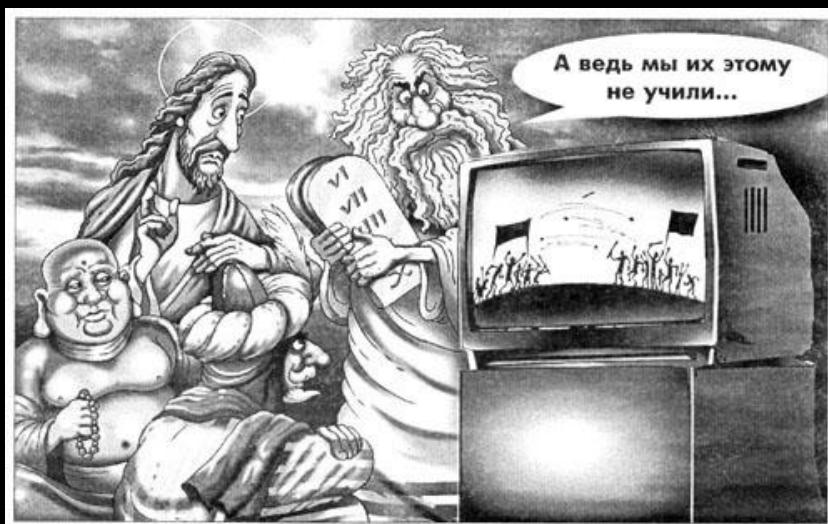
Этот неугомонный Бауш.....	1
Николай КАБАНОВ	
Неизвестная Бермонтиада.....	15
Анастасия Берсенева	
Dragon приводился в океан.....	17
Загадка „NN”.....	21
Конрад Лоренц	
Восемь смертных грехов цивилизованного человечества.....	34
Под буквами ПВ.....	72

Обещанное продолжение о женищинах Пушкина ждет вас ниже, а начать этот номер я хочу с разговора об одном из любимых мной художников.

Сначала хотел опубликовать аннотацию на одну из книг Конрада Лоренца, но не удержался, и взял целиком его статью. Это уменьшило список содержания и уменьшило разнообразие всячины, но еще в те времена, когда мы изучали три составные части марксизма, я считал, что ему не хватает четвертой – биологической.

XXI ВЕК

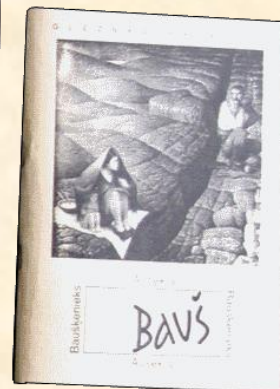
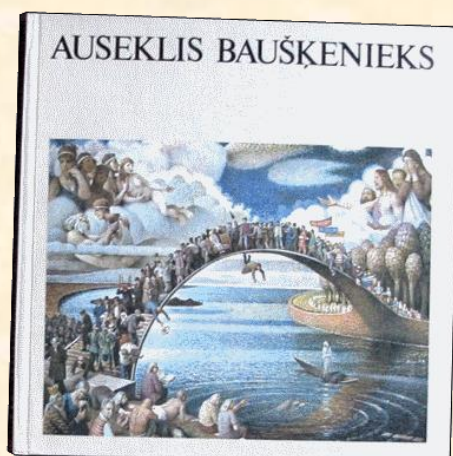

В середине февраля 2006 года в Волгограде из-за публикации этого рисунка с изображением Христа, Моисея, Будды и Мухаммеда была закрыта газета "Городские вести".

НЕКОММЕРЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ
для друзей и знакомых

Этот неугомонный Бауш

Aukseklis Bauskienis
10.11.1991.

На моей книжной полке стоят три альбома одного художника, на двух из них есть его автографы. На третьем, самом большем, он уже не мог расписаться, так как издан тот был к столетию со дня его рождения, а, увы, не все люди доживают до этого юбилея. Самый маленький из альбомов – проспект персональной выставки Аусеклиса Баушкениека в 80-х. Помню, проезжал по набережной на трамвае, торопился на электричку и увидел афишу о выставке. Поскольку мне уже попадались в журналах репродукции его работ, на остановке вернулся обратно, а электричка ушла без меня. Захожу. Целый зал замечательных полотен и, в центре, сам мастер беседует с какой-то дамой. Купил на прилавочке проспект выставки но, когда собрался попросить автограф, дама его куда-то увела. Автограф удалось получить позже.

А было это так. Я как раз приобрел второй, уже настоящий альбом, выпущенный издательством «Лиесма» в серии «Наши художники». В выходных данных он числится 1990 годом, но на прилавках появился уже в 1991. А в институте гостили коллеги из Москвы, кажется, на научную конференцию приехали. Наш заведомо Сегаль Гилель Яковлевич вызвал меня посоветоваться насчет культурной программы для гостей, и спрашивает, знаю ли я такого художника – Аусеклиса Баушкениека.

- Конечно, - говорю, - был на его выставке, а сейчас в продаже замечательный альбом его работ.

- А как вы думаете, не сводить ли нам москвичей в его мастерскую, есть такая возможность? Он, правда, не говорит по-русски, но я могу быть переводчиком.

- Здорово! - говорю, - Это всем будет интересно, а я и автограф хочу попросить в альбом.

- А давайте мы всем купим по альбому! – говорит Гилель Яковлевич.

- Нет проблем, - говорю, выдал он мне деньги, и я пошел в книжный магазин.

Тут надо отметить одно обстоятельство: 1991 год – год третьей атмоды, время, когда митинговали народный и интерфронт. Только что 3 марта население Латвии и Эстонии большинством голосов проголосовало за независимость. Были среди знакомых, вдруг начисто забывшие русский язык. В институте, правда, публика была не столь радикальная, но тоже шли дискуссии.

Приехали всем отделом и с москвичами, поднялись на верхний этаж в мастерскую. Хозяин встретил нас вежливо, но прохладно. Под полусинхронный перевод немного рассказал о себе, и начался смотр. Не знаю, часто ли у него бывали подобные гости, знаю, что латышская публика, весьма сдержанна в выражении чувств (порой актеры в театрах на это жалуются), но здесь восторг был неподдельный. Москвичи выражали его по-русски под перевод, отделовские по-латышски, и хозяин вдруг вышел. Вернулся он с бутылкой коньяка, а его жена принесла какие-то бутербродики на закуску.

Внешние обстоятельства остались за стенами мастерской, а здесь были люди, приятные друг другу и тост хозяин произнес по-русски. И пошла неспешная беседа, и выложили мы на стол стопку альбомов издательства «Лиесма», а я и старый проспектик присовокупил, со словами о том, как какая-то дама увела от меня автографодателя из-под носа. И, возможно, мы бы засиделись так надолго, но москвичей надо было везти на вокзал и пришлось прощаться.

Мне жутко не повезло, оказалось, вспышка моего фотоаппарата меня подвела и специально для этого добытая цветная пленка оказалась практически пустой. Эх, если бы я мог попасть туда с моей сегодняшней цифровой камерой! Но прошлое не вернешь, в 2007 году на глаза мне попался некролог:

«На 97-м году ушел из жизни замечательный латышский художник Аусеклис Баушкениекс. Бауша, как звали его в среде знакомых, любили все — и собраты по профессии, и особенно зрители. Дело в том, что художник с юмором, порой весьма саркастическим, пародировал в своих картинах мифическое сознание латыша. Но поскольку сам художник принадлежал к носителям этого сознания и себя от них не отделял, то юмор его оказался обращенным и на себя самого. Может, оттого и был парадоксален, элегантен и незлобив. Оттого публика его выставок всегда ждала, порой ломилась на них.

Художник использовал технику, похожую на пуантилизм (мазки-точки). Только пуантилисты времен постимпрессионизма стремились добиться этим некой правды изображения. А у Бауша, считавшего себя реалистом, это средство придания реальной основе оттенка ирреальности, сказочности, той же мифичности.

В Латвии он был один такой. Тем тяжелее потеря...»

Он действительно неповторим. Последний большой толстый альбом, выпущенный к его столетнему юбилею, даст представление о его творчестве, но лучше, конечно, смотреть оригиналы. Он был моим современником. Ничтожно краткий миг я находился рядом с ним, но могу похвастаться, что это было в моей жизни.

А у художника была своя неповторимая жизнь, очень кратко о ней рассказал Зигурдс Константс, составитель второго альбома. Поскольку этот текст существует только на латышском языке, я позволил себе весьма вольно перевести часть его на русский, добавив кое-что, из написанного самим Баушкениексом. Надеюсь, автор на меня не обидится

Аусеклис Баушкениекс (Auseklis Baušķenieks) родился 25 августа 1910 года в Елгаве. Родители дали мальчику имя Аусеклис, что значит — «утренняя звезда», символ надежды и глубоко народного духа. В Латвии спросили бы: А какое отношение к городу Бауска имеет его фамилия? Ведь Баушкениекс, по-латышски, житель Байска, есть у нас такой город. Дед Аусеклиса действительно когда-то жил в Бауске, где работал извозчиком. Когда латышам давали фамилии, у него спросили, откуда он. Дед ответил, что из Бауски. Так его и окрестили Баушкениекс, (т.е. баусковчанин). Аусеклис был последышем, последним ребенком в семье, и единственным мальчиком, которого так долго ждали родители и сестры. Старшей из четырех сестер, когда он родился, было восемнадцать, младшей — десять лет.

Буря первой мировой войны, сила семью в Нарву. Для маленького Аусеклиса это был краткий эпизод, не оставивший следа в его памяти. Тем не менее на память об Эстонии у него осталась неправильно сросшаяся после перелома рука. Несчастье, зато позже, в новой войне, это спасло его от призыва в армию. Бермонтиада¹ ниеки пережили уже в Елгаве. лыми были для Аусеклиса послевоенные школьные годы. Война свела в первом классе разных по возрасту ребят, и больших и маленьких. Старшие однокласники терроризировали младших, к которым принадлежал Аусеклис. Он вспоминал: *«Чтобы старшие пацаны меня не поколотили, довольно часто приходилось откупаться рисуя картинки, которые им нравились»*. Несмотря на "народное" признание, по рисованию он не получал оценки выше тройки, за неправильную технику.

Школьные годы оставили самые неприятные воспоминания: *«Школьные годы были как мрачное облако,*

Аусеклису три года

как грозное ненастье». Даже первая влюбленность в 11 лет обернулась неудачей. *«Свои чувства попробовал выразить, раскрасив ее портрет, - рассказывал Бауш. – Работа видимо не удалась, потому, что она больше со мной не разговаривала. Стал несчастным, злым и язвительным»*. В четвертом классе он просидел два года. За исключением химии и физики, учился плохо, были и двойки. Несмотря на это, в 1929 году закончил 2-ю Елгавскую государственную среднюю школу.

Ну, не все было мрачно, в 12 лет

¹ 8 октября 1919 года началось наступление Западной добровольческой армии под командованием Бермонта на Ригу. Это сражение стало судьбоносным для латышей как нации. Результаты победы были настолько значительными, а единство народа было столь крепким, как, возможно, больше никогда в течение 20 века.

Сразу после этого Аусеклис перебрался в Ригу. Родители не возражали, ведь там жили обе старшие сестры. Поселился он у Натальи, которую и много лет спустя вспоминал как любимую сестру.

В Риге начался трудовой путь Аусеклиса, поскольку достаток семьи был невелик. Работал чиновником канцелярии и счетоводом Департамента шоссейных и земляных дорог Министерства путей сообщения. Однако родители хотели, чтобы Аусеклис продолжил образование, стал студентом. У него такого желания не было. А вот рисовать нравилось, это было главным в его жизни. В конце концов, Аусеклис оказался на архитектурном факультете Латвийского Университета, одновременно продолжая работать. Позже, он напишет: *«До сих пор не могу понять, как можно было, не желая, пройти конкурс»*. На результате сказала видимо проверка умения рисовать. В учебе самым близким для него были занятия рисования и акварели у Вильгельма Пурвитиса². Рисовал Аусеклис и в свободное время – *«красивеньких девушек себе и ему на радость. Была даже идея фикс жениться, но обе сестры удержали от этого шага»*.

В это время его как магнитом потянуло в Академию художеств. Он принес и показал Пурвитису свои работы и заявил о своем желании учиться в Академии художеств, просил помочь подготовиться к поступлению. В свою студию тот его не взял, у него это стоило слишком дорого, но послал к Екабу Бине³. Лето проучившись, осенью 1933 года Аусеклис сдал вступительные экзамены и был принят на второй курс Академии художеств (ему зачли учебу в университете на факультете архитектуры).

На палубе корабля, 1942 г. холст, масло

Ивы, 1930 г. акварель

В Академии он учился у Карлиса Миесниека⁴, Августа Аннуса, Конрада Убана, Валдемара Тоне и наконец, в мастерской фигурной живописи Гедерта Элиаса. Но ко времени выполнения дипломной работы, последнего сменил Лудольф берт, у него Аусеклис и закончил свою дипломную работу «На лубе корабля» (Uz kuģa klāja). 28 октября 1942 года он получил диплом о присвоении степени художника живописца.

² Вильгельм Пурвитис (1872 – 1945) - один из самых знаменитых Латвийских художников, основатель школы видовой живописи, основатель Латвийской Академии художеств и ее первый ректор.

³ Екаб Бине (1895 – 1955) – художник, витражист, педагог и критик.

⁴ Карлис Миесниека (1887 – 1977) – Народный художник Латвийской ССР, преподавал в Латвийской Академии художеств и интенсивно занимался живописью. (Я бы и о других учителях написал, но места мало)

1946 год, в Риге

После окончания академии Аусеклис работал рисовальщиком в институте сравнительной анатомии Латвийского Университета и занимался живописью в свободное время. Когда Линия фронта стала приближаться к Риге, жизнь становилась все более беспокойной. Тревогой были охвачены и оккупационные учреждения. Не хватало солдат, не хватало рабочих рук в Германии. Мобилизации становились все более тотальными. Не избежал их и Аусеклис – осенью 1944 года его мобилизовали в рабочую группу и морем отправили в Германию, а затем в Голландию. Там он с другими товарищами по несчастью выполнял, как сейчас бы сказали, малоквалифицированную работу – загружал и разгружал грузовики, работал на ремонте дорог. Капитуляция Германии и конец войны не означала конец невзгод – весной 1945 года в долине Рейна, вместе с другими Аусеклис был взят в плен американцами. Хотя и была весна, спать на земле в открытом поле при ночных заморозках не полезно для здоровья, он всегда удивлялся, почему выдержал и не заболел. Когда союзники начали делить зоны влияния, район, где он был, достался

англичанам, а потом французам. Французские власти отправили его вместе с другими в Дьепп убирать развалины. Война закончилась, но бесконечные минные поля, требовали новых жертв, которым не суждено было увидеть родную сторону и своих близких. Но судьба хранила Аусеклиса. По соглашению с союзниками, и до него дошли представители советской миссии: «Кто хочет домой?» У Аусеклиса не было сомнений в выборе, хотя многие выбрали путь эмиграции на запад. Но не все получилось так гладко, как ему хотелось – он заболел и попал в госпиталь. Первый эшелон домой ушел без него. Аусеклис Баушкениекс очень сильно это переживал, но... ему повезло, потому, что этот состав пошел в Сибирь. Примерно через месяц он, наконец, отправился домой. Однако вместо Риги оказался во Владимире-Волынском. Там на фильтрации ему попался очень доброжелательный мужчина в мундире, и Аусеклис получил временное удостоверение и билет до Риги.

В один из солнечных июньских дней 1946 года он въехал в Ригу – рубашка порвалась, в кармане пара сухарей. Он сел на траву у рижского канала и ему больше ничего не хотелось, он был счастлив. Но это только первые впечатления. Жизнь начиналась совсем невесело. Не было крыши над головой, а, поначалу, и работы. Сестер ветер войны унес далеко от Родины за границу и пропали все его работы - распроданы, похищены или вывезены за границу (Одну правда удалось найти в комиссионном магазине)⁵. Это был самый тяжелый удар, после которого у него надолго пропало желание продолжать заниматься живописью. Впрочем, для этого и места не было, как не было кистей, холста. Только краски, зарытые перед отправкой в Германию, сохранились, хоть и не все. Вроде бы успокоившись, Аусеклис занялся бытом. Еще в первый день приезда ему случайно встретился скульптор Мартыньш Заур, который протянул ему руку помощи. Еще в академии они были знакомы, а в послевоенное время стали очень хорошими друзьями. Аусеклис поначалу поселился у Заура, зарабатывая на жизнь случайными работами: оформлением витрин, вывесками. Только в следующем 1947 году ему повезло найти постоянную работу оформителя в

⁵ В последнем альбоме имеются и картины 30-40-х годов, значит, что-то к нашему времени нашлось.

Литературном музее, а еще через год – в Рижском дворце пионеров. С ним связан важный период жизни Аусеклиса Баушкениека. Там он вел кружки рисования и скульптуры, там он познакомился с Ниной. Он съехал от Заура к ней, а в 1954 году они расписались.

Нина очень много значила в жизни Аусеклиса и даже в его творчестве. Всегда поддерживала и заботилась о нем, делала все возможное, чтобы он мог заниматься живописью, побуждала его к этому. И все-таки самое трудное было начать. Была уже вторая половина пятидесятых. Тот, кто был основной помехой для живописи, умер, это был Сталин⁶. О том, что он был помехой не только для живописи, было официально признано в 1956 году на XX съезде КПСС.

Нина вспоминала, как однажды в гостях у Мартыня Заура художник Антон Мегнис спросил:

- Так сколько картин написал твой муж?

- Ни одной, – ответила Нина.

- Ты плохая жена. Если бы было двадцать, была бы хорошей.

Заинтересованность Нины, чтобы он писал, общая атмосфера обновления в жизни и стве избавили Аусеклиса от слевоенной депрессии. Первым шагом был портрет Нины, а тем, понемногу и другие работы. В первой выставке Аусеклис участвовал в 1959 году.

23 марта того же года бюро секции живописи рассмотрело вопрос о приеме Аусеклиса Баушкениека в Союз художников. Его рекомендовали Янис Паулюк, Мартыньш Заур и Николай Брейкш. Сохранился протокол заседания и стенограмма. Вот фрагменты из нее.

Янис Паулюк: Точность формы не натурализм. Картины Баушкениека базируются не на перерисовке а на принципах дизайна⁷.

Янис Бирзгалис: Баушкениекс очень своеобразный художник, уже очень зрелый.

Антон Мегнис: Для меня это настоящий праздник. Наконец Баушкениека вижу среди нас.

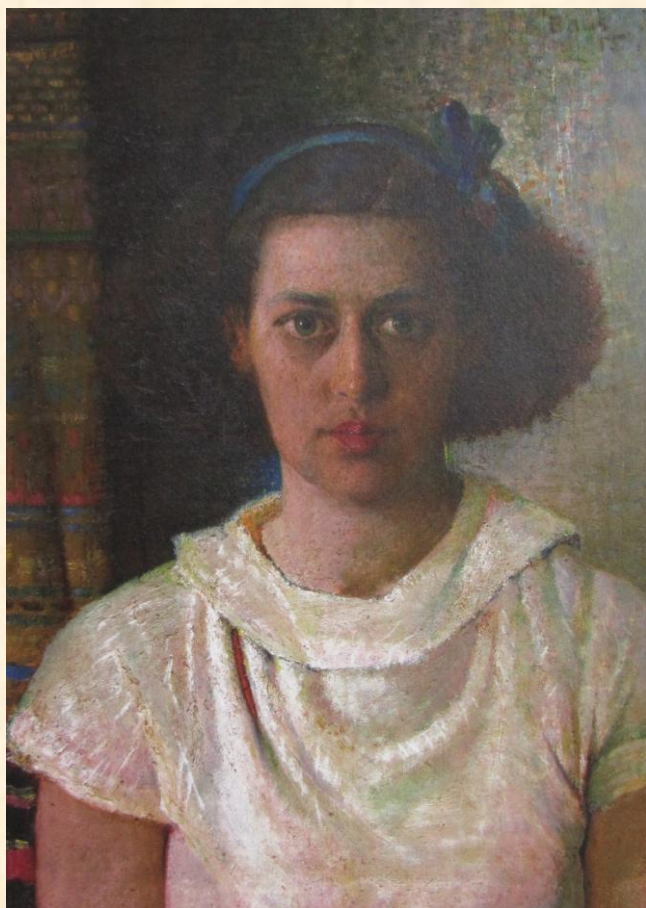
Во дворце пионеров, 1950 год

Нина и Аусеклис. Регистрация бракосочетания
20 мая 1954 года

⁶ Не думаю, что что-то сразу изменилось, но так считает Зигурдс Константс

⁷ Мне трудно было правильно это перевести, привожу оригинал: «Formu precizitāte nav naturālisms. Bauškenieka gleznniecība balstās ne uz nozīmēšanas, bet uz konstruēšanas principa.»

Портрет Нины 1950 г. картон, масло

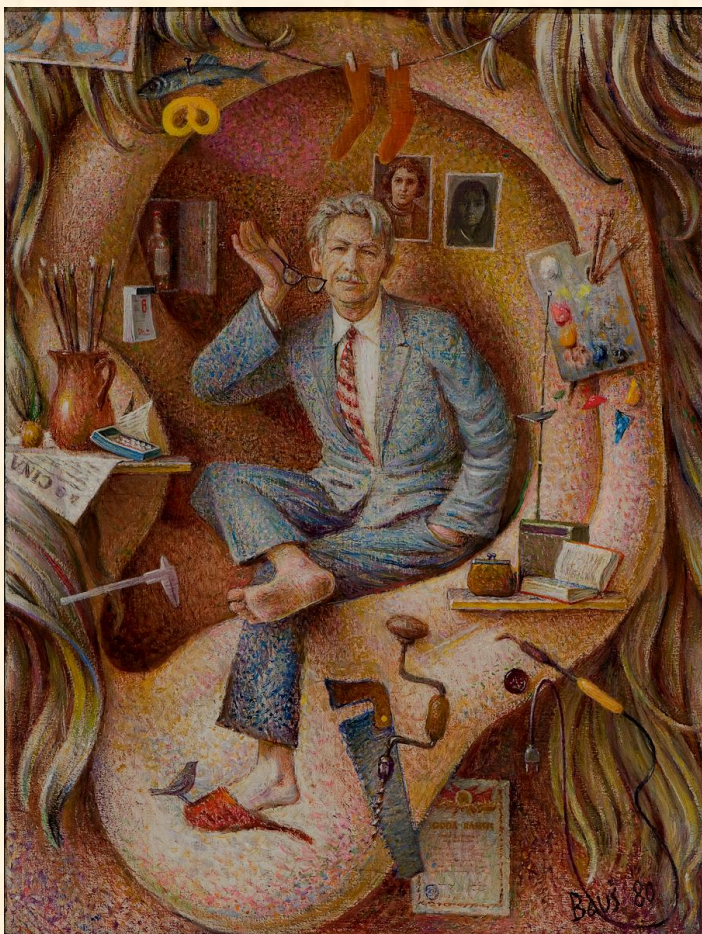
Опущу другие высказывания, сколько язык художников достаточно сложен и, кроме того, главное, что принят кандидатом, а через два года полноправным членом Союза художников Латвийской ССР. Теперь он регулярно участвовал в выставках, но плодотворным художником назвать его было нельзя. Перелом наступил в 70-х, когда ему, наконец, выделили мастерскую на улице Яунсаулес, и он ушел на пенсию. Заявление по поводу мастерской и необходимые документы он, под влиянием уговоров Нины, сдал давно, но не ходил и не добивался. Только вмешательство некоторых коллег художников сдвинуло это дело с мертвой точки, и с 1973 года Аусеклис писал в собственной мастерской. У него открылось второе дыхание. Он был свободен, у него были прекрасные условия для творчества, в соседях художники со своими мастерскими. Поэтому в 1975 году в Доме художника открылась его первая персональная выставка, где экспонировались 66 его работ.

Спокойный в жизни и неугомонный в искусстве – таким помнят Аусеклиса Баушкениека друзья и почитатели его таланта. Неисправимый оптимист, высоко ценящий юмор, само воплощение благодушия, он как будто весь открыт собеседнику – и, в то же время, недостижим для навязчивой бесцеремонности интервьюера. Быть известным и оставаться непознанным – одна из граней самобытного искусства Аусеклиса Баушкениека.

Хоккей 1976 г.
холст, масло

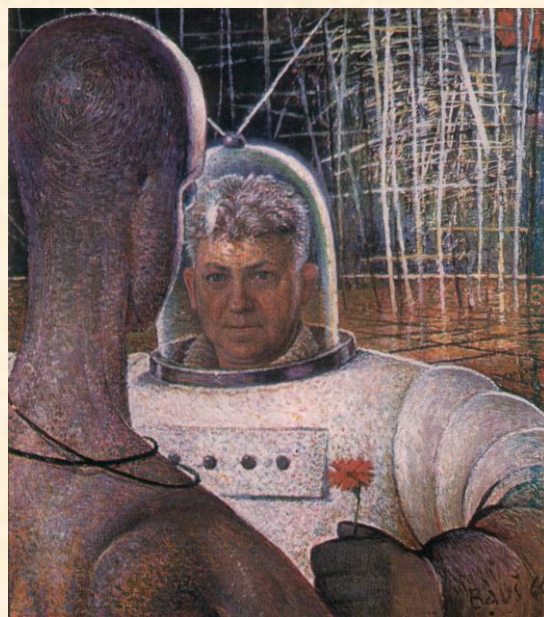
О, хоккей 70-х он царил в спортивном эфире. Все в Латвии болели и за рижское Динамо и за сборную СССР, даже если сам СССР недолюбливали.

У Христа за пазухой 1980 г. холст, масло.
Оригинальное название „Dieva ausī” – дословный перевод «В ухе бога»

Привет с Земли 1974 г. картон, масло

Квадратные метры (14 квадратных метров) 1990 г. холст, масло

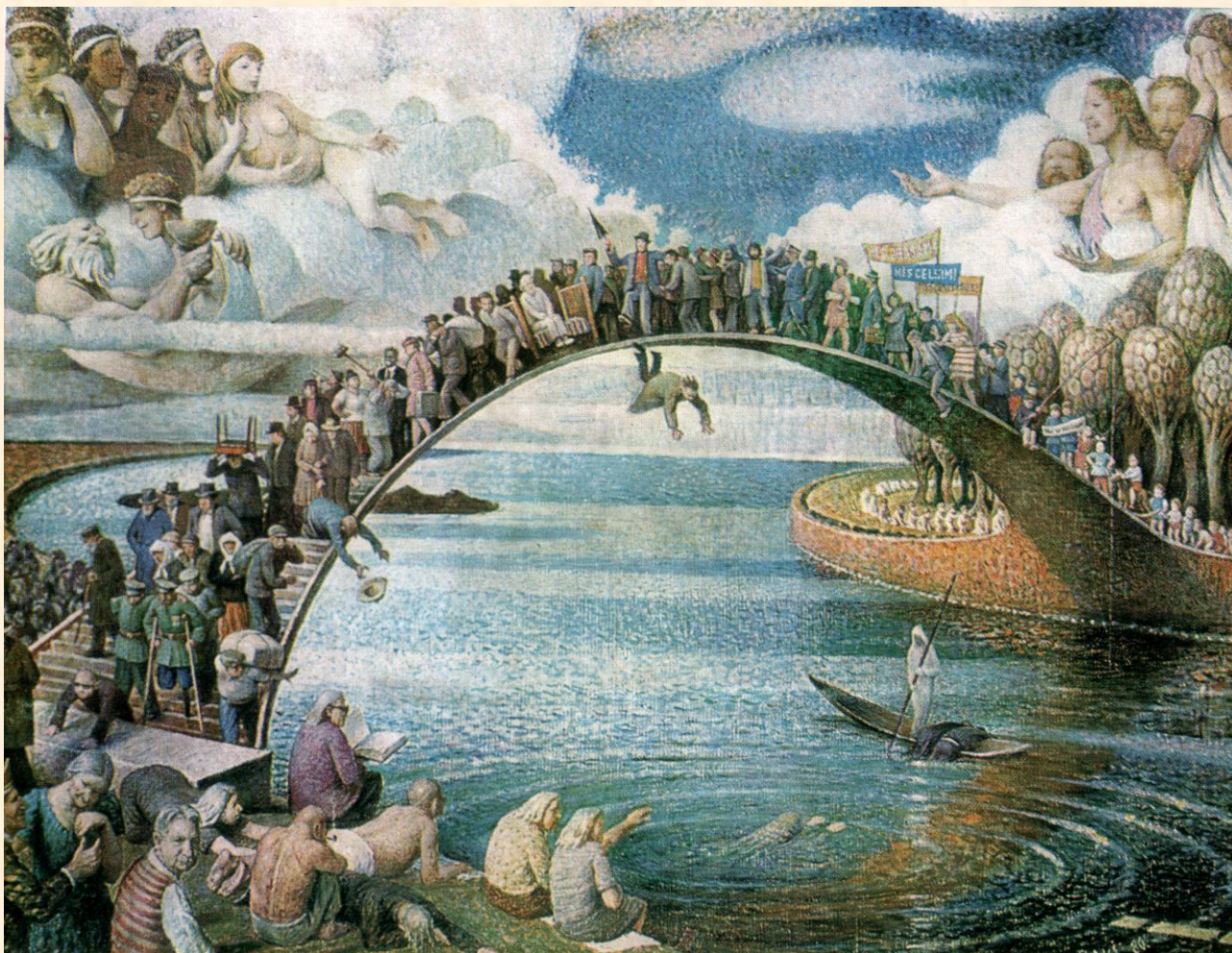
Поезд 1977 г. картон, масло

Ну что должен был сказать об этой картине официальный критик, подозревать, что художник желает очернить качество услуг советской железной дороги? А я столько раз дремал в таких вагонах, и рядом сидели похожие люди. Несмотря на неудобство они вместе, они поддерживают друг друга, они – семья. Для меня это очень теплая, трогательная картина.

Река 1975 г. картон, масло

Эту вакханалию в альбомах разрезают, чтобы подробнее показать фрагменты, каждый видит здесь свою символику, но, думаю, очень многое расшифровали бы нам друзья художника, наверняка, в эту картину вплетены эпизоды их жизни.

Мост 1980 г. холст, масло

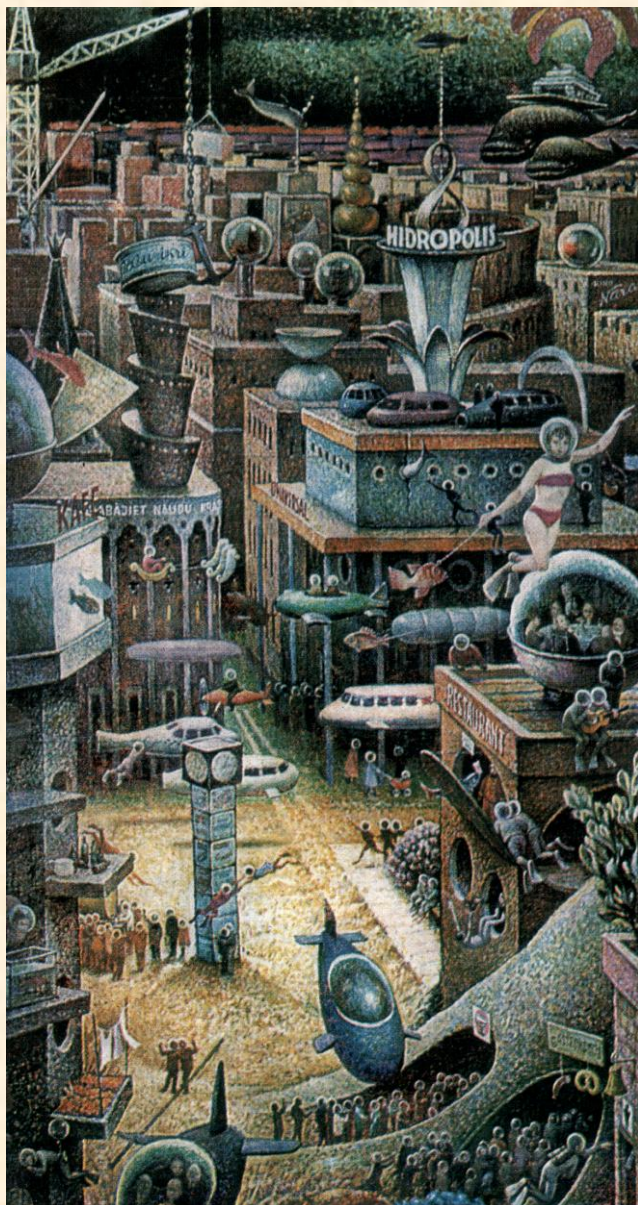
Вот уж провокационная работа для советского критика. Вроде боги олимпийцы или Христос, и Харон в своей лодочке. Так куда же идут эти люди. Там еще транспаранты: «Мы просим», «Мы будем строить», «Мы будем бороться», «Долой родителей». Не удивительно, что картина долго не выставлялась и не репродуцировалась. Может, я ошибаюсь, но впервые репродукция этой картины появилась в русскоязычном литературном журнале «Даугава», редактором которой был Владлен Дозорцев. В 1990 году она уже и на обложке альбома.

Главный биограф Баушкениека, Зигурдс Константс, вспоминает, что однажды вечером 1987 года, когда они вдвоем в мастерской медленно смаковали крепкие напитки и кофе, он попробовал спровоцировать Аусеклиса на разговор о его картинах. Зашла речь и об этой картине. Художник встал перед картиной и начал объяснение. «Видишь эти деревья (указывая рукой на странные деревья справа от моста), это яичники, из них выходят зародыши, вот уже ползут младенцы. Дети. Они подрастают, набираются сил, но ума ли... Там уже кто-то лишний (показывает на падающего с моста, которого толкнул, кто-то из идущих).

А это проповедники, пророки (верхний правый угол) они указывают, они обещают, что туда все придут (левый верхний угол). Там всех ждет беззаботность, одни радости. Любые, каких кто пожелает. А здесь (указывает на спуск с моста) все такие, как они есть... (указывая на бредущих внизу, все еще цепляющихся за свои пожитки). И здесь конец, надо только подождать. Погоди, и я тоже здесь... Думаю здесь мое место...»

Потом обернулся вправо. «Смотри, здесь эти плакаты наиболее значимы! (сам их читает) Долой родителей! Мы будем бороться! Мы будем строить! Мы просим!»

«На этом закончилась наша медитация у картины» - пишет Константс.

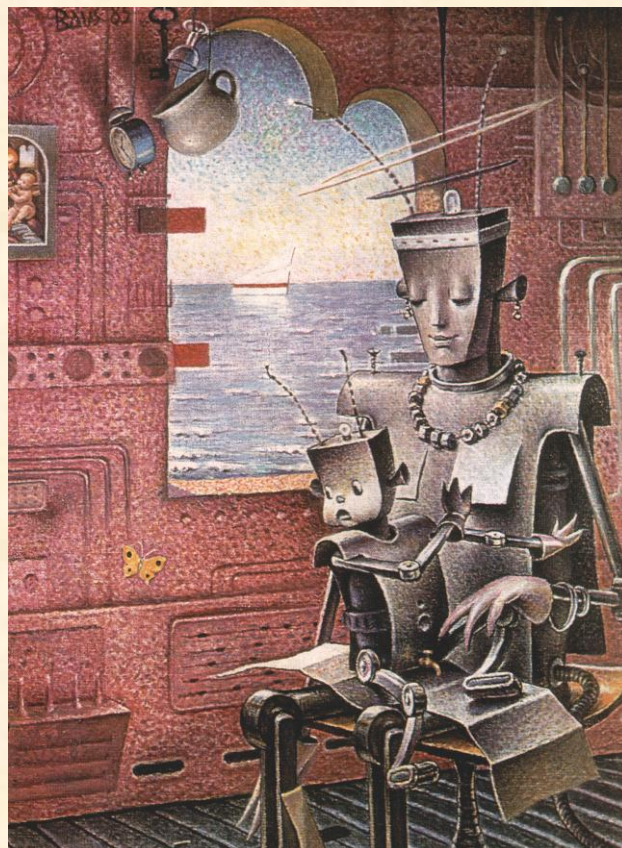

Гидрополис 1980 г. картон, масло

У него много фантастических полотен. Кому из латвийцев не знакомы эти часы, сколько свиданий здесь назначалось. Что, предвидел художник результат глобального потепления?

Идилия 1985 г. холст, масло

...и «мадонна с цветком» на стене

Праздник на заводе
роботов 1988 г.
холст, масло

Кстати, под Ригой, фактически на ее окраинах, тогда еще строился завод промышленных роботов. Очень скоро он уже стал лишним, как и ВЭФ, Альфа, завод микросхем. Такая Латвия Европе была не нужна.

Утро 1971 г. картон, масло

Сколько обнаженных в истории живописи сидели вот так у зеркала, а этот Бауш на передний план выставил свою босую ногу, намекая этим на то, что было перед этим ночью. Одеядло перемятое, ну как это связать с программой строительства коммунизма, о которой вещает радиоточка, имеющая место быть в каждой квартире. Мы жили своей жизнью, пропуская мимо ушей пропаганду, но с верой, что завтра будет лучше, чем вчера

У меня, почему-то, глядя на эту картину всплывают строки моло-

дого Маяковского из «Облака в штанах», того еще хулигана...

Что мне до Фауста,
феерией ракет
скользящего
с Мефистофелем
в небесном паркете!
Я знаю —
гвоздь у меня в сапоге
кошмарней,
чем фантазия у Гете!

Ну, не знаю почему.

Трещина 1980 г. картон, масло

Кому может быть непонятна эта символика, впрочем, и здесь могут возникнуть разные ассоциации, кто-то даже увидит политику.

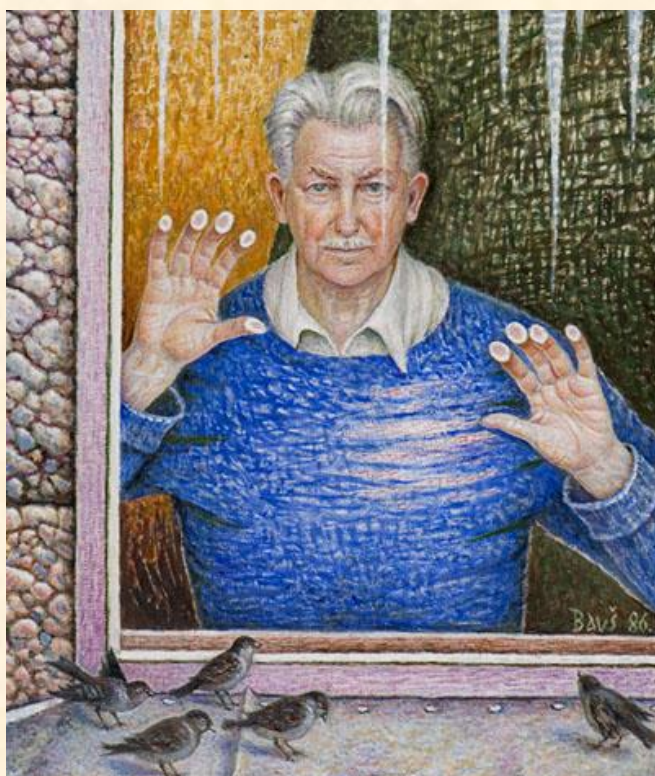
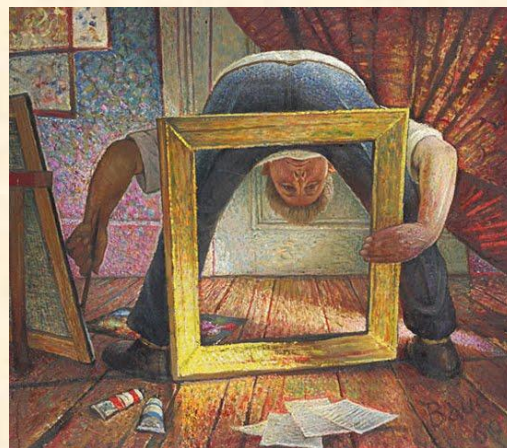

Если бы у меня был брат-близнец
1979 г. холст, масло

Ироничный тройной автопортрет и, в тоже время, пророческий, в 1995 году Аусеклис Баушкениекс был награжден Орденом Трех Звезд.

Антиавтопортрет 1969 г. холст, масло

Специально для критиков от хулигана Бауша

Автопортрет за стеклом 1986 г. картон, масло

Этим замечательным автопортретом я закончу эту публикацию о замечательном латышском художнике Аусеклисе Баушке-ниеке. Еще много его работ мне хотелось бы добавить сюда, не обо всем я упомянул, Бауш ведь занимался и малой скульптурой, паял разные радиосхемы, создавал фигурки из радиодеталей.

Надеюсь, для кого-то это станет поводом ближе познакомиться с ним и его творчеством. Пока наиболее полную информацию предоставит издание 2010 года издательства "Neptuns" на 380 страницах формата 31.5 x 25 см на латышском языке. На русском языке были лишь небольшие публикации. Надеюсь, эта несправедливость будет исправлена, Бауш того стоит.

ВК

Неизвестная Бермонтиада

Николай КАБАНОВ

Вести сегодня 10 ноября 2004

85 лет назад все могло повернуться по-другому. Если бы не британские и французские пушки, расстреливавшие вчерашних союзников, русских казаков, на бастионах Усть-Двинска. Если бы не жажда мести немецких баронов, не понимавших, что латышей не загнать в кабалу...

Но все произошло, как произошло, и именно "день Лачплесиса" — 11 ноября, породил ту Латвию, в которой в действительности не было места ни немцам, ни русским.

"Воспоминания предателя народа": так с горькой иронией назвал свою книгу о роковых днях страны Андриевс Ниедра (1871 — 1942). Популярный среди лютеранской паствы священник и писатель, защитник народа в революцию 1905 года, он был искренним сторонником союза Латвии с Россией и Германией, убежденным антибольшевиком. Весной 1919 года в Лиепае он стал серьезным политическим противником Карлиса Улманиса. Тогда будущий диктатор скрывался на единственной принадлежавшей ему территории — пароходе "Саратов", а Ниедра составил правительство. 26 июня 1919 года Ниедра отказался от поста президента министров, пробыв в этой должности сорок дней. Впоследствии Улманис отомстил своему конкуренту — в 1924-м Ниедра был объявлен вне закона и выслан из страны.

Андриевс Ниедра

Кем же был Бермонт?

Павел Рафаилович
Бермондт-Авалов

Павел Михайлович Авалов, по свидетельству Ниедры, "родился на Кавказе в 1884 году". Отец — князь Михаил Антонович Авалов, и мать, урожденная Кугушева, не состояли в формальном браке. Уже после рождения ребенка мама вышла замуж за ротмистра Бермонта. Осетинская кровь звала к шашке и коню — с началом русско-японской войны вольноопределяющийся Бермонт стал делать карьеру. Семь ранений, чин прапорщика, Тверское кавалерийское училище, и в Германскую войну Бермонт уже ротмистр (капитан). Последнее звание — полковника — ему присвоили перед Февральской революцией. А генералом он уже назначил сам себя...

Инстинктивный, мистический монархизм сочетался в командующем Западной русской армией с исключительной личной храбростью. Любил Бермонт казачьи и кавказские песни, обладал хорошим баритоном. "Я в своей жизни ни разу не встречал никого другого, чье самоотречение в дружбе так обуревало бы всю сущность, как это было у Бермонта", — свидетельствует А. Ниедра. "Корыстному человеку можно было раздеть Бермонта до рубашки". В то же время "русские солдатики любили Бермонта больше отца, матери и брата". Ведь именно он вытащил их из голодных лагерей военнопленных и пообещал вернуться в Россию.

Потерянный шанс

Ниедра явился автором договора между Латвией и Западной русской армией: войска Бермонта брали на себя обязанности "охранять этнографические границы Латвии от нападения русских большевиков, эстонцев и литовцев", а Латвия "способствовала бы вступлению добровольцев" и "своей милицией охраняла бы тыл" Западной русской армии. Однако к сентябрю 1919 года реальная власть в Риге уже принадлежала Карлису Улманису, которому отнюдь не улыбалась перспектива делиться с кем-то властью. Западная армия была фактически спровоцирована на конфликт — хотя ее первоначальной целью было наступление на Петроград и уничтожение большевизма. Ниедра подтверждает: "Психологически наступление на Ригу было золотыми часами, которые картежник ставит на свою последнюю карту, когда все деньги уже проиграны". "Ни Бермонт, ни Пален, ни Чесноков не шли в Курземе, чтобы уничтожить Латвию. Их целью была Россия. Им было трудно поверить, что Латвия их туда не пустит. До самого конца сентября они держались своей веры".

"Заняв Торнякалнс, но неспособный форсировать Даугаву, Бермонт предложил перемирие. Сумел бы он предложить его на правом берегу, тогда бы он с Улманисом договорился сразу". Однако Улманис отверг ультиматум — и тогда Бермонт выстраивает тяжелые орудия на берегу Двины и начинает методично обстреливать... немецкие дома в Старом городе! "У Улманиса на набережной не было дома", — констатирует Ниедра. И потому национальное правительство могло преспокойно выжидать — ему-то персонально ничего не угрожало. Но с каждым часом росла вражда между Бермонтом и поддерживавшими его немцами. К тому же и 40 тысяч рижан, оставшихся в ближнем тылу Западной армии, были обречены на бедствия: "Водопровод, который шел с правого берега Даугавы, латышские войска перерезали, так же с электричеством..." Западная армия не была разгромлена — она отступила в организованном порядке сначала на Елгаву, а потом на Мажейкю.

Международно-правовой хаос 85-летней давности постепенно принял форму национального государства, и оно создало свою мифологию. В ней у Бермонта-Авалова был ярлык "авантюриста", у Ниедры — "предателя народа", ну а у Улманиса — "вождя". Хотя, как ви-

Карлис Улманис

дим, все они могли бы запросто поменяться местами...

Карлис Улманис в 1934 году

P.S. В этой истории есть конечно и английский и германский след, у всех были свои интересы. Недавно вычитал, что немцы не были заинтересованы во взятии Юденичем Петрограда, поскольку это усилило бы английское влияние в Прибалтике.

Dragon приводнился в океан

Первый частный космический корабль Dragon успешно вернулся на Землю

Первый частный космический корабль «Дракон» американской Анастасия Берсенева

ФОТО: Reuters

Первый частный космический корабль Dragon успешно вернулся на Землю. Он приводнился в Тихом океане около берегов Калифорнии. Создатели корабля намерены теперь первыми среди коммерческих компаний отправить на орбиту астронавта.

В четверг американский корабль Dragon — первый частный космический грузовик — начал свой обратный путь с орбиты на планету. Шесть дней — с вечера 25 мая — он был пристыкован к Международной космической станции (МКС). Все эти дни космонавты разгружали Dragon: он доставил на орбиту около полутонны различных грузов — одежду, оборудование для экспериментов, батарейки и еду для экипажа, а затем загрузили его.

Обратно на Землю первый коммерческий грузовик должен был отвезти уже 660 килограммов, в том числе детали насосов систем фильтрации и старые части от скафандров.

Представители NASA заявили, что ничего важного в этих килограммах нет: если что-то при спуске пойдет не так, то переживать за груз они не будут, сообщает AFP.

В 12.15 мск с помощью руки-манипулятора корабль был отведен от МКС, а затем отпущен в космос. Через четыре часа на Dragon включились двигатели, и корабль направился к Земле.

Представители NASA заявляли, что корабль идет в атмосфере, «как сгорающая комета», но он защищен от высокой температуры «очень сложным тепловым щитом».

Во время снижения несколько раз включались двигатели корабля, которые корректировали его курс к месту посадки. Центр управления полетами в Хьюстоне заявил, что красно-белые стропы парашюта, на котором опускался Dragon, были отчетливо видны наблюдателям с земли. Спуск занял меньше полутора часов — в 19.44 мск корабль приводнился в Тихом океане, к югу от Калифорнии. «Приводнение успешное!!!» — тут же написал в своем Twitter исполнительный директор компании SpaceX, создавшей Dragon, Элон Маск. Он добавил, что на поиски Dragon тут же отправились лодки. А в 20.56 Маск написал, что первая лодка уже приближается к кораблю, чтобы зацепить его тросом.

После того как корабль достанут из воды, его погрузят на судно и доставят в Лос-Анджелес. Затем Dragon будет отправлен компании-разработчику SpaceX для проверки всех систем корабля на испытательном полигоне в Техасе.

Официальные лица США уже назвали завершение миссии точкой отсчета нового периода — эры частной космонавтики.

Dragon разрабатывали для перевозки грузов на МКС на коммерческом авиакосмическом предприятии Space Exploration Technologies (SpaceX — технологии по исследованию космоса) в Калифорнии. Корабль должны были запустить 19 мая, но запуск был отменен за полсекунды до старта из-за того, что в первой ступени ракеты-носителя обнаружилось повышенное давление. Инженерам пришлось устранять не-

исправность, а космический дебют перенесли на 22 мая. Стыковка Dragon с МКС состоялась на третий день после запуска. В течение первых двух дней после старта специалисты анализировали работу систем, а уже затем корабль медленно приблизился к МКС и был захвачен рукой-манипулятором.

Компания SpaceX заключила с NASA контракт размером в \$1,6 млрд на 12 беспилотных грузовых полетов к МКС. Теперь SpaceX намерена стать первой компанией, отправившей астронавта на орбиту. В будущем бизнесмен планирует модифицировать Dragon, чтобы тот мог достигнуть Марса.

<http://www.gazeta.ru/social/2012/05/31/4608725.shtml>

SpaceX была основана в июне 2002 создателем известной платежной системы PayPal Элоном Маском. Рост численности сотрудников — от 160 в ноябре 2005 года к более чем 500 человек к июлю 2008 году. Малое количество сотрудников, по сравнению с другими компаниями, запускающими ракеты подобного класса, связано со стремлением максимально удешевить запуски.

В январе 2005, компания SpaceX купила 10% британской компании Surrey Satellite Technology Ltd, которая является разработчиком космических аппаратов.

В мае 2005 года компания заключила контракт на 100 млн. долларов с Центром ракетно-космических систем ВВС США по выводу на орбиту военных спутников. Несмотря на неудачу первого старта, компания продолжала получать заказы. В частности, заключено соглашение с канадской компанией MDA Corporation на запуск спутника Cassiope. Всего компания имеет около 10 заказов на запуск спутников.

18 августа 2006 компания SpaceX объявила, что она выиграла контракт с НАСА, чтобы продемонстрировать грузовую поставку к Международной космической станции с возможным выбором для транспорта команды.

2 августа 2008 года третий запуск Falcon 1 закончился неудачей. Ракета несла один военный американский спутник, два малайзийских микроспутника и груз праха для захоронения в

космосе. На третьей минуте полёта связь с ракетой была потеряна. Согласно официальному заявлению компании, у ракеты не отсоединилась первая ступень и она была утеряна.

Стыковка Dragon с МКС в представлении художника

28 сентября 2008 года четвёртый запуск ракеты Falcon 1 впервые завершился успехом. На эллиптическую орбиту высотой 500—700 километров был доставлен массовый эквивалент полезного груза.

14 июля 2009 года произведен пятый запуск ракеты Falcon 1. На орбиту был успешно выведен коммерческий спутник RazakSat, принадлежащий Малайзии. Это был первый в истории полностью успешный полет ракеты-носителя на жидком топливе, разработанной и созданной частной компанией. Масса спутника составила 180 кг, высота орбиты 685 км, наклонение 9°.

4 июня 2010 года был осуществлён успешный запуск более тяжёлой, чем Falcon 1, ракеты Falcon 9, которая достигла целевой орбиты¹.

8 декабря 2010 года был успешно осуществлён запуск ракеты Falcon 9 и грузового корабля Dragon. Корабль вышел на орбиту, передал телеметрическую информацию, сошёл с орбиты и успешно приводнился в океан. Таким образом, SpaceX стала первой в мире неправительственной организацией, которая запустила орбитальный грузовой корабль и успешно возвратила его.

5 апреля 2011 года Элон Маск анонсировал FH Falcon Heavy, первый запуск которой будет осуществлён в конце 2012 года с базы ВВС США Ванденберг. Второй запуск будет осуществлён с мыса Канаверал в конце 2013—2014 году. Новая ракета позволит выводить до 32 тонн полезного груза на низкую опорную орбиту.

16 августа 2011 года НАСА дает согласие на запуск корабля «Dragon» 30 ноября и его стыковку с МКС. 22 мая 2012 года в 11:44 MSK был осуществлён успешный запуск с последующим выходом на орбиту. Аппарат был захвачен Канадской рукой с МКС 25 мая в 17:56 MSK.

ЗАГАДКА «NN»

Пушкинистов очень интересует, кто же сокрыт под шифром NN в Донжуанском списке Пушкина.

Ряд исследователей выдвигает свои предположения относительно загадочного объекта любви поэта.

Л.Гроссман высказал мнение, что «утаенной любовью» Пушкина была Софья Потоцкая (Киселева). Однако во второй части Дон-Жуанского списка есть имя Софья. Ею вполне может быть и Софья Потоцкая. Правда, о ней Пушкин писал Вяземскому (ноябрь 1823 г.) как о «похотливой Минерве», что значительно снижает образ «утаенной» любви:

«Вот тебе, милый и почтенный Асмодей, последняя моя поэма... Если эти бессвязные отрывки покажутся тебе достойными тиснения, то напечатай... Еще просьба: припиши к «Бахчисараю» предисловие или послесловие, если не ради меня, то ради твоей похотливой Минервы, Софьи Киселевой». Заметим, не просто «похотливой», не «моей», а «твоей похотливой Минервы».

Вряд ли после этих строк Пушкин мог сохранить возвышенные чувства к ней на протяжении почти всей своей жизни.

Видимо, незачем было скрывать под NN и имя Екатерины Орловой. Едва ли увлечение ею было сильным, тем более благоговейным. На это наталкивают строки из пушкинского письма тому же Вяземскому: «Моя Марина славная баба: настоящая Катерина Орлова».

Властность и честолюбие, определяющие в драме «Борис Годунов» характер Марины Мнишек, поэт отмечает в Екатерине Орловой. Хотя он и восхищался Екатериной, однако вышеназванные черты никогда не привлекали поэта, не внушали особой любви к женщине. По воспоминаниям тонко чувствующей людей Анны Петровны Керн, Пушкина очаровывало в женщинах остроумие, блеск и внешняя красота.

М.О.Гершензон утверждал, что объектом загадочной любви Пушкина является Мария Аркадьевна Голицына, внучка знаменитого полководца Александра Суворова.

Причем основанием для такого вывода служат совершенно невинные строки пушкинского письма брату от 27 марта 1825 года, когда поэт решил издать свои стихи:

«Тиснуть еще стихи К.Голицыной-Суворовой; возьми их от нее». Однако до сих пор неизвестно, какие же стихи были взяты у княгини.

Исследователи называют предметом «утаенной любви» и Марию Раевскую (в замужестве Волконскую).

П.Е.Щеголев пишет, что «утаенной» любовью поэта была именно Мария Николаевна Раевская-Волконская. Исследователь нашел в черновике посвящения к поэме «Полтава» знаменательные строки, и это решило для него проблему: «Что ты единая святыня / Что без тебя мир / Сибири хладная пустыня».

Иными словами, «географическое» указание на Сибирь для П.Е.Щеголева явилось единственным «доказательством» тайной любви поэта к Марии Раевской. Психологически же можно прибегнуть к такого рода сравнению тогда, когда хочется подчеркнуть свою обреченность на одиночество, на потерю интереса к миру, как это сделал, скажем, Наполеон, обращаясь к Жозефине со словами любви: «Весь мир без тебя — пустыня».

В последнее время наибольшее предпочтение вновь отдается Е.А.Карамзиной. На чем же строятся предположения о том, что именно жена великого историка была объектом загадочной любви Пушкина?

М.А.Несмеянова в недавно изданной книге «Кто Вы, “утаенная любовь” Пушкина?», обращаясь к «Элегии» Пушкина 1816 года — «Счастлив, кто в страсти сам себе / Без ужаса признаться смеет», считает, что Пушкин, говоря здесь о страсти к Екатерине Андреевне Карамзиной, испытывает при этом ужас от осознания того, к кому обращено его чувство.

Но я, любовью позабыт,
Моей любви забуду ль слезы!

К Е.А.Карамзиной, по мнению Несмеяновой, относятся и строки «Посвящения» к «Полтаве»:

Твоя печальная пустыня,
Последний звук твоих речей
Одно сокровище, святыня,
Одна любовь души моей.

Основанием для этого утверждения являются следующие печальные обстоятельства:

за два года до написания этих строк Карамзина потеряла мужа и оттого ощущала себя очень одинокой и старой. Строка же «Последний звук твоих речей», якобы, возникла потому, что Пушкин незадолго до создания «Посвящения» к «Полтаве» побывал в Царском Селе, посетил лицей, навестил и Екатерину Андреевну.

Но, на наш взгляд, это событие в жизни Пушкина можно истолковать и иначе: в Царском Селе всколыхнулись воспоминания о юности, заговорила память сердца, чувства к женщине, перед которой поэт преклонялся, обожествляя ее.

Напомним, что не только Карамзина жила в Царском Селе в пору ранней юности Пушкина.

В 1816 году там находилась все лето и императрица Елизавета Алексеевна. И если любовь к Карамзиной не была секретом и имя Катерина II не случайно стоит после имени Катерина I (Бакунина), то есть мы под ним определенно подразумеваем Е.А.Карамзину, то сразу же вслед за этим именем идет загадочная NN. Это таинственное имя находится между именами Е.А.Карамзиной, жившей тогда в Царском Селе, и Кн. Авдотией — Евдокией Ивановой Голицыной, жившей в Петербурге.

Так кто же эта женщина? Она должна была находиться либо в Царском Селе, либо в Петербурге. Елизавета Алексеевна вполне могла быть ею.

Любопытно и то, что Е.Карамзина и Е.Голицына ровесницы — они были на 20 лет старше Пушкина. И если и это не останавливало поэта, когда он начертал имена Карамзиной (Катерина II) и Голицыной, то

какое же обстоятельство заставило Пушкина вставить между ними зашифрованное NN?

Э.Виже-Лебрэн. Портрет великой княгини Елизаветы Алексеевны. 1795

Это могло случиться, когда для Пушкина было невозможно назвать его и немислимо уравнивать с другими. Если под NN Пушкин подразумевал Елизавету Алексеевну, то кроме опасности, которая могла подстерегать его, все упомянувшего имя императрицы в шутовском «любовном» списке, поэта могли и поднять на смех из-за безнадежности этой любви и гипертрофированного самомнения «влюбленного». А насмешек Пушкин, как известно, не терпел.

Может возникнуть вопрос: а есть ли основание для связи имени императрицы Елизаветы Алексеевны с проблемой «утаенной любви»? Да, есть. Обратимся к самому Пушкину.

В 1815 году в «Моем завещании Другам» появились строки, несущие высокий образ любви:

Мои стихи дарю забвенью,
Последний вздох, о други, ей!

А в 1816 году Пушкин пишет:

Одну тебя везде воспоминаю,
Одну тебя в неверном вижу сне;
Задумаюсь — невольно призываю,
Заслушаюсь — твой голос слышен мне.

«Уныние», 1816

И.-Х.Набгольц. Портрет великой княгини Елизаветы Алексеевны. 1794

Очевидна психологическая общность пушкинских поэтических образов в «Разлуке» и «Послании к Юдину» 1816 года:

Блеснет ли день за синею горою,
Взойдет ли ночь с осеннею луною —

Одну тебя в неверном вижу сне.

«Разлука», 1816

Везде со мною образ твой,
Везде со мною призрак милый:
Во тьме полуночи унылой,
В часы денницы золотой.

«Послание к Юдину», 1816

Эти мотивы можно найти и в элегиях 1816 года:

Где вера тихая меня не утешала,
Где я любил, где мне любить нельзя!
Украдкой младость отлетает,
И след ее — печали след.

«Я видел смерть; она в молчанье села...»,

Я всё не знаю наслажденья,
И счастья в томном сердце нет.

«Наслажденье», 1816

Но мне в унылой жизни нет
Отрады тайных наслаждений;
Увял надежды ранний цвет:
Цвет жизни сохнет от мучений!
Печально младость улетит...

«Счастлив, кто в страсти сам себе...»,

1816

Долгое время пушкинисты определяли этот цикл как «бакунинский», обращенный к Екатерине Павловне Бакуниной.

Уж нет ее... я был у берегов,
Где милая ходила в вечер ясный;
На берегу, на зелени лугов
Я не нашел чуть видимых следов,
Оставленных ногой ее прекрасной.
Задумчиво бродя в глуши лесов,
Произносил я имя несравненной;
Я звал ее — и глас уединенный
Пустых долин позвал ее в дали.

Не трепетал в них образ незабвенный.

«Осеннее утро», 1816

Однако трудно соотнести образ кареглазой и смуглолицей Екатерины Бакуниной с тем обликом, что проступает в других ранних стихотворениях Пушкина, в частности в «Городке», датированном 1814–1815 годами, то есть созданном примерно за год до встречи с фрейлиной императорского двора:

Мечта! в волшебной сени
Мне милую яви,
Мой свет, мой добрый гений,
Предмет моей любви,
И блеск очей небесный,
Лиющих огонь в сердца,
И граций стан прелестный,
И снег ее лица.

Отметим снова, что Бакунина была смуглолицей, а вот императрица Елизавета Алексеевна отличалась исключительной белизной кожи. Да и сама элегия «Осеннее утро» появилась еще до встречи с Бакуниной.

Неизвестный художник с оригинала Э.Виже-Лебрэн. Портрет императрицы Елизаветы Алексеевны. 1800-е годы

И, наконец, в 1818 году этот размытый в элегиях Пушкина образ обретает реальные очертания и получает имя: Елизавета.

В стихотворении «Ответ на вызов написать стихи в честь государыни императрицы Елизаветы Алексеевны» («К Н.Я. Плюсковой») Пушкин признался в странных, на первый взгляд, чувствах:

Я, вдохновенный Аполлоном,
Елисавету втайне пел.
Небесного земной свидетель,
Воспламененною душой
Я пел на троне добродетель
С ее приветною красой.
Любовь и тайная свобода
Внушали сердцу гимн простой.

Поражает необычайно возвышенный строй чувств: «Небесного земной свиде-

тель». Эта женщина в силу своей недостижимости и красоты была для юного Пушкина будто сошедшей с небес. Императрица была для юноши божеством, которому можно только поклоняться.

Впечатление от императрицы Елизаветы Алексеевны было настолько сильным, что спустя годы Пушкин помнит все, что с ней связано:

Приятным, сладким голосом, бывало,
С младенцами беседует она.
Ее чела я помню покрывало
И очи светлые, как небеса.
Но я вникал в ее беседы мало.
Меня смущала строгая краса
Ее чела, спокойных уст и взоров,
И полные святыни словеса.

Дж.Доу. Портрет императрицы Елизаветы Алексеевны. 1828

Голос императрицы, как вспоминали современники, был приятен и мелодичен. Какая-то особенная доброта, кротость и мягкость слышались в нем. Он невольно при-

влекал и проникал в душу, точно так же, как и ласковый, светлый взгляд ее голубых прекрасных глаз.

«Трудно передать всю прелесть императрицы: черты лица ее чрезвычайно тонки и правильны: греческий профиль, большие голубые глаза и прелестнейшие белокурые волосы. Фигура ее изящна и величественна, а походка чисто воздушная. Словом, императрица, кажется, одна из самых красивых женщин в мире».

Даже Екатерина II и то не удержалась, чтобы не написать:

«Мадам Елизавета — сирена. Ее голос проникает прямо мне в сердце...»

Вполне вероятно, что эти «полные святыни словеса» вспомнились поэту, когда он во время создания «Полтавы» посетил Царское Село. Прежние чувства вдруг ожили и заговорили в нем. Елизаветы Алексеевны уже не было на свете, она умерла в 1826 году, за два года до создания «Посвящения» к «Полтаве». «Твоя печальная пустыня» — это мог быть и образ могилы. Думаем, строки «Посвящения» к «Полтаве» с большей вероятностью можно отнести к императрице Елизавете Алексеевне, нежели к Екатерине Андреевне Карамзиной:

Твоя печальная пустыня,
Последний звук твоих речей
Одно сокровище, святыня...

Юного Пушкина ранили недоброжелательные разговоры, задевающие честь императрицы. Он, как и многие, знал, что она несчастна в браке.

На наш взгляд, образ женщины, представление о прекрасной половине рода человеческого формировались у молодого поэта под впечатлением от императрицы Елизаветы Алексеевны как недостижимого божества, прекрасного в своем одиночестве. Отсюда и возникновение идеала «любви отверженной и вечной»:

Я знал любовь, но я не знал надежды,
Страдал один, в безмолвии любил.
Безумный сон покинул томны вежды,
Но мрачные я грезы не забыл.
«Князю А.М.Горчакову», 1817

Воспоминаньем упоенный...

И чувствую: в очах родились слезы вновь;
Душа кипит и замирает;
Мечта знакомая вокруг меня летает;
Я вспомнил прежних лет безумную любовь,
И всё, чем я страдал, и всё, что сердцу мило,
Желаний и надежд томительный обман...

«Погасло дневное светило», 1820

Неизвестный русский художник начала XIX века. Портрет императрицы Елизаветы Алексеевны. После 1806–1808

Чью тень, о други, видел я?
Скажите мне: чей образ нежный
Тогда преследовал меня
Неотразимый, неизбежный?

.....
Я помню столь же милый взгляд
И красоту еще земную,
Все думы сердца к ней летят,
Об ней в изгнании тоскую...
Безумец! полно! перестань,
Не оживляй тоски напрасной,
Мятежным снам любви несчастной
Заплачена тобою дань...

«Бахчисарайский фонтан», 1821–1823

Она одна бы разумела
Стихи неясные мои;

Одна бы в сердце пламенела
Лампадой чистою любви.
Увы, напрасные желанья!

.....
Земных восторгов излишня,
Как божеству, не нужно ей.

«Разговор книгопродавца с поэтом»,
1824

При всем преклонении поэта перед Е.А.Карамзиной можно одно уверенно сказать, что для Пушкина она была кем угодно, но не божеством.

Кристина Робертсон. Портрет императрицы Александры Федоровны. 1840-е годы

В 1824 году появляется еще одно лирическое произведение — «Фонтану Бахчисарайского дворца», в котором есть строки, раскрывающие представление Пушкина о женщине:

Иль только сон воображенья
В пустынной мгле нарисовал
Свои минутные виденья,
Души неясный идеал?

Оказывается, не конкретная женщина вызывала у поэта чувство «утаенной люб-

ви». Таинственный образ, сокрытый шифром NN, может быть этим «души неясным идеалом».

А.Лукиянов высказал интересную мысль о том, что пушкинский «идеал был недоступен для физической близости и был наделен всеми достоинствами и добродетелями, которые воспевались великими поэтами. Пушкинскому «идеалу женщины» присущи ум, преданность, понятия о чести, скромность, верность, красота внешняя и духовная... Но это был только идеал. Сам Пушкин влюблялся в таких женщин, восхищался ими, страдал от неразделенной любви, но постоянно бежал от них и вновь погружался в стихию сексуальных удовольствий».

Не удивительно, что в центре внимания юного Пушкина оказалась в силу своей недостижимости и прекрасного облика не только императрица, но и будущая императрица великая княгиня Александра Федоровна, жена великого князя Николая Павловича.

Наряду с уже цитированными нами у Пушкина рождается ряд новых текстов, в которых поэт «благоговееет» уже не просто перед «святыней», но — перед «святыней красоты», перед «гением чистой красоты». Свой образ Красоты Пушкин сформулировал в «Евгении Онегине» в 52-й строфе седьмой главы:

У ночи много звезд прелестных,
Красавиц много на Москве.
Но ярче всех подруг небесных
Луна в воздушной синеве.
Но та, которую не смею
Тревожить лирою моею,
Как величава луна,
Средь жен и дев блесит одна.
С какою гордостью небесной
Земли касается она!
Как негой грудь ее полна!
Как томен взор ее чудесный!..
Но полно, полно; перестань:
Ты заплатил безумству дань.

Обратим внимание на сходство поэтического образа с тем словесным портретом Александры Федоровны, который оставили ее современницы. Шуазель-Гуфье была поражена красотой и изяществом ее стана:

«Окруженная придворными дамами, она была выше их головой, точно Калипсо посреди нимф».

Д.Ф.Фикельмон также восторженно отзывался об Александре Федоровне:

«В обществе много красивых женщин, но одна, которая бесспорно превосходит всех остальных грацией и красотой, — Императрица! Перед ней блекнет даже самая большая красавица; никто из нас не может сравниться с ней в танцах, не умеет ступать так грациозно, как она, и при всем этом она в той же степени Владычица красоты, как Императрица, и Царица».

Строки из «Евгения Онегина» перекликаются со стихотворением «Красавица», в первую часть которого вошла почти вся 52-я строфа седьмой главы «Евгения Онегина» — «У ночи много звезд прелестных»:

Всё в ней гармония, всё диво,
Всё выше мира и страстей;
Она покоится стыдливо
В красе торжественной своей;
Она кругом себя взирает:
Ей нет соперниц, нет подруг;
Красавиц наших бледный круг
В ее сиянье исчезает.
Куда бы ты ни поспешал,
Хоть на любовное свиданье,
Какое б в сердце ни питал
Ты сокровенное мечтанье, —
Но, встретясь с ней, смущенный, ты
Вдруг остановишься невольно,
Благоговевя богомольно
Перед святыней красоты.

Было много удивительно красивых женщин в эпоху правления Николая I, но императрица Александра Федоровна, по свидетельству современников, говоря поэтическим языком Пушкина, среди них была «величавой луной», которой «нет соперниц, нет подруг; красавиц наших бледных круг в ее сиянье исчезает».

Надо сказать, что ранее пушкинистами предпринимались попытки считать героиней «Красавицы» жену императора Николая I на том основании, что в рукописи поэта было посвящение «Г», что расшифровывали как — «Государыне». Так Пушкин называл

Александрю Федоровну в своих дневниках. Например, 18 декабря 1835 года поэт записал: «Государыня очень похорошела».

П.В.Нащокин рассказывал П.И.Барте-неву: «Императрица удивительно как нравилась Пушкину; он благоговел перед нею, даже имел к ней какое-то чувственное влечение».

П.Ф.Соколов. Портрет императрицы Александры Федоровны. После 1839 года

Императрица Александра Федоровна, по мнению писателя графа В.А.Соллогуба, в 1826 году была в полном расцвете своей красоты, она олицетворяла, так сказать, идеал русской царицы.

Думается, Пушкин мог впервые увидеть Александрю Федоровну в октябре 1817 года, когда посетил Царское Село через год после окончания Лицея. А живя в Петербурге, он мог встречать ее в театре, на балах, о чем свидетельствуют исключенные из «Евгения Онегина» строки:

И в зале яркой и богатой
Когда в умолкший, тесный круг
Подобна лилии крылатой
Колеблясь входит Лалла-Рук
И над поникшею толпою
Сияет царственной главою

И тихо вьется и скользит
Звезда-Харита меж Харит
И взор смешенных поколений
Стремится ревностью горя
То на нее, то на царя

В этом лирическом отступлении на Александру Федоровну (вспетую в 1821 году В.А.Жуковским в стихотворении «Лалла-Рук») смотрит автор, а не герой романа в стихах.

А так как по строгому этикету император с императрицей не могли открывать бал, то речь здесь идет об Александре Федоровне в бытность ее великой княгиней.

Она действительно часто танцевала с Александром I, открывая балы, так как, по ее собственному признанию, была его любимой партнершей.

Высокая, тонкая, стройная, легкая, изящная и прелестная — она не могла не поразить воображение поэта, всегда ценившего в женщине прежде всего блеск и светскость. «Птичка», «Сильфида» — эти определения соответствовали ей, как никакие другие.

Удивительное сочетание летящей походки и некоторой медлительности и внешней холодности в общении производили потрясающее впечатление на всех, кто знал эту женщину. Думается, она также вполне могла быть объектом любви Пушкина «без надежд и без желаний».

Итак, Лалла-Рук, «величаяя луна», «святыня красоты» — все это поэтические определения императрицы Александры Федоровны, жены Николая I.

Но и образ «гений чистой красоты» в известном стихотворении «Я помню чудное мгновенье», традиционно относимом к Анне Петровне Керн, заставляет вспомнить императрицу.

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

Казалось бы, какое отношение этот поэтический образ имеет к Александре Федоровне?

Дело в том, что «гением чистой красоты» князь П.А.Вяземский назвал императрицу Александру Федоровну, в посвященном ей стихотворении.

Так что и Лалла-Рук В.А.Жуковского и «Гений чистой красоты» П.А.Вяземского — это поэтические образы Александры Федоровны, которые заимствовал Пушкин у своих друзей, стремясь выразить восхищение государыней.

В 1833 году поэт в своем дневнике признается:

«Я ужасно люблю царицу, несмотря на то, что ей уже 35 и даже 36».

Возможно, и в стихотворении «Я помню чудное мгновенье» он выразил свое преклонение перед Красотой, воплощенной в Александре Федоровне.

В этом случае совершенно не удивительна история того, как это стихотворение попало к А.П.Керн. Обратимся к ее собственным воспоминаниям:

«Я должна была уехать в Ригу вместе с сестрою Анною Николаевной Вульф. Он пришел утром и на прощание принес мне экземпляр 2-й главы “Онегина”, в неразрезанных листках, между которых я нашла вчетверо сложенный почтовый лист бумаги со стихами: Я помню чудное мгновенье, — и проч., и проч. Когда я собиралась спрятать в шкатулку поэтический подарок, он долго на меня смотрел, потом судорожно выхватил и не хотел возвращать; насилиу выпросила я их опять; что у него промелькнуло тогда в голове, не знаю. Стихи эти я сообщила тогда барону Дельвигу, который их поместил в своих “Северных цветах”...».

Судя по тому, как Пушкин реагировал на действия Анны Керн, нашедшей в листах неразрезанной главы «Онегина» лист бумаги со стихотворением «Я помню чудное мгновенье...», оно могло быть написано не для нее. Листочек этот мог случайно оказаться там, где его нашла Анна Петровна. Да и о не любви оно к конкретной женщине. Не случайно, многие исследователи отмечали полярность чувств Пушкина к Керн — от высокого образа красоты до приземленной «блудницы».

А.И.Белецкий, на наш взгляд, более верно трактует этот лирический шедевр. Он вообще не видит там сюжета любви. По его мнению, в этом произведении есть томление по идеалу, жизнь без которого пуста и бесцветна. Исследователь считает, что это стихотворение даже не стоит и включать в циклы любовных лирических произведений Пушкина.

Императрица Александра Федоровна была чужда желанию властвовать, влиять на императора в политических вопросах, она стремилась делать только добро. Любила видеть вокруг себя изящных людей, красивые лица.

Современники единодушно отмечали кротость и доброту, свойственные Александре Федоровне. Она всегда была приветлива и доброжелательна. Этими чертами отметил Пушкин и свою Татьяну, уже замужнюю даму, светскую львицу на балу в восьмой главе романа в стихах. Пушкинистов всегда поражало отсутствие цельности образа Татьяны в разных главах романа. Татьяна в восьмой главе именно в силу своей недоступности вызвала у Онегина чувство «недосягаемого блаженства». Такая любовь могла завершиться только той развязкой, которую и передал Пушкин:

Но я другому отдана;
Я буду век ему верна.

Здесь можно вспомнить «Сцену из Фауста», написанную в 1825 году, в которой поэт решал ту же коллизию. Гретхен — олицетворение идеала платонической любви. Но как только речь заходит о любви земной, очарование героини в глазах Фауста пропадает. Дело в том, что для ренессансного человека, каким был Фауст, потеря «чистоты», невинности влечет за собой развенчание образа, разочарование в женщине, падшей с пьедестала, на который он возвел ее своим обожанием. Только лишь:

Любви невольной, бескорыстно
Невинно предалась она..., —

наступает новый период в их отношениях, связанный с разочарованием возлюбленного:

Что ж грудь моя теперь полна
Тоской и скукой ненавистой?

По мнению Пушкина, несчастен тот, кто ищет в любви лишь платонических чувств.

В то же время не будет счастлив и тот, кто предается лишь плотской страсти. Кто же может быть счастливым? Пушкин отвечает на это всем строем своей поэзии — будет счастлив тот, кто сумеет любить в одной всех, кто сможет подняться над самим собой и наполнить жизнь с любимым существом богатством всех чувств и оттенков переживаний.

Однако возникает и новая проблема: избранница должна обладать соответствующим духовным миром, при этом она, по мнению поэта, должна быть царственно прекрасной, безукоризненно держаться в обществе, быть внешне холодноватой, но обладать горячим сердцем.

Известно, что только одна пушкинская героиня соответствует этому понятию «идеала» и им самим определена как «Татьяны милый идеал».

Написано это в 1830 году.

На наш взгляд, строфа, несущая образ Лаллы-Рук, была исключена из «Евгения Онегина», потому что слишком откровенно в ней намекалось на ту, кто в жизни был для поэта идеалом — государыню Александру Федоровну.

По сути дела, поэт трансформировал образ Лаллы-Рук, отсутствующий в окончательном тексте «Евгения Онегина», в образ Татьяны, которая в восьмой главе романа, как известно, предстает изысканной дамой большого света, а не той наивной провинциальной простушкой, какой была до восьмой главы, то есть до 1830 года. На эту загадочную метаморфозу пушкинисты постоянно обращают внимание. Удивляет разительное отличие характера Татьяны — наивной девушки и блистательной женщины, перед которой преклоняется светское общество.

Императрицу Александру Федоровну, как известно, обожали и ее муж, Николай I, и ее подданные, а балы, которые давались

императором, отличались невиданной пышностью, красотой и блеском богатства.

К.Кроннветтер. Портрет императрицы Александры Федоровны. 1820-е годы

Обратим внимание на строки, описывающие появление Татьяны на балу:

К ней дамы подвигались ближе;
Старушки улыбались ей;
Мужчины кланялись ниже,
Ловили взор ее очей;
Девицы проходили тише
Пред ней по зале...

Едва ли на появление в зале княгини Татьяны Грemiной так бы реагировал свет.

Возможно, сам поэт ощутил подобные чувства при появлении Александры Федоровны на одном из балов в Петербурге, где жил после окончания Лицея.

Она была не тороплива,
Не холодна, не говорлива,
Без взора наглого для всех,
Без притязаний на успех,
Без этих маленьких ужимок,
Без подражательных затей...
Всё тихо, просто было в ней,
Никто б не мог ее прекрасной
Назвать; но с головы до ног

Никто бы в ней найти не мог
Того, что модой самовластной
В высоком лондонском кругу
Зовется vulgar...
Беспечной прелестью мила
Она сидела у стола
С блестящей Ниной Воронскою,
Сей Клеопатрою Невы;
И верно б согласились вы,
Что Нина мраморной красою
Затмить соседку не могла,
Хоть ослепительна была.

Остались самые разнообразные свидетельства о Татьяне. Но все они исходили не от автора, во всяком случае не из первых уст. Так П.Плетнев свидетельствовал, якобы со слов Пушкина, о том, что в XIV строфе восьмой главы «Евгения Онегина» изображена Наталья Кочубей. Н.Чулков писал о Н.Д.Фонвизиной: «Таней Фонвизина себя называет потому, что, по ее мнению, Пушкин с нее списал свою «Татьяну Ларину»».

Е.Синицына вспоминала: «Через несколько лет встретила я в Торжке у Львова А.П.Керн, уже пожилою женщиною. Тогда мне и сказали, что это героиня Пушкина — Татьяна». Так к кому же восходит на самом деле этот легендарный поэтический образ?

Конечно, он вообрал черты многих женщин, которых знал и любил Пушкин. Но была одна, кому наиболее соответствовал «Татьяны милый идеал».

Действительно, едва ли светское общество так восхитилось бы при появлении на балу Н.В.Кочубей, Н.Д.Фонвизиной или А.П.Керн, как описал это Пушкин в вышеприведенных строках «Евгения Онегина».

Кто же, по его мнению, мог быть в реальности объектом такого всеобщего поклонения и благоволения, с которым в романе в стихах встретило общество княгиню Гремину?

Только императрица Александра Федоровна с ее недосягаемо для смертных, даже самого привилегированного общественного положения, высоким статусом, красотой, грацией, доброжелательностью и т.п.! И именно поэтому, именно так, как написано в «Евгении Онегине», реагировал петербург-

ский свет на явление в большом зале Татьяны, что он наделил ее чертами, присущими своему недостижимому идеалу — императрице. В этом и состоит, по нашему мнению, разгадка поэтической тайны «милого идеала» поэта — образа Татьяны.

В.Гау. Портрет Н.Н.Пушкиной. 1842–1843

В жизни же поэту посчастливилось встретить Наталью Николаевну Гончарову. Он полюбит это чистое юное создание, примет Наталью Николаевну такой, какой она есть, и будет корректировать ее мысли, чувства, поведение, полагаясь на свой жизненный опыт.

Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести чистейшей образец.

Не Идеал, но — Мадонна. Поэт видит ее с младенцем на руках, потому что Мадонна — это символ материнства.

Наталья Николаевна в представлении Пушкина вобрала все лучшее, что существовало для него в женщинах: необыкновенная красота сочеталась в ней с аристократической манерой поведения. И она так была

похожа на императрицу Александру Федоровну и лицом, и дивным сложением, и тонкостью, изяществом и ростом, и манерой поведения. Невозможно было устоять перед такой красотой!

«В белом воздушном платье, с золотым обручем на голове, она в этот знаменательный вечер поражала всех своей классической, царственной красотой», — записала со слов Натальи Николаевны ее дочь А.П.Арапова.

Н.М.Еропкина, очень хорошо знавшая Наталью Гончарову, так характеризовала будущую жену поэта: «Необыкновенно выразительные глаза, очаровательная улыбка и притягивающая простота в обращении, помимо ее воли, покоряли ей всех. Не ее вина, что все в ней было так удивительно хорошо. Но для меня остается загадкой, откуда обрела Наталья Николаевна такт и умение держать себя? Все в ней самой и манере держать себя было проникнуто глубокой порядочностью. Все было “comme il faut” без всякой фальши... Поэтому Наталья Гончарова явилась в этой семье удивительным самородком. Пушкина пленила ее необычайная красота и прелестная манера держать себя, которую он так ценил»²⁸. А мать поэта, Надежда Осиповна, сообщает Ольге, своей дочери, о сыне: «Он очарован своей Натали и говорит о ней, как о Божестве»²⁹. Е.Кашкина в письме П.А.Осиповой так характеризует жену Пушкина: «...утверждают, что она столь же умна, как и красива, — осанка богини, с прелестным лицом»³⁰. И вот интересно, Пушкин, будучи уже женатым на Наталье Николаевне Гончаровой, постоянно корректировал ее манеру держаться в обществе, как бы подгоняя ее образ под свой идеал там, где он несколько выпадал из рамок, поставленных его воображением. Он очень боялся вульгарности, провинциализма.

В письме к жене он писал: «Ты знаешь, как я не люблю все, что пахнет московскою барышнею, все, что вульгар (comme il faut vulgar)... Если при моем возвращении я найду, что твой милый, простой, аристократический тон изменился, разведусь, вот те Христос».

Так чем же привлекла и поразила Пушкина Наталья Гончарова?

Тем, считаем, что представляла собой воплощение его идеала. В юном расцветающем существе поэт увидел всех тех женщин, которые когда-то потрясли его воображение. Потрясли на всю жизнь.

Поисками ускользающего видения он и был занят все эти годы. И вдруг — ослепительная вспышка — она! Тот же высокий рост, необыкновенная стройность, та же холоднокровность и царственность осанки, и — потрясающе прекрасное лицо, как редкой красоты цветок.

И та же недосыгаемость — ей 16 лет, она невинна, как младенец. Это Наталья Николаевна Гончарова в 1828 году.

Но постепенно Пушкин вдруг начинает осознавать, что барьер недосыгаемости может быть уничтожен. Идеал начинает стремительно приближаться. Отсюда и восприятие своей избранницы в образе столь любимой мастерами Возрождения Мадонны с ее спокойствием, простотой, величием, чистотой, душевной ясностью.

Современники Пушкина не раз отмечали, что поэт любил слово «мадонна».

В его будущей жене — Наталье Гончаровой — отчетливо проступают черты Мадонны: простота и торжественность, нежная женственность и царственное величие. Ее прекрасное лицо овеяно затаенной печалью, но в то же время остается спокойным и ясным.

«Это очень молодая и очень красивая особа, тонкая, стройная, высокая, — лицо Мадонны, чрезвычайно бледное, с кротким, застенчивым и меланхолическим выражением, — глаза зеленовато-карие, светлые и прозрачные, — взгляд не то чтобы косящий, но неопределенный, тонкие черты, красивые черные волосы...

Она очень красива, и во всем ее облике есть что-то поэтическое — ее стан великолепен, черты лица правильны, рот изящен и взгляд, хотя и неопределенный, красив, в ее лице есть что-то кроткое и утонченное...

Поэтическая красота госпожи Пушкиной проникает до самого моего сердца. Есть что-то воздушное и трогательное во всем ее

облике... невозможно ни быть прекраснее, ни иметь более поэтическую внешность... Это образ, перед которым можно оставаться часами, как перед совершеннейшим созданием творца» — так писала о жене Пушкина Д.Ф.Фикельмон. Наталья Гончарова-Пушкина, по ее искреннему мнению, обладательница «небесной и несравненной» красоты. Не каждая женщина была способна искренне оценить красоту другой. Долли Фикельмон могла.

Пушкина Наталья Николаевна (Гончарова, Ланская) Райт Томас

В.Соллогуб восторженно пишет о Наталье Николаевне:

«...Никогда не видывал женщины, которая соединяла в себе такую законченность классически правильных черт и стана. Ростом высокая, с баснословно тонкой тальей, при роскошно развитых плечах и груди, ее маленькая головка, как лилия на стебле, колыхалась и грациозно поворачивалась на тонкой шее; такого красивого и правильного профиля я не видел никогда более, а кожа, зубы, уши! Да, это была настоящая красавица, и недаром все остальные, даже из самых прелестных женщин, меркли как-то при ее

появлении... ее лучезарная красота рядом с этим магическим именем всем кружила головы».

И мужчины, и женщины — все были единоклюны в признании ошеломляющей красоты пушкинской избранницы.

А.П.Брюллов. Портрет Н.Н.Пушкиной.
1831–1832

Пушкин искал в жизни свой идеал и нашел его.

«Когда я увидел ее в первый раз, красоту ее едва начинали замечать в свете. Я полюбил ее, голова у меня закружилась, я сделал предложение, ваш ответ, при всей его неопределенности, на мгновение меня свел с ума; в ту же ночь я уехал в армию; вы спросите меня — зачем? Клянусь вам, не знаю, но какая-то произвольная тоска гнала ме-

ня из Москвы...» — писал Пушкин матери Наталье Николаевны.

Теперь он не сдастся при первом отказе в руке любимой, как это было с Софьей Пушкиной и Анной Олениной. Он отчаянно бьется за то, чтобы стать ее мужем. Он предчувствует, что не может жить без этого прекрасного юного существа, в котором видит воплощение своего идеала:

Я утром должен быть уверен,
Что с вами днем увижусь я.

Не удивительно, что Пушкин писал своей жене:

«Я должен был на тебе жениться, потому что всю жизнь был бы без тебя несчастлив».

«Жена моя прелесть, и чем доле я с ней живу, тем более люблю это чистое, доброе создание», — признавался Пушкин. Обращаясь к своему идеалу, Наталье Гончаровой, Пушкин пишет: «Гляделась ли ты в зеркало, и уверилась ли ты, что с твоим лицом ничего сравнить нельзя на свете — а душу твою люблю еще более твоего лица»

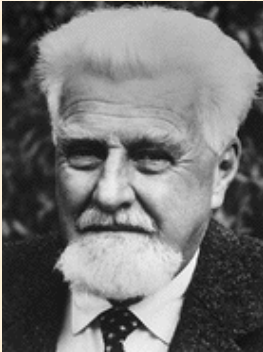

Пушкин на балу в камер-юнкерском мундире. С картины Н. Ульянова.

Конрад Лоренц

ВОСЕМЬ СМЕРТНЫХ ГРЕХОВ ЦИВИЛИЗОВАННОГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

(Публикуется по книге Конрад Лоренц, "Оборотная сторона зеркала", Москва, изд-во "Республика", 1998 г. В тексте сделаны минимальные изменения, необходимые для подготовки сетевой версии. - прим. ред. сайта)

Конрад Лоренц (1903 - 1989) - австрийский ученый-этолог, лауреат Нобелевской премии 1973 года. Автор книг "Так называемое зло" ("Агрессия"), "Человек находит друга", "Кольцо царя Соломона", "Оборотная сторона зеркала", "Восемь смертных грехов цивилизованного человечества" и др.

ОПТИМИСТИЧЕСКОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая работа была написана для юбилейного сборника, выпущенного к семидесятилетию моего друга Эдуарда Баумгартена. По сути своей она, собственно, не подходит ни к этому счастливому событию, ни к жизнерадостной натуре юбиляра. Это, по существу, иеремияда, призыв к раскаянию и исправлению, обращенный ко всему человечеству, призыв, какого можно было бы ожидать не от естествоиспытателя, а от сурового проповедника, подобного знаменитому венскому августинцу Аврааму из Санта-Клары. Мы живем, однако, в такое время, когда некоторые опасности яснее всего видит естествоиспытатель. Поэтому проповедь становится его долгом.

Моя проповедь, переданная по радио, нашла неожиданный для меня отклик. Я получил несметное число писем от людей, желавших иметь ее печатный текст, и в конце концов мои лучшие друзья категорически потребовали сделать эту работу доступной широкому кругу читателей.

Все это само по себе уже опровергало пессимизм, который можно было усмотреть в этой работе: человек, уверенный, что глас его вопиет в пустыне, имел перед собой, как оказалось, многочисленных и вполне понимающих слушателей! Более того, перечитывая написанное, я замечаю много высказываний, уже тогда звучавших преувеличенно, а теперь и вовсе неверных. Так, в книге "Так называемое зло" можно прочесть, что значение экологии недостаточно признано. Сейчас этого утверждать уже нельзя, так как наша баварская "Экологическая группа" находит, к счастью, понимание и отклик в ответственных учреждениях. Все большее число разумных и от-

ветственных людей правильно оценивает опасность перенаселения и "идеологии роста". Повсюду принимаются меры против опустошения жизненного пространства - пока далеко не достаточные, но подающие надежду скоро стать таковыми.

Я рад, что мои высказывания нуждаются в поправке еще в одном отношении. Говоря о бихевиористской доктрине, я полагал, что на ней, несомненно, лежит "изрядная доля вины в угрожающем Соединенным Штатам моральном и культурном развале". Между тем в самих Соединенных Штатах раздался ряд весьма энергичных протестов против этого лжеучения. С ними еще борются всеми средствами, но они слышны, а правду можно долго подавлять, лишь заглушив ее голос. Эпидемии духовных болезней нашего времени, начинаясь в Америке, достигают обычно Европы с некоторым запозданием. И в то время, как в Америке бихевиоризм пошел на убыль, он свирепствует сейчас среди психологов и социологов Европы. Можно предвидеть, что эпидемия постепенно угаснет.

Наконец, я хотел бы внести небольшую поправку по поводу вражды поколений. Когда нынешние молодые люди не одержимы политическим фанатизмом и вообще способны хоть в чем-нибудь поверить старшим, они готовы прислушиваться к основным биологическим истинам. И вполне возможно убедить революционно настроенную молодежь в справедливости того, о чем говорится в седьмой главе этой книги.

Было бы высокомерием полагать, что невозможно объяснить большинству других людей то, что мы хорошо знаем сами. Все написанное в этой книге понять гораздо легче, чем, например, интегральное и дифференциальное исчисления, которые должен изучать каждый старшекласс-

ник. Любая опасность становится гораздо менее страшной, если известны ее причины. Поэтому я верю и надеюсь, что моя книга в какой-то степени послужит уменьшению угрожающих человечеству опасностей.

Зеевизен, 1972.

Конрад Лоренц

Глава 1

СТРУКТУРНЫЕ СВОЙСТВА И НАРУШЕНИЯ ФУНКЦИЙ ЖИВЫХ СИСТЕМ

Этология как отрасль науки возникла тогда, когда при исследовании поведения животных и человека начали применять постановки вопросов и методы, самоочевидные и обязательные со времен Чарльза Дарвина во всех других биологических дисциплинах. Причины такого удивительного запоздания заключаются в истории изучения поведения, которой мы коснемся еще в главе об индоктринировании. Этология рассматривает поведение животных и человека как функцию *системы*, обязанной своим существованием и своей особой формой *историческому* ходу ее становления, отразившемуся в истории вида, в развитии индивида и, у человека, в истории культуры. На вопрос о причине: *почему* определенная система обладает такими, а не другими свойствами, - правомерным ответом может быть лишь естественное объяснение этого хода развития.

В возникновении всех органических форм наряду с процессами мутации и рекомбинации генов важнейшую роль играет *естественный отбор*. В процессе отбора вырабатывается то, что мы называем *приспособлением*: это настоящий познавательный процесс, посредством которого организм воспринимает содержащуюся в окружающей среде информацию, важную для его выживания, или, иными словами, *знание* об окружающей среде.

Возникшие в результате приспособления структуры и функции характерны для живых организмов, в неорганическом мире ничего подобного нет. Они ставят перед исследователем неизбежный вопрос, неведомый физику и химику - вопрос: "Зачем?" Если этот вопрос задает биолог, то он не ищет телеологического⁸ смысла, а всего лишь спрашивает себя, каким образом некоторый признак служит сохранению вида. Если мы

спрашиваем, зачем кошке кривые когти, и отвечаем: "Чтобы ловить мышей", то это лишь более краткая постановка вопроса: "Каким образом эта выработанная отбором форма когтей способствует сохранению вида?"

Кто в течение долгих лет исследования снова и снова задавал себе такой вопрос в отношении самых удивительных структур и форм поведения и, снова и снова, получал на него убедительный ответ, тот не может не склоняться к мнению, что сложные и даже неправдоподобные формы строения тела и поведения могли появиться лишь в результате отбора и приспособления и никак иначе. Сомнения могут возникнуть лишь тогда, когда мы спрашиваем "Зачем?" об определенных регулярно наблюдаемых способах поведения цивилизованных людей. Зачем нужны человечеству безмерный рост его численности, все убыстряющаяся до безумия конкуренция, возрастающее и все более страшное вооружение, прогрессирующая изнеженность урбанизированного человека, и т.д. и т.п.? При ближайшем рассмотрении оказывается, однако, что едва ли не все эти вредные явления представляют собой расстройства вполне определенных механизмов поведения, первоначально весьма ценных для сохранения вида. Иначе говоря, их следует рассматривать как *патологические*.

Анализ органической системы, лежащей в основе социального поведения людей, - самая трудная и самая почетная задача, какую может поставить перед собой естествознание, ибо эта система - безусловно сложнейшая на Земле. Можно подумать, что это и без того крайне трудное предприятие совершенно нереально по той причине, что на поведение людей разнообразными и непредсказуемыми способами накладываются, искажая его, патологические явления. К счастью, это не так. Напротив, патологическое расстройство не только не является непреодолимым препятствием при анализе органической системы, но очень часто дает ключ к ее пониманию. В истории физиологии известно немало случаев, когда исследователь вообще замечал существование некоторой важной органической системы лишь благодаря тому, что ее патологическое расстройство вызывало болезнь. Когда Э. Т. Кохер попытался лечить так называемую базедову болезнь, удаляя щитовидную железу, это сначала приводило к тетании, приступам судорог, потому что он захватывал при этом паращитовидные железы, регулирующие кальциевый обмен. Исправив эту ошибку, но делая все же слишком радикальную операцию удаления щитовидной железы, он получил комплекс симпто-

⁸ Телеология (от греч. *τελος* - цель и *λογος* - слово, учение) - учение о целях явлений; объяснение явлений не предшествующими им причинами а их предполагаемыми целями.

мов, названный им *Kachexia thyreopriva*, в некоторых отношениях сходный с микседемой, формой идиотии, часто встречающейся у обитателей альпийских долин, где вода бедна йодом. Из этого открытия и ему подобных стало ясно, что железы внутренней секреции образуют единую систему, в которой буквально все со всем соединено причинными взаимодействиями. Каждый из выделяющихся в кровь секретов эндокринных желез производит вполне определенное воздействие на организм в целом, которое может относиться к обмену веществ, процессам роста, поведению и т. д. Они называются поэтому гормонами (от греческого *hormao* - привожу в движение, возбуждаю). Действия двух гормонов могут быть противоположны друг другу, и в этом случае они "антагонистичны" точно так же, как это происходит в случае двух мускулов, взаимодействие которых приводит сустав в требуемое положение и удерживает его в нем. Пока сохраняется гормональное равновесие, ничто не указывает на то, что система эндокринных желез состоит из отдельных частей, выполняющих свои особые функции. Стоит, однако, произойти малейшему нарушению этой гармонии действий и противодействий, как общее состояние организма отклоняется от требуемого "номинального значения", т. е. наступает болезнь. Избыток гормона щитовидной железы вызывает базедову болезнь, недостаток - микседему.

Система эндокринных желез и история ее исследования доставляют нам ценные указания, как следует поступать, когда мы пытаемся понять всю систему человеческих стимулов в целом. Разумеется, эта система устроена гораздо сложнее, хотя бы уже потому, что включает в себя систему эндокринных желез в качестве подсистемы. Без сомнения, у человека число независимых стимулов чрезвычайно велико, и очень многие из них могут быть сведены к филогенетически⁹ возникшим программам поведения - "инстинктам". Прежде я называл человека "существом с редуцированными инстинктами", но это описание ошибочно. Справедливо, правда, - как убедительно показал на хищниках из семейства кошачьих П. Лейхаузен - что длинные, замкнутые в себе цепи врожденных способов поведения могут "разрываться" в ходе филогенетического развития способности к обучению и пониманию в том

смысле, что утрачиваются облигатные¹⁰ связи между частями этих цепей, так что каждая из них может быть независимо использована действующим субъектом. Однако одновременно, как установил тот же Лейхаузен, каждая из этих доступных для использования частей превращается в автономный стимул, а именно возникает отвечающее этому стимулу appetentное поведение¹¹, направленное к его проявлению. У человека, несомненно, отсутствуют длинные цепи облигатно связанных друг с другом инстинктивных движений, но, насколько мы вправе экстраполировать на него результаты, полученные на высокоразвитых млекопитающих, можно предполагать, что подлинно инстинктивных стимулов у него не меньше, а больше, чем у любого животного. Во всяком случае, при попытке системного анализа мы должны считаться с этой возможностью.

Это особенно важно при оценке явно патологического поведения. Безвременно скончавшийся психиатр Роналд Харгривс писал мне в одном из своих последних писем, что он взял себе за правило, пытаясь понять сущность того или иного душевного расстройства, каждый раз задавать себе одновременно два вопроса: во-первых, в чем состоит нормальное, способствующее сохранению вида действие расстроенной в данном случае системы; во-вторых, какого рода это расстройство, в частности, вызвано ли оно повышенной или пониженной функцией какой-либо подсистемы? Подсистемы сложного органического целого находятся в столь тесном взаимодействии, что часто трудно разграничить их функции, ни одна из которых в своем нормальном виде немыслима без всех остальных. Не всегда удается даже отчетливо определить структуры подсистем. В этом смысле и говорит о подчиненных системах Поул Вейс в своей остроумной работе "Расслоенный детерминизм": "Система - это все достаточно цельное, чтобы заслуживать отдельного названия".

Есть очень много человеческих стимулов, достаточно цельных, чтобы найти себе названия в повседневном языке. Такие слова, как ненависть, любовь, дружба, гнев, верность, преданность, недоверие, доверие и т. д., все означают состояния, соответствующие готовности ко вполне определенным способам поведения, точно так же, как и принятые в научном исследовании поведения термины: агрессивность, ранго-

⁹ Филогенез (от греч. *filon* - род, племя и *genesiz* - происхождение) - процесс исторического развития мира организмов, их видов, родов и т. д.

¹⁰ Облигатные связи - связи, обязательные в процессе функционирования системы.

¹¹ Appetentное поведение - от лат. *appetens* - домогающийся, добывающийся жадный, падкий.

вый порядок, территориальность и т. д., вместе со всеми сложными выражениями, содержащими слово "установка": установка на выведение потомства, на ухаживание, на полет и т. д. Наш естественно возникший язык выражает глубокие психологические связи с чуткостью, столь же заслуживающей доверия, как интуиция ученого, наблюдающего животных, и мы можем принять - пока в виде рабочей гипотезы, - что каждому из этих слов, обозначающих душевные состояния и установки человека, соответствует реальная стимулирующая система; для начала не важно, в какой мере тот или иной стимул черпает свою силу из филогенетических или культурных источников. Мы можем допустить, что каждый из этих стимулов является звеном упорядоченной, гармонически работающей системы и в этом качестве *необходим*. Вопрос, "хороши" или "плохи" ненависть, любовь, верность, недоверие и т. д., задается без всякого понимания системного функционирования этого целого и так же нелеп, как если бы кто-нибудь спросил, хороша или плоха щитовидная железа. Ходячее представление, что явления этого рода можно разделить на хорошие и плохие, что любовь, верность и доверие сами по себе хороши, а ненависть, неверность и недоверие сами по себе плохи, происходит лишь от того, что в нашем обществе первых, вообще говоря, недостает, а вторые имеются в избытке. Чрезмерная любовь портит бесчисленное множество подающих надежды детей, "верность Нибелунгов", превращенная в абсолютную самодовлеющую ценность, приводит к адским последствиям, и неопровержимые аргументы, приведенные недавно Эриком Эриксоном, показывают, насколько необходимо недоверие.

Одним из структурных свойств всех высокоинтегрированных органических систем является управление с помощью так называемых циклов регулирования, или гомеостазов. Чтобы понять их действие, представим себе сначала ряд, состоящий из некоторого числа систем, каждая из которых усиливает действие другой таким образом, что система а усиливает действие b, b усиливает действие с и т. д., и, наконец, система z, в свою очередь, усиливает действие а. Такой цикл с "положительной обратной связью" может находиться в лучшем случае в состоянии неустойчивого равновесия: малейшее усиление действия одной из систем неизбежно вызывает лавинообразное нарастание функций всего ряда в целом, и обратно, малейшее ослабление вызывает угасание всякой активности. Как давно известно в технике, такую неустойчивую систему можно превратить в устойчивую, введя в циклический

процесс единственное звено, воздействие которого на следующее звено цепи тем слабее, чем сильнее влияет на него предыдущее. Таким образом возникает цикл регулирования - гомеостаз, или, как его часто называют на плохом немецком языке, "отрицательный feedback"¹². Это один из немногих процессов, изобретенных в технике прежде, чем они были открыты естествознанием в мире живых организмов.

В живой природе существует бесчисленное множество циклов регулирования. Они столь необходимы для сохранения жизни, что самое ее возникновение едва ли можно себе представить без одновременного "изобретения" цикла регулирования. Циклы с положительной обратной связью в природе почти не встречаются; их можно увидеть разве лишь в таких быстро нарастающих и столь же быстро угасающих явлениях, как лавина или степной пожар. На них похожи также многие патологические расстройства общественной жизни людей, при виде которых приходят на ум слова Фридриха Шиллера из "Колокола" о силе огня: "Беда, когда с цепи сорвется!"

Благодаря отрицательной обратной связи в циклах регулирования нет необходимости в том, чтобы действие каждой участвующей в них подсистемы было установлено на строго определенное значение. Небольшое отклонение функции в ту или другую сторону легко выравнивается. Опасное расстройство всей системы может произойти лишь в случае, когда величина отдельной функции возрастает или уменьшается настолько, что гомеостаз не в состоянии ее выровнять, или когда что-нибудь не в порядке в самом механизме регулирования. В дальнейшем мы познакомимся с примерами того и другого.

Глава 2

ПЕРЕНАСЕЛЕНИЕ

В отдельном организме едва ли можно найти в нормальных условиях хоть один цикл с положительной обратной связью. Только жизнь в целом может предаваться этой крайности - пока, как может показаться, безнаказанно. Органическая жизнь встроилась, как некая странная плотина, в поток рассеивающейся энергии вселенной, она "пожирала" отрицательную энтропию, захватывает энергию и растет за ее счет, а этот рост дает ей возможность захватывать все больше и больше энергии, и тем быстрее, чем больше она уже захватила. Если это не привело еще к чрезмерному разрастанию и катастрофе, то лишь потому, что безжалостные силы неорганической

¹² Обратная связь (англ.). - Примеч. пер.

природы, законы вероятности удерживают размножение живых организмов в некоторых пределах, а также потому, что внутри отдельных видов выработались циклы регулирования. Как они действуют, мы увидим в следующей главе, где говорится об опустошении жизненного пространства Земли. Но в первую очередь надо обсудить безграничное возрастание числа людей, хотя бы потому, что очень многие явления, рассматриваемые в дальнейшем, вытекают из него.

Все блага, доставляемые человеку глубоким познанием окружающей природы, прогрессом техники, химическими и медицинскими науками, все, что предназначено, казалось бы, облегчить человеческие страдания, - все это ужасным и парадоксальным образом способствует гибели человечества. Ему угрожает то, что почти никогда не случается с другими живыми системами, - опасность задохнуться в самом себе. Ужаснее всего, однако, что в этом апокалипсическом ходе событий высочайшие и благороднейшие свойства и способности человека - именно те, которые мы по праву ощущаем и ценим как исключительно человеческие, - по-видимому, обречены на гибель прежде всего.

Все мы, живущие в густонаселенных культурных странах и тем более в больших городах, уже не осознаем, насколько не хватает нам обыкновенной, теплой и сердечной человеческой любви. Нужно побывать в действительно безлюдном краю, где соседей разделяет много километров плохих дорог, и зайти незваным гостем в какой-нибудь дом, чтобы оценить, насколько гостеприимен и человеколюбив бывает человек, когда его способность к социальным контактам не подвергается длительной перегрузке. Одно незабываемое переживание довело это когда-то до моего сознания. У меня гостила американская супружеская пара из Висконсина. Это были профессиональные защитники природы, живущие в полном одиночестве посреди леса. Когда мы собрались ужинать, раздался звонок, и я раздраженно воскликнул: "Кого это еще там принесло!" Я не смог бы сильнее шокировать моих гостей, если бы совершил самый непристойный поступок. Что кто-то может реагировать на неожиданный звонок в дверь иначе, как радостью, - это было для них скандалом.

Без сомнения, скученность людских масс в современных больших городах в значительной мере повинна в том, что в этой фантазмагии вечно меняющихся, накладывающихся друг на друга и стирающихся человеческих образов мы не можем больше разглядеть лик нашего ближнего. Наша любовь к ближнему настолько разбав-

ляется массой этих ближних, притом слишком близких, что в конце концов даже следов ее невозможно обнаружить. Кто хочет испытывать сердечные и теплые чувства к людям вообще, должен сосредоточить их на небольшом числе друзей; как бы ни было правильно и этично требование любить всех людей, мы так устроены, что не можем его исполнить. Нам приходится поэтому делать выбор и тем самым в эмоциональном отношении "держаться на расстоянии" множество других людей, несомненно, не менее достойных нашей дружбы. Зачастую одна из главных забот жителя большого города - "Not to get emotionally involved"¹³. Но в этом неизбежном для нас всех образе действий чувствуется губительное дыхание *бесчеловечности*; он напоминает американских плантаторов старого времени, вполне человечно обращавшихся со своей негритянской "дворней", но рабов на плантациях рассматривавших в лучшем случае как ценный домашний скот. Если это намеренное отгораживание от человеческого общения заходит достаточно далеко, то в сочетании с обсуждаемым дальше притуплением чувств оно ведет к тем чудовищным проявлениям равнодушия, о которых мы каждый день читаем в газетах. Чем больше скопление людей, тем настоятельнее для каждого необходимость "not to get involved", и вот, именно в самых больших городах грабежи, убийства и насилия могут происходить теперь среди бела дня на самых оживленных улицах, не вызывая вмешательства "прохожих".

Дело не ограничивается тем, что скученность людей в тесном пространстве ведет к бесчеловечности косвенным образом - вследствие истощения и распада отношений между людьми: скученность самым непосредственным образом вызывает агрессивное поведение. Из множества опытов над животными известно, что скученность усиливает внутривидовую агрессию. Кто не был в лагере для военнопленных или другом принудительном сборище людей, едва ли может себе представить, насколько возрастает в таких условиях раздражимость от малейшего пустяка. И если пытаешься сдерживаться и вежливо, т. е. дружелюбно, обращаться с собратьями по виду, которые не являются твоими друзьями, но с которыми приходится ежедневно и ежечасно сталкиваться, - состояние это становится просто мучительным. Общее недружелюбие, наблюдаемое во всех больших городах, явно возрастает пропорционально плотности скопления людей в оп-

¹³ Не ввязываться эмоционально (англ.). - Примеч. пер.

ределенных местах. Например, на больших вокзалах или на автобусной станции в Нью-Йорке оно достигает устрашающей степени.

Косвенным образом перенаселение способствует всем тем расстройствам и явлениям упадка, о которых пойдет речь в следующих главах. Некоторые полагают, что с помощью надлежащего "кондиционирования" можно вывести новую породу людей, нечувствительных к дурным последствиям сколь угодно тесной скученности. Я считаю такой взгляд опасным заблуждением.

Глава 3

ОПУСТОШЕНИЕ ЖИЗНЕННОГО ПРОСТРАНСТВА

Широко распространено заблуждение, будто "природа" неисчерпаема. Каждый вид животных, растений и грибов - поскольку к великому механизму природы принадлежат все три категории живых организмов - приспособлен к своему окружению, а к этому окружению относятся, само собой, не только неорганические составляющие данной местности, но и все другие населяющие ее живые существа. Итак, все организмы данного жизненного пространства приспособлены *друг к другу*. Это относится и к тем из них, которые на первый взгляд друг другу враждебны, как, например, хищник и его добыча, пожирающий и пожираемый. При ближайшем рассмотрении обнаруживается, что эти организмы, рассматриваемые как виды, а не как индивиды, не только не вредят друг Другу, но часто даже объединены общностью интересов. Совершенно ясно, что пожиратель жизненно заинтересован в дальнейшем существовании вида, служащего ему добычей, будь то животное или растение. Чем более он специализирован в своем питании на единственном виде, тем настоятельнее этот интерес. В таких случаях хищник никогда не может полностью истребить свою добычу: последняя пара хищников умерла бы с голоду задолго до того, как им попала бы последняя пара вида, служащего им добычей. Когда плотность популяции добычи опускается ниже известного уровня, хищник гибнет, - как это, к счастью, произошло с большей частью китобойных предприятий. Когда динго, первоначально бывший домашней собакой, попал в Австралию и там одичал, он не истребил ни одного из видов, которыми питался, но зато погубил обоих крупных сумчатых хищников: сумчатого волка (*Thylacinus*) и сумчатого дьявола (*Sarcophilus*). Эти сумчатые, наделенные поистине страшными зубами, намного превосходили бы динго в прямой схватке, но с их примитивным мозгом они нуждались в гораздо большей

плотности добычи, чем более умная дикая собака. Динго не закусал их насмерть, а уморил голодом в конкурентной борьбе.

Редко случается, чтобы размножение животного прямо зависело от количества наличной еды. Это было бы невыгодно как добытчику, так и добыче. Рыбак, живущий за счет некоторого водоема, поступает разумно, если вылавливает рыбу лишь в таком количестве, чтобы оставшаяся популяция могла размножиться до максимума, восполняющего улов. Каково оптимальное значение улова, можно установить лишь весьма сложным минимаксным расчетом. Если ловить слишком мало, озеро окажется перенасыщенным и прирост молоди сократится. Если ловить слишком много, останется недостаточно производителей, чтобы снова довести популяцию до такой численности, какая могла бы прокормиться и вырасти в водоеме. Как показал В. К. Уинн-Эдвардс, подобной экономической деятельностью занимаются очень многие виды животных. Наряду с разграничением территорий, препятствующим слишком тесному соседству, есть и ряд других способов поведения, препятствующих чрезмерной эксплуатации доступных ресурсов.

Нередко случается, что пожирающий вид приносит пожираемому явную пользу. Дело не только в том, что потребитель регулирует прирост животных или растений, служащих ему пищей, так что выпадение этого фактора нарушило бы их жизненное равновесие. Популяционные катастрофы, наблюдаемые у быстро размножающихся грызунов сразу же после того, как плотность их населения становится максимальной, заведомо опаснее для сохранения вида, чем поддержание выверенного среднего числа хищниками, "снимающими" избыток. Очень часто симбиоз между пожираемым и пожирателем заходит гораздо дальше. Многие виды трав явно "сконструированы" в "расчете" на то, чтобы их постоянно укорачивали и топтали крупные копытные; этому приходится подражать при уходе за газонами, постоянно выкашивая и прикатывая их. Когда эти факторы выпадают, травы с такими свойствами сразу же вытесняются другими, не выдерживающими подобного обращения, но более жизнеспособными в чем-нибудь другом. Короче говоря, два вида живых организмов могут находиться в отношениях зависимости, очень похожих на взаимоотношения человека с его домашними животными и культурными растениями. Поэтому и закономерности таких взаимодействий часто напоминают экономику человека; изучающая их биологическая дисциплина называется *экологией*, так что самый термин подчер-

кивает указанное сходство¹⁴. Впрочем, *одно* из экономических понятий, которым мы здесь еще займемся, в экологии животных и растений не встречается; это понятие *хищнической эксплуатации*.

Взаимодействия в системе из многих видов животных, растений и грибов, совместно заселяющих некоторое жизненное пространство и образующих жизненное сообщество, или *биоценоз*, невероятно многообразны и сложны. Приспособление различных видов живых организмов в течение промежутков времени, сравнимых не с историей человечества, а с геологическими периодами, привело к состояниям равновесия, столь же достойным изумления, сколь и легко уязвимым. Множество процессов регулирования охраняет эти равновесные состояния от неизбежных нарушений, например от погоды. Медленные изменения, какие производит, например, эволюция видов или постепенно меняющийся климат, не представляют угрозы для равновесия жизненного пространства. Однако внезапные воздействия, сколь бы незначительными они ни были с виду, могут вызвать неожиданно большие, даже катастрофические последствия. Завоз какого-нибудь совершенно безобидного с виду животного может буквально превратить в пустыню обширные области страны - как это случилось из-за кролика в Австралии. В этом случае равновесие биотопа¹⁵ было нарушено вмешательством человека. В принципе подобные явления мыслимы и без его участия, хотя и реже.

Экологическая среда человека меняется во много раз быстрее, чем у всех других живых существ. Темп этого изменения обусловлен непрерывным развитием техники, ускоряющимся в геометрической прогрессии. Поэтому человек не может не вызывать глубоких изменений и - слишком часто - полного разрушения биоценозов, в которых и за счет которых он живет. Исключение составляют лишь очень немногие "дикие" племена, например некоторые индейцы девственных лесов Южной Америки, живущие собирательством и охотой, или обитатели некоторых океанических островов, немного занимающиеся земледелием, а в основном питающиеся кокосовыми орехами и дарами моря. Такие культуры влияют на свой биотоп не больше, чем популяции какого-либо вида животных. Это один

теоретически возможный способ жизни человека в равновесии со своим биотопом; другой же состоит в том, что человек, как земледелец и скотовод, *создает* новый, полностью приспособленный к своим потребностям биоценоз, который в принципе может длительно существовать точно так же, как и возникший без его участия. Так обстоит дело во многих старых земледельческих культурах, где люди живут в течение многих поколений на одной и той же земле, любят ее и возвращают ей то, что от нее получают, пользуясь своими основательными, почерпнутыми из практики экологическими знаниями.

Крестьянин знает то, о чем все цивилизованное человечество, по-видимому, забыло: он знает, что жизненные ресурсы всей нашей планеты *не безграничны*. После того как в Америке обширные местности были превращены в пустыни эрозией почвы, возникшей из-за хищнической эксплуатации земли, после того как целые области закарстовались¹⁶ вследствие вырубки леса и вымерло множество видов полезных животных, эти факты постепенно начали вновь осознаваться, и прежде всего потому, что крупные сельскохозяйственные, рыболовные и китобойные предприятия начали болезненно ощущать их коммерческие последствия. Однако до сих пор это не общепризнано и еще не проникло в сознание обществственности!

Нынешняя спешка, о которой пойдет речь в следующей главе, не оставляет людям времени проверить и подумать, прежде чем приступить к действию. И они еще гордятся этим в своем неведении, называя себя "doers", "деятелями", тогда как в действительности они становятся злодеями по отношению к природе и к самим себе. Злодеяния совершаются теперь повсюду, где применяются химические средства, например при истреблении насекомых в земледелии и плодоводстве, и почти столь же близоруко - в фармакопее. Иммунологи выдвигают серьезные возражения против общеупотребительных медикаментов. Психология "Получить сейчас же!", к которой я еще вернусь в четвертой главе, делает некоторые отрасли химической промышленности прямо-таки преступно легкомысленными, побуждая их распространять средства, длительное воздействие которых вообще невозможно предвидеть. Во всем, что касается экологического будущего земледелия, а также требований медицины, господствует поистине невероятная бездумность. Тех,

¹⁴ Оба термина - экономика и экология - содержат корень греческого слова *oikoz* - дом.

¹⁵ Биотоп (от греч. *bioz* - жизнь и *topoz* - место) - место, занятое биоценозом, определенным сообществом организмов.

¹⁶ Закарстоваться - приобрести рыхлое строение с трещинами и пустотами (от названия плато Карст в Словении).

кто предостерегает от беззаботного применения ядов, подлейшим образом дискредитируют и за-тыкают им рот.

Цивилизованное человечество готовит себе экологическую катастрофу, слепо и варварски опустошая окружающую и кормящую его живую природу. Когда оно почувствует экономические последствия, то оно, возможно, осознает свои ошибки, но весьма вероятно, что тогда уже будет поздно. И меньше всего человечество замечает, какой ущерб наносит этот варварский процесс его душе. Всеобщее и быстро распространяющееся отчуждение от живой природы в значительной мере повинно в эстетическом и этическом очерствении цивилизованного человека. Откуда возьмется у подрастающего человека *благоговение* перед чем бы то ни было, если все, что он видит вокруг себя, является делом рук человеческих, и притом весьма убогим и безобразным? Горожанин не может даже взглянуть на звездное небо, закрытое многоэтажными домами и химическим загрязнением атмосферы. Поэтому неудивительно, что распространение цивилизации сопровождается столь прискорбным изуродованием города и деревни. Достаточно сравнить с открытыми глазами старый центр любого немецкого города с его современной окраиной или эту позорную для культуры окраину, быстро вгрызающуюся в окружающую землю, с еще не захваченными ею местами. Сравните затем гистологическую картину¹⁷ любой здоровой ткани с картиной злокачественной опухоли: вы обнаружите поразительные аналогии! Если это впечатление выразить объективно и перевести с языка эстетики на язык науки, то в основе этих различий лежит *потеря информации*.

Клетка злокачественной опухоли отличается от нормальной прежде всего тем, что она лишена генетической информации, необходимой для того, чтобы быть полезным членом сообщества клеток организма. Она ведет себя поэтому как одноклеточное животное или, точнее, как молодая эмбриональная клетка. Она не обладает никакой специальной структурой и размножается безудержно и бесцеремонно, так что опухолевая ткань, проникая в соседние, еще здоровые ткани, врастает в них и разрушает их. Бросающиеся в глаза аналогии между картинами опухоли и городской окраины основаны на том, что в обоих случаях здоровые пространства "застраивались" по многочисленным, очень различным, но тонко

дифференцированным и дополняющим друг друга планам, мудрая уравновешенность которых достигалась благодаря информации, накопившейся в процессе длительного исторического развития, между тем как пространства, опустошенные опухолью или современной техникой, заполнены немногими крайне упрощенными конструкциями. Гистологическая картина совершенно однородной, структурно бедной опухолевой ткани до ужаса напоминает аэрофотографию современного городского предместья с его унифицированными домами, которые, недолго думая, в спешке конкуренции проектируют культурно нищие архитекторы. Бег человечества наперегонки с самим собой, описываемый в следующей главе, оказывает губительное воздействие на строительство жилищ. Не только коммерческие соображения, заставляющие использовать более дешевые в массовом изготовлении стандартные блоки, но и все нивелирующая мода приводят к тому, что во всех пригородах всех цивилизованных стран возникают сотни тысяч массовых жилищ, различных друг от друга лишь номерами и не заслуживающих имени "домов", так как в лучшем случае - это нагромождения стойл для человеческого скота (Nutzmenschen), если дозволено ввести такой термин по аналогии с "домашним скотом" (Nutztiere).

Клеточное содержание кур-леггорнов справедливо считается мучительством животных и позором нашей культуры. Однако содержание в таких же условиях людей находят вполне допустимым, хотя именно человек менее всего способен выносить подобное обращение, в подлинном смысле унижающее человеческое достоинство. Самоуважение нормального человека побуждает его утверждать свою индивидуальность, и это его бесспорное право. Филогенез сконструировал человека таким образом, что он не способен быть, подобно муравью или термиту, анонимным и легко заменимым элементом среди миллионов точно таких же организмов. Достаточно внимательно посмотреть на какой-нибудь поселок огородников-любителей, чтобы увидеть, какие формы принимает там стремление людей выразить свою индивидуальность. Обитателям стойл для человеческого скота остается единственный способ сохранить самоуважение: им приходится вытеснять из сознания самый факт существования многочисленных товарищей по несчастью и прочно отгораживаться от своего ближнего. В очень многих массовых жилищах балконы разделены стенками, чтобы нельзя было увидеть соседа. Человек не может и не хочет вступать с ним в

¹⁷ Гистология (от греч. itoz - ткань и logoz - слово, учение) - наука, занимающаяся микроскопическим изучением тканей организма

общение "через забор", потому что страшится увидеть в его лице свой собственный отчаявшийся образ. Это еще один путь, которым скопление людских масс ведет к изоляции и безучастности к ближнему.

Эстетическое и этическое чувства теснейшим образом связаны друг с другом, и, разумеется, у людей, вынужденных жить в только что описанных условиях; атрофируется и то и другое. Для духовного и душевного здоровья человека необходимы красота природы и красота созданной человеком культурной среды. Всеобщая душевная слепота к прекрасному, так быстро захватывающая нынешний мир, представляет собой психическую болезнь, и ее следует принимать всерьез уже потому, что она сопровождается нечувствительностью к этическому уродству.

Когда принимается решение проложить улицу, построить электростанцию или завод, что может навсегда разрушить красоту обширного ландшафта, то эстетические соображения вообще не играют роли для тех, от кого это зависит. Начиная с председателя общинного совета маленькой деревни и кончая министром экономики большого государства, все они вполне согласны между собою в том, что ради красоты природы нельзя идти на экономические и тем более политические жертвы. Немногие защитники природы и ученые, ясно видящие надвигающееся бедствие, совершенно бессильны. Какие-нибудь принадлежащие общине участки на опушке горного леса повысятся в цене, если к ним подвести дорогу; ради этого чарующий ручеек, выходящий по деревне, заключают в трубу, выпрямляют, отводят под землю - и прелестная деревенская улица превращается в омерзительное пригородное шоссе.

Глава 4

БЕГ НАПЕРЕГОНКИ С САМИМ СОБОЙ

Как я уже говорил в начале первой главы, для поддержания равновесия (steady state) живых систем необходимы циклы регулирования, или отрицательные обратные связи; что касается циклов с положительной обратной связью, то они всегда несут с собой опасность лавинообразного нарастания любого отклонения от равновесия. Специальный случай положительной обратной связи встречается, когда индивиды *одного и того же* вида вступают между собой в соревнование, влияющее на развитие вида посредством *отбора*. Этот *внутривидовой* отбор действует совсем иначе, чем отбор, происходящий от факторов окружающей среды; вызываемые им изменения на-

следственного материала не только не повышают перспектив выживания соответствующего вида, но в большинстве случаев заметно их снижают.

Последствия внутривидового отбора можно проиллюстрировать на примере маховых перьев самца фазана- аргуса (*Argusianus argus L.*), приведенном еще Оскаром Гейнротом. Во время токования эти перья разворачиваются и обращаются в сторону самки подобно хвосту павлина, где такую же роль играют образующие его верхние кроющие перья. Выбор партнера, как это достоверно установлено в случае павлина, зависит исключительно от самки; по-видимому, так же обстоит дело у аргуса, так что перспективы петуха иметь потомство находятся в прямом отношении к привлекательному действию его органа ухаживания на кур. Однако в то время как хвост павлина в полете складывается и вряд ли мешает ему, принимая более или менее обтекаемую форму, удлинение маховых перьев у самца аргуса делает его почти неспособным летать. И если он не научился летать совсем, то, конечно, благодаря отбору в противоположном направлении, осуществляемому наземными хищниками, которые берут на себя, таким образом, необходимую регулируемую роль.

Мой учитель Оскар Гейнрот говаривал в своей грубоватой манере: "После маховых перьев фазана- аргуса темп работы современного человечества - глупейший продукт внутривидового отбора". В его время это высказывание было явно пророческим, но в наши дни оно звучит как разительное преуменьшение, классическое "understatement"¹⁸. У аргуса, как и у многих животных с аналогичными образованиями, воздействия внешней среды не дают виду развиваться посредством внутривидового отбора в направлении все большего уродства и в конечном счете прийти

катастрофе. Эти благотворные регулирующие силы не действуют в культурном развитии человечества: оно сумело, на горе себе, подчинить своей власти всю окружающую среду, но знает о самом себе так мало, что стало беспомощной жертвой дьявольских сил внутривидового отбора.

"Homo homini lupus"¹⁹ - человек человеку хищник - это тоже "understatement", как и знаменитое изречение Гейнрота. Человек, ставший единственным фактором отбора, определяющим

¹⁸ Преуменьшение (англ.). - Примеч. пер.

¹⁹ Человек человеку волк (лат.). Далее автор переводит эту латинскую пословицу с намеренным изменением. - Примеч. пер.

дальнейшее развитие своего вида, увы, далеко не так безобиден, как хищник, даже самый опасный. Соревнование человека с человеком действует, как ни один биологический фактор до него, против "предвечной силы благотворной", и разрушает едва ли не все созданные ею ценности холодным дьявольским кулаком, которым управляют одни только слепые к ценностям коммерческие расчеты²⁰.

Под давлением соревнования между людьми уже почти забыто все, что хорошо и полезно для человечества в целом и даже для отдельного человека. Подавляющее большинство ныне живущих людей воспринимает как ценность лишь то, что лучше помогает им переиграть своих собратьев в безжалостной конкурентной борьбе. Любое пригодное для этого средство обманчивым образом представляется ценностью само по себе. Гибельное заблуждение *утилитаризма* можно определить как смешение средства с целью. Деньги в своем первоначальном значении были средством; это еще знает повседневный язык - говорят, например: "У него ведь есть средства". Много ли, однако, осталось в наши дни людей, вообще способных понять вас, если вы попытаетесь им объяснить, что деньги сами по себе не имеют никакой цены? Точно так же обстоит дело со временем: для того, кто считает деньги абсолютной ценностью, изречение "Time is money"²¹ означает, что и каждая секунда сбереженного времени сама по себе представляет ценность. Если можно построить самолет, способный перелететь через Атлантический океан немного быстрее предыдущих, то никто не спрашивает, какую цену за это придется уплатить в виде удлинения посадочных полос, возрастания скорости посадки и взлета и, вследствие этого, увеличения опасности, усиления шума и т. д. Выигрыш в полчаса оказывается в глазах всего света самостоятельной ценностью, ради которой никакая жертва не может быть слишком велика. Каждый автомобильный завод должен заботиться о том, чтобы новый тип машины имел несколько большую скорость, и вот приходится расширять все улицы, закруглять все повороты, якобы для большей безопасности, а в действительности лишь для

того, чтобы можно было ездить еще немного быстрее - и поэтому с большей опасностью.

Возникает вопрос, что больше вредит душе современного человека: ослепляющая жажда денег или изматывающая спешка. Во всяком случае, власть имущие всех политических направлений заинтересованы в том и другом, доводя до гипертрофии мотивы, толкающие людей к соревнованию. Насколько мне известно, эти мотивы еще не изучались с позиций глубинной психологии²² но я считаю весьма вероятным, что, наряду с жаждой обладания и более высокого социального ранга, или с тем и другим, важнейшую роль здесь играет *страх* - страх отстать в беге наперегонки, страх разориться и обеднеть, страх принять неверное решение и не справиться с изматывающей ситуацией. Страх во всех видах является, безусловно, важнейшим фактором, подрывающим здоровье современного человека, вызывающим у него повышенное артериальное давление, сморщивание почек, ранние инфаркты и другие столь же прекрасные переживания. Человек спешит, конечно, не только из алчности, никакая приманка не могла бы побудить его столь энергично вредить самому себе; спешит он потому, что его что-то *подгоняет*, а подгонять его может только страх.

Боязливая спешка и торопливый страх в значительной мере повинны в потере человеком своих важнейших качеств. Одно из них - *рефлексия*. Как я уже говорил в работе "Innate Bases of Learning"²³, весьма вероятно, что в загадочном процессе становления человека решающую роль сыграл тот момент, когда существо, любознательно исследовавшее окружающий мир, увидело вдруг в поле своего исследования *самого себя*. Конечно, это открытие собственной личности нельзя еще сопоставить с тем изумлением при виде само собою разумеющегося, которое явилось рождением философии; но уже тот факт, что ощупывающая и хватающая рука, наряду с предметами внешнего мира, которые она ощупывает и хватает, стала однажды и сама восприниматься как предмет внешнего мира, должен был создать новую связь, последствия которой означали но-

²⁰ Скрытое цитирование слов Фауста, обращенных к Мефистофелю (буквальный перевод):

Итак, ты противопоставляешь вечно деятельной,
Благотворно созидательной силе
Холодный дьявольский кулак,
Сжимающийся в тщетной злобе.

²¹ Время - деньги (англ.). - Примеч. пер.

²² Глубинная психология - данным термином обозначают психоанализ Фрейда, аналитическую психологию К.-Г. Юнга, индивидуальную психологию А. Адлера и другие связанные с ними психологические концепции; термин отграничивает их от психологии реакций, не занимающейся более глубокими слоями личности (см. гл. 8).

²³ "Врожденные основы обучения" (англ.). - Примеч. пер.

вую эпоху. Существо, еще не знавшее о собственном существовании, никоим образом не могло развить отвлеченное мышление, словесный язык, совесть и ответственную мораль. Существо, *перестающее* рефлексировать, подвергается опасности потерять все эти свойства и способности, специфические для человека.

Одно из наихудших последствий спешки или, может быть, непосредственно стоящего за спешкой страха - это очевидная неспособность современного человека хотя бы ненадолго остаться наедине с самим собой. С пугливой старательностью люди избегают всякой возможности подумать о себе, как будто боятся, что размышление откроет им какой-то ужасный автопортрет, подобный описанному Оскаром Уайльдом в его классическом романе ужасов "The Picture of Dorian Grey"²⁴. Лихорадочную страсть к шуму, парадоксальную при обычной для современных людей неврастении, можно объяснить только тем, что им необходимо что-то *заглушить*. Однажды во время прогулки в лесу мы с женой вдруг услышали быстро приближающийся визг транзисторного приемника, прикрепленного к багажнику одинокого велосипедиста, паренька лет шестнадцати. "Он боится услышать, как поют птицы!" - сказала жена. По-моему, он боялся хотя бы на мгновение встретиться с самим собой. Почему некоторые люди, в остальном весьма взыскательные в интеллектуальном отношении, предпочитают собственному обществу безмозглые рекламные передачи телевидения? Несомненно, только потому, что это помогает им вытеснить размышление.

Итак, люди *страдают* от нервных и психических нагрузок, которые им навязывает бег наперегонки со своими собратьями. И хотя их дрессируют с самого раннего детства, приучая видеть прогресс во всех безумных уродствах соревнования, как раз самые прогрессивные из них яснее всех выдают своим взглядом подгоняющий их страх, и как раз самые деловые, старательнее всех "идушие в ногу со временем" особенно рано умирают от инфаркта.

Если даже сделать неоправданно оптимистическое допущение, что перенаселение Земли не будет дальше возрастать с нынешней угрожающей быстротой, то, надо полагать, экономический бег человечества наперегонки с самим собой и без того достаточен, чтобы его погубить. Каждый циклический процесс с положительной обратной связью рано или поздно ведет к катастрофе, а в описываемом здесь ходе событий со-

держится несколько таких процессов. Кроме коммерческого внутривидового отбора на все ускоряющийся темп работы действует и другой опасный циклический процесс, описанный в нескольких книгах Вэнсом Паккардом, - процесс, ведущий к постоянному возрастанию человеческих *потребностей*. Понятно, что каждый производитель всячески стремится повысить потребность покупателей в своем товаре. Ряд "научных" институтов только и занимается вопросом, какими средствами можно лучше достигнуть этой негодной цели. Методы, выработанные в результате изучения общественного мнения и рекламной техники, применяются к потребителям, которые в большинстве своем оказываются достаточно глупыми, чтобы с удовольствием повиноваться такому руководству; почему это происходит, объясняется прежде всего явлениями, описанными в 1-й и 7-й главах. Никто не возмущается, например, когда вместе с каждым тюбиком зубной пасты или пачкой бритвенных лезвий приходится покупать рекламную упаковку, стоящую нередко столько же или больше, чем сам товар.

Дьявольский круг, в котором сцеплены друг с другом непрерывно нарастающие производство и потребление, вызывает к жизни явления роскоши, а это рано или поздно приведет к пагубным последствиям все западные страны, и прежде всего Соединенные Штаты; в самом деле, их население не выдержит конкуренции с менее изнеженным и более здоровым населением стран Востока. Поэтому капиталистические господа поступают крайне близоруко, продолжая придерживаться привычного образа действий, т. е. вознаграждая потребителя повышением "уровня жизни" за участие в этом процессе и "кондиционируя" его этим для дальнейшего, повышающего кровяное давление и изматывающего нервы бега наперегонки с ближним.

Но, сверх того, эти явления роскоши ведут к пагубному циклическому процессу особого рода, который будет рассмотрен в следующей главе.

Глава 5

ТЕПЛОВАЯ СМЕРТЬ ЧУВСТВА²⁵

²⁵ Тепловая смерть чувства - от выражения "тепловая смерть мира", обозначающего гипотетический процесс выравнивания неоднородности Вселенной вследствие перехода упорядоченного механического движения частиц в неупорядоченное тепловое движение. Происходящее при этом разрушение структур приводит к возрастанию беспорядка, мерой которого слу-

²⁴ "Портрет Дориана Грея" (англ.). - Примеч. пер.

У всех живых существ, способных к образованию условных реакций классического павловского типа, этот процесс может вызываться двумя противоположными по своему действию видами стимулов: во-первых, приучающими стимулами (*reinforcement*), усиливающими предшествующее поведение, во-вторых, отучающими (*deconditioning*, *extinguishing*), ослабляющими или вовсе тормозящими его. У человека действие стимулов первого рода связано с чувством удовольствия, второго - с чувством неудовольствия, и вряд ли мы впадем в слишком грубый антропоморфизм, если также и в применении к высшим животным будем кратко называть эти процессы вознаграждением и наказанием.

Возникает вопрос, почему филогенетически развившаяся программа аппарата, осуществляющего эти формы обучения, работает с двумя видами стимулов, а не с одним, что было бы проще. На этот вопрос уже предлагались различные ответы. Простейший из них состоит в том, что действительность процесса обучения удваивается, если организм может извлекать полезные выводы не только из успеха или неудачи, но из того и другого вместе. Другой гипотетический ответ состоит в следующем. Если требуется оградить организм от определенных вредных воздействий окружающей среды и обеспечить ему оптимальные для него условия тепла, освещенности, влажности и т. д., то наказывающих стимулов вполне достаточно, и мы в самом деле видим, что аппетита²⁶ к оптимуму и тем самым к свободе от стимулов, которые Уоллес Крейг именно по этой причине называет "аверсиями"²⁷, по большей части вызываются этим путем. Если же, напротив, требуется приучить животное к некоторому специфическому способу поведения, хотя бы к отысканию вполне определенной, точно заданной местности, то было бы очень трудно загнать его в это место с помощью одних только отрицательных стимулов. Легче заманить его туда вознаграждающими стимулами. Уже Уоллес Крейг указал, что эволюция вступила на этот путь решения задачи повсюду, где требовалось приучить животное к отысканию специфических стимулирующих ситуаций, например запускающих спаривание или прием пищи.

Эти объяснения двойственного принципа вознаграждения и наказания, разумеется, в неко-

торой мере справедливы. Но есть и еще одна функция принципа удовольствия и неудовольствия, несомненно важнее из всех; обнаруживается она лишь в тех случаях, когда ее патологическое нарушение делает заметными последствия ее выпадения. В истории медицины и физиологии часто случалось, что само существование вполне определенного физиологического механизма обнаруживалось лишь вследствие его заболевания.

Приучение к некоторой форме поведения посредством подкрепляющего вознаграждения всегда побуждает организм мириться с неудовольствием в настоящем ради удовольствия в будущем или - на объективном языке - не реагировать на такие стимулирующие ситуации, которые без предшествующего обучения произвели бы отталкивающее и отучающее воздействие. Ради привлекательной добычи собака или волк делает многое, на что в других обстоятельствах идет весьма неохотно - бежит через колючие заросли, прыгает в холодную воду и подвергается опасностям, которых очевидным образом боится. Полезность всех этих отучающих механизмов для сохранения вида состоит, очевидно, в том, что они составляют противовес действию приучающих; они препятствуют организму, стремящемуся к вознаграждающей ситуации, приносить чрезмерные жертвы и подвергаться чрезмерным опасностям, несоразмерным с ожидаемым благом. Организм не может себе позволить платить цену, которая не "окупается". Полярной зимой волк принимает в расчет погоду и не рискует выходить на охоту в холодные ветреные ночи, чтобы не поплатиться за еду отмороженными лапами. *Возможны*, однако, обстоятельства, при которых такой риск оправдан, например, когда хищнику грозит голодная смерть, и он вынужден поставить все на карту, чтобы выжить.

Противостоящие друг другу принципы вознаграждения и наказания, удовольствия и неудовольствия нужны, таким образом, чтобы взвешивать соотношения между ожидаемым благом и требуемой за него ценой; это однозначно подтверждается тем, что интенсивность того и другого колеблется в зависимости от экономического положения организма. Если, например, питание имеется в избытке, то его привлекательное действие ослабевает настолько, что животное едва дает себе труд сделать несколько шагов по направлению к пище, и малейшей ситуации неудовольствия достаточно, чтобы блокировать аппетит к еде. Напротив, в случае необходимости приспособительная способность механизма удовольствия-неудовольствия позволяет орга-

жит энтропия. В данном случае это выражение означает общее притупление, ослабление чувства.

²⁶ Аппетенция - от лат. *appetentio* - сильное желание, стремление.

²⁷ Аверсия - от лат. *aversio* - отвращение, неприязнь.

низму платить безмерную цену за достижение жизненно важной цели.

Аппарату, осуществляющему у всех высших организмов это жизненно важное приспособление поведения к изменяющейся "конъюнктуре", присущи некоторые основные физиологические свойства, общие почти всем нейросенсорным системам²⁸ подобной сложности. Во-первых, для него характерен широко распространенный процесс привыкания, или адаптации чувств. Это значит, что любая стимулирующая комбинация, повторяющаяся много раз, постепенно теряет свою действенность, причем - и это существенно - порог реакции на другие, даже весьма сходные, стимулирующие ситуации не изменяется. Во-вторых, этот механизм обладает столь же широко распространенным свойством инертности реакций. Если, например, сильные стимулы, вызывающие неудовольствие, выводят его из равновесия, то внезапное прекращение таких стимулов вызывает не простое возвращение системы в положение равновесия по плавной кривой, но резкий скачок в другую сторону, так что простое прекращение неудовольствия воспринимается как заметное удовольствие. Это превосходно выражает старинная австрийская крестьянская шутка: "Сегодня я порадовал мою собаку: сначала как следует отлупил ее, а потом перестал"²⁹.

Оба этих физиологических свойства системы "удовольствие-неудовольствие" важны в связи с нашим предметом, поскольку они - в соединении с некоторыми другими ее свойствами - могут привести в условиях жизни современного цивилизованного человека к опасным расстройствам этой системы. Но прежде чем к ним перейти, надо еще кое-что добавить по поводу только что упомянутых свойств. Они восходят к тем экологическим условиям, при которых рассматриваемый механизм

- наряду с многими другими врожденными программами поведения

- выработался в истории нашего вида. Жизнь человека была тогда суровой и опасной. Охотник и пожиратель мяса, он полностью зависел от случайной добычи, почти всегда был голоден и никогда не был уверен в своем пропитании; дитя тропиков, он постепенно углублялся в умеренные широты, где климат заставлял его тяжело страдать; а крупным хищникам того времени он мог противопоставить лишь свое примитивное ору-

жие, не дававшее ему никакого превосходства, так что жизнь его проходила в состоянии напряженной бдительности и страха.

При таких условиях многое, что теперь воспринимается как "порок" или по меньшей мере вызывает презрение, было вполне правильной и даже жизненно необходимой стратегией выживания. Обжорство было добродетелью; в самом деле, если уж удалось поймать в ловушку крупного зверя, то разумнее всего было набить себе желудок, насколько можно. Оправдан был и смертный грех лени: чтобы загнать добычу, требовалось столько усилий, что разумно было не тратить энергию, когда это не было строго необходимо. Опасности, подстерегавшие человека на каждом шагу, были столь серьезными, что любой ненужный риск был безответственной глупостью, и единственно правильным законом поведения была крайняя, граничащая с трусостью осторожность. Короче говоря, в ту пору, когда программировалась большая часть инстинктов, которые мы и до сих пор в себе носим, нашим предкам вовсе не приходилось "мужественным" или "рыцарским" образом искать себе жизненные испытания, потому что испытания навязывались им сами собой, насколько их еще можно было снести. Принцип, предписывающий избегать по возможности всякой опасности и всякого расхода энергии, был навязан человеку филогенетически возникшим механизмом удовольствия-неудовольствия и был в то время вполне прави-

лен. Гибельные ошибочные действия того же механизма в условиях нынешней цивилизации объясняются его филогенетически возникшим устройством и его основными физиологическими свойствами-привыканием и инерцией. Еще в незапамятные времена мудрейшие из людей осознали, что, если человек очень уж успешно следует своему инстинктивному стремлению получать удовольствие и избегать неудовольствия, это никак не идет ему на пользу. Уже в древности люди высокоразвитых культур умели избегать всех ситуаций, причиняющих неудовольствие; а это может привести к опасной *изнеженности*, по всей вероятности, часто ведущей даже к гибели культуры. Люди очень давно обнаружили, что действие ситуаций, доставляющих удовольствие, может быть усилено ловким сочетанием стимулов, причем постоянное изменение их может предотвратить притупление удовольствий от привычки; это изобретение, сделанное во всех высокоразвитых культурах, ведет к *пороку*, который, впрочем, едва ли когда-нибудь способствует упадку культуры в такой степени, как изнежен-

²⁸ Нейросенсорные системы - системы, включающие в себя мозг нервы и органы чувств.

²⁹ ...а потом перестал - в подлиннике - австрийский диалект.

ность. С тех пор как мудрые люди начали размышлять и писать, раздавались проповеди против изнеженности и порока, но с большим усердием всегда обличали порок.

Развитие современной технологии, и прежде всего фармакологии, как никогда прежде поощряет общечеловеческое стремление избегать неудобств. Современный "комфорт" стал для нас чем-то само собою разумеющимся до такой степени, что мы не сознаем уже, насколько от него зависим. Самая скромная домашняя работница возмущалась бы, если бы ей предложили комнату с таким отоплением, освещением, удобствами для сна и умывания, которые вполне устраивали тайного советника фон Гёте или даже саму герцогиню Анну Амалию Веймарскую. Когда несколько лет назад в Нью-Йорке из-за крупной аварии системы управления выключился на несколько часов электрический ток, многие всерьез уверовали, что наступил конец света. Даже те из нас, кто тверже всех убежден в преимуществах доброго старого времени и в воспитательной ценности спартанского образа жизни, пересмотрели бы свои взгляды, если бы им пришлось подвергнуться обычной 2000 лет назад хирургической операции.

Все более овладевая окружающим миром, современный человек неизбежно сдвигает "конъюнктуру" своей экономики удовольствия-неудовольствия в сторону постоянного обострения чувствительности ко всем ситуациям, вызывающим неудовольствие, и столь же постоянного притупления чувствительности ко всякому удовольствию. А это по ряду причин ведет к пагубным последствиям.

Возрастающая нетерпимость к неудовольствию - в сочетании с убыванием притягательной силы удовольствия - ведет к тому, что люди теряют способность вкладывать тяжелый труд в предприятия, сулящие удовольствие лишь через долгое время. Отсюда возникает нетерпеливая потребность в *немедленном* удовлетворении всех едва зародившихся желаний. Эту потребность в *немедленном* удовлетворении (*instant gratification*), к сожалению, всячески поощряют производители и коммерческие предприятия, а потребители удивительным образом не видят, как их поработщают "идущие им навстречу" фирмы, торгующие в рассрочку.

По легко понятным причинам принудительная потребность в *немедленном* удовлетворении приводит к особенно вредным последствиям в области полового поведения. Вместе с потерей способности преследовать отдаленную цель исчезают все более тонко дифференцированные

формы поведения при ухаживании и образовании пар - как инстинктивные, так и культурно запрограммированные, т. е. не только формы, возникшие в истории вида с целью сохранения парного союза, но и специфически человеческие нормы поведения, выполняющие аналогичные функции в рамках культуры. Вытекающее отсюда поведение - восхваляемое и возводимое в норму во множестве современных фильмов немедленное спаривание - было бы неправильно называть "животным", поскольку у высших животных нечто подобное встречается лишь в виде редчайшего исключения; вернее уж было бы назвать такое поведение "скотским", понимая под "скотом" домашних животных, у которых для удобства их разведения все высокодифференцированные способы поведения при образовании пар устранены человеком в ходе искусственного отбора.

Поскольку механизму удовольствия-неудовольствия, как уже было сказано, свойственна инерция и тем самым образование контраста,

преувеличенное стремление любой ценой избежать малейшего неудовольствия неизбежно влечет за собой исчезновение определенных форм удовольствия, в основе которых лежит именно контраст. Как говорится в "Кладоискателе" Гёте, "веселым праздникам" должны предшествовать "тяжкие недели"; этой старой мудрости угрожает забвение. И прежде всего болезненное уклонение от неудовольствия уничтожает *радость*. Гельмут Шульце указал на примечательное обстоятельство: ни слово, ни понятие "радость" не встречаются у Фрейда³⁰. Он знает наслаждение, но не радость. Когда, говорит Шульце, человек взбирается, вспотевший и усталый, с ободранными пальцами и ноющими мускулами, на вершину труднодоступной горы, собираясь сразу же приступить к еще более утомительному и опасному спуску, то во всем этом, вероятно, нет наслаждения, но есть величайшая радость, какую можно себе представить. Во всяком случае, наслаждение можно еще получить, не расплачиваясь за него ценой неудовольствия в виде тяжелого труда; но прекрасная божественная искра Радости³¹ дается только этой ценой. Все возрастающая в наши дни нетерпимость к неудовольствию превращает возникшие по воле природы вершины и бездны человеческой жизни в искусственно выровненную плоскость, из величест-

³⁰ Непереводимая игра слов: фамилия Фрейда (Freud) созвучна со словом радость" (Freude).

³¹ "Радость, прекрасная божественная искра" - начальная строка оды Шиллера "К радости".

венных гребней и провалов волн она делает едва ощутимую зыбь, из света и тени - однообразную серость. Короче, она создает смертную скуку.

Эта "эмоциональная тепловая смерть" особенно сильно угрожает, по-видимому, радостям и страданиям, неизбежно возникающим из наших *общественных* отношений, из наших связей с супругами и детьми, родителями, родственниками и друзьями. Высказанное Оскаром Гейнротом в 1910 году предположение, что "в нашем поведении по отношению к семье и чужим, при уходе за ними и приобретении друзей действуют врожденные процессы, гораздо более древние, чем обычно принято думать", полностью подтверждено данными современной этологии человека. Эти чрезвычайно сложные способы поведения наследственно запрограммированы таким образом, что все они вместе и каждый в отдельности приносят нам не только радости, но и много страданий. Вильгельм Буш выразил это стихами: "Хоть судят юноши превратно, что в наши дни любить приятно, но видят, против ожидания, что и любовь несет страдания". Кто избегает страдания, лишает себя существенной части человеческой жизни. Эта отчетливо наметившаяся тенденция опасным образом соединяется с уже описанными на с. 10 следствиями перенаселения (*not to get involved*)³². У ряда культурных групп стремление любой ценой избежать печали вызывает причудливое, поистине жуткое отношение к смерти любимого человека. У значительной доли населения Соединенных Штатов она вытесняется в смысле Фрейда: умерший внезапно исчезает, о нем не говорят, упоминать о нем бестактно - ведут себя так, как будто его никогда не было. Еще ужаснее приукрашивание смерти, которое заклеил в своей книге "Возлюбленный" самый жестокий из сатириков, Ивлин Во. Мертвеца искусно гримируют, и считается хорошим тоном восхищаться, как он прекрасно выглядит.

Далеко зашедшее стремление избегать недовольства действует на подлинную человечность таким уничтожающим образом, что по сравнению с ним столь же безграничное стремление к удовольствию кажется просто безобидным. Можно, пожалуй, сказать, что современный цивилизованный человек слишком уж вял и пресыщен, чтобы развить в себе сколько-нибудь примечательный порок. Поскольку способность испытывать удовольствие исчезает главным образом из-за привычки к сильным и постоянно усиливающимся раздражителям, неудивительно, что пресыщенные люди охотятся за все *новыми*

раздражениями. Эта "неофилия" охватывает едва ли не все отношения к предметам внешнего мира, на которые человек вообще способен. Для человека, пораженного этой болезнью культуры, любая принадлежащая ему вещь - пара ботинок, костюм или автомобиль - очень скоро теряет свою привлекательность, точно так же, как возлюбленная, друг или даже отечество. Примечательно, как легко распродают многие американцы при переезде весь свой домашний скраб, покупая потом все заново. Обычная рекламная приманка всевозможных туристических агентств - перспектива "to make new friends"³³. На первый взгляд может показаться парадоксальным и даже циничным, если я выражу уверенность, что сожаление, которое мы испытываем, выбрасывая в мусорный ящик верные старые брюки или курительную трубку, имеет некоторые общие корни с социальными связями, соединяющими нас с друзьями. И тем не менее, когда я думаю о том, с какими чувствами я в конце концов продал наш старый автомобиль, с которым были связаны бесчисленные воспоминания о чудесных путешествиях, я совершенно уверен, что это было чувство того же рода, как и при расставании с другом. Такая реакция, разумеется, ошибочная по отношению к неодушевленному предмету, по отношению к высшему животному - например, собаке, - не только оправдана, но может служить прямо-таки тестом богатства или бедности человеческой личности. Я внутренне отворачивался от многих людей, рассказывавших о своей собаке: "...а потом мы переехали в город, и ее пришлось отдать".

Явление неофилии в высшей степени желательно для крупных производителей, эксплуатирующих его в широчайших масштабах с помощью описываемого в 8-й главе индоктринирования масс для получения коммерческой выгоды. Как в моде на одежду, так и в моде на автомобили принцип "built-in obsolescence", "встроенного устаревания", играет весьма важную роль.

В заключение главы мне хотелось бы обсудить возможности терапевтического противодействия изнеженности и тепловой смерти чувства. Сколь легко понять причины этих явлений, столь же трудно их устранить. Не хватает здесь, конечно, *естественных препятствий*, преодоление которых закаляет человека, навязывая ему терпимость к неудовольствию, и в случае успеха доставляет ему радость. Большая трудность состоит здесь в том, что препятствия эти, как уже сказано, должны быть естественными, вытекаю-

³² Не ввязываться (англ.). - Примеч. пер.

³³ Приобрести новых друзей (англ.). -- Примеч. пер.

щими из природы вещей. Преодоление нарочно выдуманных затруднений никакого удовлетворения не дает. Курт Ган Добивался крупных терапевтических успехов, направляя пресыщенных и скучающих юношей на приморские станции спасения утопающих. Эти ситуации испытаний, непосредственно воздействующие на глубокие слои личности, принесли подлинное исцеление многим пациентам. Аналогичные способы применял Гельмут Шульце, ставивший своих пациентов в ситуации прямой опасности, "пограничные ситуации", как он их называет, в которых, если выразить это совсем уж вульгарным языком, изнеженные люди так близко сталкиваются с настоящей жизнью, что это выбивает из них дурь. Сколь бы ни были успешны такие методы лечения, независимо развитые Ганом и Шульце, они не дают общего решения проблемы. Ведь нельзя же устроить столько кораблекрушений, чтобы доставить всем нуждающимся в этом целебное переживание преодоления препятствий, нельзя посадить их всех на планеры и так напугать, чтобы они осознали, как прекрасна все-таки жизнь. Замечательным примером стойкого излечения могут служить не столь уж редкие случаи, когда скука от тепловой смерти эмоций приводит к попытке самоубийства, оставляющей более или менее тяжкие длительные повреждения. Много лет назад опытный учитель слепых из Вены рассказывал мне, что молодые люди, потерявшие зрение при попытке самоубийства выстрелом в висок, никогда не пытаются снова покончить с собой. Они не только продолжают жить, но удивительным образом созревают, превращаясь в уравновешенных и даже счастливых людей. Подобный же случай произошел с одной дамой, которая, будучи еще молодой девушкой, выбросилась в попытке самоубийства из окна и сломала себе позвоночник, но затем, с поврежденным спинным хребтом, вела счастливую и достойную жизнь. Без сомнения, все эти отчаявшиеся от скуки молодые люди смогли вернуть себе интерес к жизни, потому что столкнулись с труднопреодолимым препятствием.

У нас нет недостатка в препятствиях, которые мы должны преодолеть, чтобы человечество не погибло, и победа над ними поистине достаточно трудна, чтобы поставить каждого из нас в надлежащую ситуацию преодоления препятствий. Довести до общего сведения существование этих препятствий - вот безусловно выполняемая задача, которую должно ставить себе воспитание.

Глава 6

ГЕНЕТИЧЕСКОЕ ВЫРОЖДЕНИЕ

Некоторые способы социального поведения приносят пользу сообществу, но вредны для индивида. Объяснение возникновения и тем более сохранения таких способов поведения из принципов мутации и отбора представляет, как недавно показал Норберт Бишоф, трудную проблему. Если бы даже возникновение "альтруистических" способов поведения могло быть объяснено не очень понятными процессами группового отбора, в которые я не буду здесь углубляться, то все же возникшая таким образом социальная система неизбежно оказалась бы *неустойчивой*. Если, например, у галок (*Coloeus monedula L.*) возникает защитная реакция, при которой каждый индивид в высшей степени храбро вступает за схваченного хищником собрата по виду, то легко понять и объяснить, почему группа, члены которой ведут себя таким образом, имеет больше шансов на выживание, чем группа, где такого поведения нет. Что, однако, препятствует появлению *внутри* группы таких индивидов, у которых реакция защиты товарищей отсутствует? Мутации выпадения функций вполне вероятны и рано или поздно непременно происходят. И если они относятся к альтруистическому поведению, о котором шла речь, то для затронутого ими индивида они должны означать селекционное преимущество, если допустить, что защищать собратьев по виду опасно. Но тогда подобные "асоциальные элементы", паразитируя на социальном поведении своих еще нормальных собратьев, рано или поздно должны были бы составить в таком обществе большинство. Разумеется, все это верно лишь для таких общественных животных, у которых функции размножения и социальной работы не разделены между различными индивидами, наподобие "государственных" насекомых, у которых указанной выше проблемы нет, так что, возможно, именно по этой причине "альтруизм" рабочих и солдат принимает у этих насекомых столь крайние формы.

Мы не знаем, что препятствует разложению сообщества социальными паразитами у общественных позвоночных. Трудно, в самом деле, представить себе, чтобы, скажем, галка возмутилась "трусостью" асоциального субъекта, не принимающего участия в реакции защиты товарища. "Возмущение" асоциальным поведением известно лишь на относительно низком и на самом высоком уровне интеграции живых систем, а именно в "государстве" клеток и в человеческом обществе. Иммунологи обнаружили тесную и весьма знаменательную связь между способностью к образованию антител и опасностью появления злокачественных опухолей. Можно даже утвер-

ждать, что образование специфических защитных веществ вообще было впервые "изобретено" под селекционным давлением, какое могли испытывать лишь долгоживущие и, прежде всего, долго растущие организмы, которым всегда угрожает опасность возникновения при бесчисленных делениях клеток опасных "асоциальных" клеточных форм вследствие так называемых соматических мутаций. У беспозвоночных нет ни злокачественных опухолей, ни антител, но оба эти явления сразу же возникают в ряду живых организмов уже у самых низших позвоночных, круглоротых или циклостом, к которым относится, например, речная минога. Вероятно, все мы уже в молодости умирали бы от злокачественных опухолей, если бы наше тело не выработало, в виде реакций иммунитета, своеобразную "клеточную полицию", своевременно устраняющую ассоциальных паразитов.

У нас, людей, нормальный член общества наделен весьма специфическими формами реакций, которыми он отвечает на асоциальное поведение. Оно "возмущает" нас, и самый кроткий из людей реагирует прямым нападением, увидев, что обижают ребенка или насилуют женщину. Сравнительное исследование правовых структур в различных культурах свидетельствует о совпадениях, доходящих до подробностей и не объяснимых культурно-историческими связями. Как говорит Гёте, "никто уже не вспоминает о праве, что родится с нами". Но, конечно, вера в существование естественного права, независимого от законодательства той или иной культуры, с древнейших времен связывалась с представлением о сверхъестественном, непосредственно божественном происхождении этого права.

По замечательному совпадению, как раз в тот день, когда я начал писать эту главу, я получил письмо от специалиста по сравнительному праву Петера Г. Занда, из которого приведу следующую цитату: "В современных исследованиях в области сравнительного права все больше внимания уделяется структурному *сходству* между различными правовыми системами мира (например, можно сослаться на недавно опубликованный коллективный проект Корнельского университета "Common Core of Legal Systems"³⁴). Чтобы объяснить довольно многочисленные совпадения, были предложены до сих пор три главных концепции: метафизическая концепция естественного права (соответствующая витализму в естествознании), историческая (обмен идеями

путем взаимного проникновения и контакта между различными правовыми системами, т. е. поведение, усвоенное посредством имитации) и экологическая (приспособление к внешней среде, соответственно к инфраструктуре, т. е. формы поведения, усвоенные благодаря общему опыту). В последнее время к ним присоединилось *психологическое* объяснение, которое выводит общее "правовое чувство" (инстинктивное понятие!) из типичного опыта детства, с прямой ссылкой на Фрейда (это относится прежде всего к проф. Альберту Эренцвейгу из Беркли с его "психоаналитической юриспруденцией"). Существенно в этом новом направлении то, что оно сводит социальное явление "права" к индивидуальным структурам, а не наоборот, как традиционная теория права. Но, как я полагаю, достоин сожаления тот факт, что и это направление все еще уделяет исключительное внимание *усвоенным* способам поведения и пренебрегает возможными *врожденными* способами поведения в области права. Читая собрание Ваших сочинений (не всегда легких для юриста!), я твердо убедился, что в этом таинственном "правовом чувстве" (а надо сказать, что эти слова широко употреблялись в старой теории права, хотя и без объяснения) следует видеть типичные врожденные формы поведения".

Я вполне разделяю этот взгляд, отдавая себе, конечно, отчет в том, что его убедительное доказательство связано с большими трудностями; на них также указывает проф. Занд в своем письме. Но что бы ни выявило будущее исследование филогенетических и культурно-исторических источников человеческого правового чувства, можно считать твердо установленным научным фактом, что вид *Homo sapiens* обладает высокодифференцированной системой форм поведения, служащей для искоренения угрожающих обществу паразитов и действующей вполне аналогично системе образования антител в государстве клеток.

В современной криминологии также ставится вопрос, в какой степени преступное поведение может быть объяснено генетическим выпадением врожденных форм социального поведения и реакций торможения и в какой мере оно происходит от нарушений в культурной передаче социальных норм. Решение этого вопроса, хотя и столь же трудное, как в теории права, имеет здесь, однако, гораздо большее практическое значение. Право есть право, и следовать ему нужно независимо от того, возникла ли его структура филогенетическим или культурно-историческим путем. Однако при вынесении

³⁴ Общее ядро юридических систем" (англ.). - Примеч. пер.

приговора преступнику важно знать, обусловлен его дефект генетически или же происходит от воспитания; от этого существенно зависят перспективы сделать его снова терпимым членом общества. Я не хочу сказать, что генетические отклонения не могут быть исправимы с помощью целесообразной тренировки: как сообщает Кречмер, некоторые лептосомы³⁵, занимаясь гимнастикой с подлинно шизотимной последовательностью³⁶, сумели искусственно приобрести почти атлетическую мускулатуру. Если бы все филогенетически запрограммированное *ipso facto*³⁷ не поддавалось влиянию обучения и воспитания, то человек был бы безответственной игрушкой своих инстинктивных побуждений. Предпосылка любого культурного сожительства людей состоит в том, что человек способен укрощать свои побуждения; к этому сводится вся истина, заключенная в проповедях аскезы. Но господство разума и ответственности не безгранично. Его едва хватает и здоровому, чтобы он мог занимать свое место в культурном обществе. Между тем - пользуясь моим старым сравнением - можно сказать, что душевно здоровый человек и психопат различаются между собой не больше, чем люди с компенсированным и декомпенсированным пороком сердца. Человек, как удачно сказал Арнольд Гелен, по своей природе, т. е. по своему филогенезу, есть культурное существо. Иными словами, его инстинктивные побуждения и культурно обусловленное, ответственное владение ими составляют *единую* систему, в которой функции обеих подсистем точно согласованы друг с другом. Небольшой недостаток или избыток с той или другой стороны приводит к нарушению гораздо легче, чем думает большинство людей, склонных верить во всемогущество человеческого разума и обучения. И, к сожалению, человек, по-видимому, лишь в весьма незначительных пределах способен компенсировать такие нарушения, тренируя свою власть над собственными побуждениями.

Прежде всего, криминологии слишком хорошо известно, как мало можно надеяться превратить в социальных людей так называемых эмоционально бедных. Это одинаково верно в отношении как родившихся эмоционально бедными, так и тех несчастных, у кого почти такое

же нарушение возникло от недостатка воспитания, особенно от госпитализации (в смысле Рене Спитса³⁸). Недостаточный личный контакт с матерью в младенческом возрасте вызывает - если дело не кончается еще хуже - неспособность к социальным связям, симптомы которой чрезвычайно напоминают врожденную эмоциональную бедность. Итак, если неверно, что все врожденные дефекты неизлечимы, то еще менее верно, будто излечимы все приобретенные; старое врачебное правило: "лучше предупреждать, чем лечить" применимо и к нарушениям психики.

На веру во всемогущество условных реакций лежит немалая доля вины за некоторые причудливые ошибки правосудия. Ф. Хеккер в своих лекциях, прочитанных в клинике Менинджера в Топеке (Канзас), рассказал о случае, когда один молодой убийца, принятый на психотерапевтическое лечение, был через некоторое время выпущен как "излечившийся" и очень скоро совершил новое убийство. Это повторилось не более и не менее как четырежды, и лишь после того как преступник убил четвертого человека, гуманное, демократическое и бихевиористское общество осознало, что он социально опасен.

Эти четыре мертвеца - еще небольшой вред по сравнению с тем, какой причиняет само отношение нынешнего общественного мнения к преступлению. Превратившееся в религию убеждение, что все люди рождаются равными и что все нравственные пороки преступника надо относить за счет его воспитателей, которые перед ним грешны, приводит к уничтожению всякого естественного правового чувства, и прежде всего у самого отщепенца; преисполненный жалости к себе, он считает себя жертвой общества. В одной австрийской газете можно было недавно увидеть крупный заголовок: "Семнадцатилетний из страха перед родителями стал убийцей". Этот парень изнасиловал свою десятилетнюю сестру и, так как она угрожала рассказать об этом родителям, задушил ее. В этом сложном стечении обстоятельств родители по крайней мере отчасти могли быть повинны, но уж, конечно, не в том, что нагнали на юнца слишком большой страх.

Чтобы понять эти явно патологические крайности общественного мнения, нужно прежде всего отдать себе отчет в том, что оно является функцией одной из тех саморегулирующихся систем, которым, как мы говорили вначале, свойственны *колебания*. Общественное мнение *инертно*, оно реагирует на новые влияния лишь после длительной "задержки"; сверх того, оно

³⁵ Лептосомы - так называются люди с врожденной недоразвитостью мышечной системы (от греч. leptoz - тонкий, худой, слабый и soma - тело).

³⁶ Шизотимная последовательность - напоминающая шизофреническое упрямство. Вернуться

³⁷ Тем самым (лат.). - Примеч. пер.

³⁸ О госпитализации см. ниже.

любит грубые упрощения, большей частью преувеличивающие подлинное положение вещей. Поэтому оппозиция, критикующая общественное мнение, по отношению к нему чуть ли не всегда права. Но в схватке мнений она переходит на крайние позиции, каких никогда не заняла бы, если бы не стремилась компенсировать противоположное мнение. И если господствовавшее до этого мнение рушится - а это обычно происходит внезапно, - то маятник колеблется в сторону столь же крайнего, преувеличенного взгляда прежней оппозиции.

Нынешняя гротескная форма либеральной демократии находится в кульминационной точке колебания. На противоположном конце, где маятник находился не так уж давно, были Эйхман и Освенцим, эвтаназия³⁹, расовая ненависть, уничтожение народов и суд Линча. Мы должны понять, что по обе стороны точки, где остановился бы маятник, если бы когда-нибудь пришел в равновесие, *стоят подлинные ценности*: "слева" - ценность свободного развития личности, "справа" - ценность общественного и культурного здоровья. Бесчеловечны лишь эксцессы в *любую* сторону. Колебание продолжается, и вот в Америке уже намечается опасность, что вполне оправданный сам по себе, но неумеренный мятеж молодежи и негров может вызвать столь же неумеренную реакцию ничему не научившихся праворадикальных элементов, дав им желанный повод навязывать обществу другую крайность. Хуже всего, однако, что эти идеологические колебания не только не затухают, но угрожают расшатать всю систему вплоть до катастрофы. Дело ученого - попытаться наладить действительно необходимое *торможение* этих дьявольских колебаний.

Один из многих парадоксов, в которых запуталось цивилизованное человечество, состоит в том, что требование человечности по отношению к личности опять вступило здесь в противоречие с интересами человечества. Наше сострадание к асоциальным отщепенцам, неполноценность которых может быть вызвана либо необратимым повреждением в раннем возрасте (госпитализация!), либо наследственным недостатком, мешает нам защитить тех, кто этим пороком не поражен. Нельзя даже применять к людям слова "неполноценный" и "полноценный", не навлекая на себя сразу же подозрение, что ты сторонник газовых камер.

³⁹ Эвтаназия - умерщвление психически больных в Германии по приказу Гитлера.

То "таинственное правовое чувство", о котором говорит П. Г. Занд, без сомнения, представляет собой систему генетически закрепленных реакций, побуждающих нас выступать против асоциального поведения наших собратьев по виду. Эти реакции образуют неизменный в течение исторических времен основной мотив, на который накладывались вариации независимо возникавших в отдельных культурах правовых и моральных систем. Несомненно, далее, что вероятность грубо ошибочных действий этого неосознанного правового чувства столь же велика, как и при любой другой инстинктивной реакции. Если человек чужой культуры совершит оплошность (как это сделали, например, участники первой немецкой экспедиции на Новую Гвинею, срубив священную пальму), его предадут смерти с таким же праведным самодовольством, как если бы это был член собственного общества, хотя бы нечаянно нарушивший табу своей культуры. "Mobbing"⁴⁰, столь легко ведущий к суду Линча, - поистине один из самых бесчеловечных способов поведения, до которых можно довести современного нормального человека. Он вызывает все жестокости по отношению к "варварам" вне собственного общества и к меньшинствам внутри него, усиливает склонность к образованию псевдовидов в смысле Эриксона и лежит в основе целого ряда других, хорошо известных социальной психологии явлений проецирования - например, типичного поиска "козла отпущения" за собственные неудачи и еще многих других чрезвычайно опасных и аморальных импульсов, интуитивно неразличимых для неискушенного и входящих в то же глобальное правовое чувство.

И все же для механизма нашего социального поведения это правовое чувство столь же необходимо, как щитовидная железа для наших гормонов, и отчетливо наметившаяся в наши дни тенденция огульно осудить его и не дать ему действовать может привести лишь к таким же печальным последствиям, как попытка лечить базедову болезнь полным удалением щитовидной железы. Опасные последствия нынешней тенденции к абсолютной терпимости, выключающей естественное правовое чувство, усиливаются еще и действием псевдodemократической доктрины, считающей все поведение человека результатом обучения. В нашем поведении, служащем сохранению общества или вредящем ему, многое зави-

⁴⁰ Mobbing - "нападение толпы" - реакция нападения общественных животных на хищника, схватившего одного из них. Здесь имеется в виду реакция против субъекта, которого воспринимают как хищника.

сит от благословения или проклятия, которое запечатлела в нас в раннем детстве более или менее пронизательная, ответственная и, прежде всего, эмоционально здоровая родительская чета. Столь же многое, если не большее, обусловлено генетически. Как мы знаем, великий регулирующий механизм ответственного, категорического суждения лишь в весьма тесных пределах способен компенсировать недостатки социального поведения, как происходящие от воспитания, так и генетические. Кто умеет мыслить биологически и знает силу инстинктивных побуждений, а также относительное бессилие всякой ответственной морали и всевозможных благих намерений и кто еще в некоторой мере понимает, с позиций психиатрии и глубинной психологии, как возникают нарушения социального поведения, тот не может осуждать "нарушителя" с тем же праведным гневом, как это делает каждый эмоционально здоровый наивный человек. Он видит в отщепенце не дьявольски злого, а больного человека, гораздо больше заслуживающего сострадания, и с чисто теоретической точки зрения это вполне правильно. Но если к такой оправданной установке присоединяется еще заблуждение псевдомонархической доктрины, будто все человеческое поведение структурируется кондиционированием и поэтому его можно так же неограниченно изменять и исправлять, то отсюда происходит тяжкое преступление против сообщества людей.

Чтобы представить себе, какими опасностями угрожает человечеству выпадение унаследованного инстинкта, нужно понять, что в условиях современной цивилизованной жизни нет ни одного фактора, осуществляющего отбор в направлении простой доброты и порядочности, за исключением нашего врожденного чувства к этим ценностям. В экономическом соревновании западной культуры за них полагается безусловно отрицательная селекционная премия! Счастье еще, что экономический успех и показатель размножения не обязательно связаны положительной корреляцией.

Есть старая еврейская шутка, хорошо иллюстрирующая необходимость морали. Миллиардер приходит к шадхену (брачному посреднику) и дает ему понять, что хотел бы жениться. Шадхен, ревностно взявшись за дело, тут же принимается восхвалять некую необычайно красивую девушку, трижды подряд завоевавшую звание "Мисс Америка", но богач отклоняет предложение: "Я сам достаточно красив!" Шадхен, со свойственной его профессии гибкостью, сразу же начинает превозносить другую невесту, с приданным в несколько миллиардов долларов. "Богатства мне не

надо, - отвечает Крез, - я сам достаточно богат". Шадхен сразу же переходит на третий регистр и рассказывает о невесте, уже в 21 год ставшей доцентом математики, а сейчас, в 24 года, занимающей должность ординарного профессора теории информации МТИ⁴¹. "Умной мне не надо, - говорит презрительно миллиардер, - я сам достаточно умен!" Тогда шадхен в отчаянии восклицает: "Какой же, ради Бога, она *должна* быть?" - "Она должна быть *порядочной*", - гласит ответ.

Мы знаем на примере наших домашних животных и даже диких животных, разводимых в неволе, как быстро при отпадении специфического отбора может наступить разложение форм социального поведения. У многих рыб, воспитывающих потомство, при искусственном разведении в коммерческих целях в течение нескольких поколений настолько нарушаются генетические системы ухода за потомством, что из нескольких десятков пар с трудом удается найти одну, еще способную правильно заботиться о нем. Примечательно, что при этом, как и при разложении норм социального поведения, выработанных культурой, самые дифференцированные и исторически молодые механизмы, по-видимому, наиболее уязвимы. Старые, общераспространенные побуждения, например к питанию и спариванию, очень часто доходят при этом до гипертрофии. (Следует, впрочем, учитывать, что человек, разводящий животных, по всей вероятности, селективно поощряет неразборчивую, жадную еду и такое же спаривание, стремясь в то же время подавить мешающие ему стимулы к агрессии и бегству.)

В целом домашнее животное выглядит злой карикатурой на своего хозяина. Как я указал в одной из предыдущих работ (1954), наше эстетическое восприятие отчетливо связано с телесными изменениями, регулярно выступающими в ходе одомашнивания. Типичные признаки одомашнивания, такие, как исчезновение мышц и замена их жиром, с возникающим отсюда отвислым животом, укорочение основания черепа и конечностей, обычно рассматриваются и в животных, и в человеке как уродство, в то время как противоположные признаки считаются "благородными". Совершенно аналогична наша эмоциональная оценка особенностей поведения, которые одомашнивание уничтожает или по меньшей мере ставит под угрозу: материнская любовь, самоотверженная и храбрая защита семьи и общества - инстинктивно запрограммированные

⁴¹ Массачусетский технологический институт. - Примеч. пер.

нормы поведения, точно так же, как еда и спаривание, но мы определенно воспринимаем их как нечто лучшее и более благородное.

В упомянутых работах я проследил во всех подробностях тесные связи между угрозой исчезновения определенных признаков при одомашнивании и оценкой их нашим этическим и эстетическим чувством. Корреляция здесь слишком отчетлива, чтобы быть случайной, и объяснить ее можно лишь допущением, что в основе наших ценностных суждений лежат встроенные механизмы, предохраняющие человечество от угрожающих ему вполне определенных явлений вырождения. Это наводит на предположение, что в основе нашего правового чувства также лежит филогенетически запрограммированный механизм, функция которого - противодействовать инфильтрации общества асоциальными представителями нашего вида.

Один синдром наследственных изменений, несомненно, проявляется аналогичным образом и по сходным причинам у человека и у его домашних животных: это примечательная комбинация ранней половой зрелости и удлинения юношеской стадии развития. Как давно уже указал Больк, человек целым рядом своих физических признаков больше напоминает юношеские формы, чем взрослых животных ближайших ему логических видов. Длительную задержку в юношеском состоянии обычно называют в биологии неотенией. Отмечая это явление у человека, Больк (1926) особенно подчеркивает замедление человеческого онтогенеза⁴², так называемую ретардацию. Тем же закономерностям, что и онтогенез тела, подчиняется и онтогенез человеческого поведения. Я сделал попытку показать (1943), что сохраняющаяся у человека до старости исследовательская любознательность, проявляющаяся в виде игры, его "открытость по отношению к миру, как называет ее Арнольд Гелен (1940), представляет собой удержавшийся юношеский признак.

Детскость - один из самых важных, необходимых и в благороднейшем смысле человеческих признаков человека. "Человек лишь тогда человек вполне, когда он играет", - говорит Фридрих Шиллер. "В подлинном мужчине запрятан ребенок, который хочет играть", - говорит Ницше. "Почему же запрятан?" - спрашивает моя жена. Отто Ган сказал мне после первых нескольких минут знакомства: "Скажите, ведь у вас, в сущ-

ности, детская натура? Надеюсь, вы меня правильно поймете!"

Детские качества принадлежат, без сомнения, к предпосылкам возникновения человека. Вопрос лишь в том, не разовьется ли это характерное для человека генетическое "впадение в детство" до опасных пределов. Как я уже говорил, явления нетерпимости к неудовольствию и притупления чувств могут вести к инфантильному поведению. Имеется серьезное подозрение, что к этим генетически обусловленным процессам могут присоединиться процессы, порожденные культурой. Нетерпеливое требование немедленного удовлетворения желаний, полное отсутствие ответственности и внимания к чувствам других - все это типичные свойства маленьких детей, им вполне простительные. Терпеливая работа для далекой цели, ответственность за свои поступки и внимательное отношение даже к далеким людям - таковы нормы поведения, характерные для зрелого человека.

О незрелости говорят исследователи рака, считающие ее одним из основных свойств злокачественной опухоли. Когда клетка отвергает все свойства, делающие ее полноправным членом некоторой ткани - кожи, эпителия кишечника или молочной железы, то с нею неизбежно происходит "регрессия" до состояния, соответствующего более ранней фазе развития вида или индивида, т. е. она начинает вести себя как одноклеточный организм или эмбриональная клетка, а именно делиться без учета интересов организма в целом. Чем дальше заходит такая регрессия, чем больше вновь образовавшаяся ткань отличается от нормальной, тем злокачественнее опухоль. Папиллома, еще обладающая многими свойствами нормальной кожи и всего лишь выступающая из нее в виде бородавки, - доброкачественная опухоль, саркома же, состоящая из совершенно однородных, никак не дифференцированных клеток мезодермы, - злокачественная. Гибельный рост злокачественных опухолей, как уже было сказано, происходит оттого, что определенные защитные средства, с помощью которых организм обороняется от возникновения "асоциальных" клеток, перестают действовать или подавляются этими клетками. При этом смертоносный инфилтрирующий рост опухоли возможен лишь в случае, когда клетки окружающей ткани обращаются с ними как со "своими" и кормят их.

Рассмотренная в предыдущем абзаце аналогия может быть продолжена дальше. Человек, у которого не созрели нормы социального поведения, застревает в инфантильном состоянии и неизбежно становится в обществе паразитом. Он

⁴² Онтогенез (от греч. on, род. п. ontoz - сущее и genesiz - происхождение) - индивидуальное развитие организма.

ожидает как чего-то само собою разумеющегося, что взрослые будут и дальше о нем заботиться, как будто он ребенок. В "Suddeutsche Zeitung" сообщалось недавно об одном юноше, убившем свою бабушку, чтобы отобрать у нее несколько марок на кино. Вся его ответственность сводилась к упорному повторению одной фразы: он ведь говорил бабушке, что ему нужны деньги на кино. Конечно, этот человек был слабоумным.

Огромное множество молодых людей относится теперь враждебно к нынешнему общественному порядку и тем самым к своим родителям. Но, несмотря на такую установку, они считают само собой разумеющимся, что это общество и эти родители их содержат, и в этом сказывается их бездумная инфантильность.

Если, как я опасуюсь, рост инфантильности и юношеской преступности у цивилизованных людей действительно происходит от генетического разложения, то перед нами серьезнейшая опасность. Наша высокая эмоциональная оценка хорошего и порядочного остается, с подавляющей вероятностью, единственным фактором отбора, сколько-нибудь действенно препятствующим ныне разложению социального поведения. Даже прожженный делец из нашего многозначительного анекдота хотел жениться на порядочной девушке! Все, о чем шла речь в предшествующих главах - перенаселение, коммерческая конкуренция, разрушение естественной среды и отчуждение от ее внушающей благоговение гармонии, вызываемая изнеженностью неспособность к сильным чувствам, - все это действует совместно, чтобы лишить современного человека всякого суждения о том, что хорошо и что плохо. И ко всему этому прибавляется еще отпущение грехов асоциальным элементам, навязываемое нам пониманием генетических и психологических причин их поведения.

Мы должны научиться соединять проникающую гуманность по отношению к индивиду с учетом того, что нужно человеческому сообществу.

Отдельный человек, у которого выпали некоторые способы социального поведения и вместе с тем нарушена способность к сопровождающим их чувствам, вполне заслуживает нашего сострадания; это и в самом деле несчастный больной. Но само по себе выпадение - *просто зло*. Это не только отрицание и регресс творческого процесса, превратившего животное в человека, но нечто гораздо худшее, поистине жуткое. Неким загадочным путем нарушение морального поведения очень часто приводит не просто к отсутствию всего, что мы воспринимаем как хорошее и поря-

дочное, но к активной враждебности против добра и порядочности. Именно это явление породило во многих религиях веру во врага и состязателя Господня. И если в наши дни посмотреть открытыми глазами на все происходящее в мире, то нечего возразить верующему, убежденному, что Антихрист уже пришел.

Без сомнения, разложение генетически закрепленных форм поведения угрожает нам Апокалипсисом, и при этом в особенно страшной форме. Но все же одолеть эту опасность, пожалуй, легче, чем другие, как, например, перенаселение или дьявольский круг коммерческого соревнования, которым можно противопоставить лишь самые радикальные меры, самое меньшее - переоценку путем воспитания всех почитаемых ныне мнимых ценностей. Чтобы остановить генетическое вырождение человечества, достаточно держаться старой мудрости, классически выраженной в рассказанной выше еврейской шутке. Достаточно при выборе супруги или супруга не забывать простого и очевидного требования: она должна быть *порядочной* - и не в меньшей степени он.

Прежде чем перейти к следующей главе, где говорится об опасностях разрыва с традицией, возникающих из слишком радикального бунта молодежи, я хотел бы предупредить возможное недоразумение. Все, что было сказано выше об опасных последствиях роста инфантильности в особенности об исчезновении чувства ответственности и восприимчивости к ценностям, относится к быстро нарастающей юношеской преступности, но никоим образом не к распространяемому на весь мир бунту современной молодежи. Сколь бы энергично ни выступал я в дальнейшем против опасных заблуждений, в которые она впадает, столь же недвусмысленно я хотел бы здесь заявить, что она никоим образом не страдает недостатком социальной и моральной восприимчивости, и тем более - слепотой к ценностям. Совсем напротив: у этих молодых людей необычайно верное ощущение, что не только неладно что-то в датском государстве, но и в гораздо больших государствах очень многое неладно.

Глава 7

РАЗРЫВ С ТРАДИЦИЕЙ

В развитии каждой человеческой культуры обнаруживаются замечательные аналогии с историей развития вида. *Кумулирующая традиция*, лежащая в основе развития всей культуры, строится на функциях, новых по своему существу, не свойственных ни одному виду животных, и прежде всего на отвлеченном мышлении и словес-

ном языке, доставивших человеку способность образовывать свободные символы и тем самым небывалую до того возможность распространять и передавать индивидуально приобретенное знание. Возникшее отсюда "наследование приобретенных свойств"⁴³, в свою очередь, привело к тому, что историческое развитие культуры происходит на много порядков⁴⁴ быстрее, чем филогенез любого существующего вида.

Процессы, с помощью которых культура приобретает новое знание, способствующее сохранению системы, а также процессы, позволяющие хранить это знание, отличны от тех, какие встречаются при изменении видов. Но метод выбора из многообразного данного материала того, что подлежит сохранению, в обоих случаях явно один и тот же: это отбор после основательного испытания. Конечно, отбор, определяющий структуры и функции некоторой культуры, менее строг, чем отбор при изменении вида, поскольку человек уклоняется от факторов отбора, устраняя их один за другим путем все большего овладения окружающей природой. Поэтому нередко в культурах встречается нечто, едва ли возможное у видов животных: так называемые явления роскоши, т. е. структуры, характер которых не может быть выведен ни из какой-либо функции, полезной для сохранения системы, ни из более ранних форм системы. Человек может позволить себе таскать с собой больше ненужного балласта, чем дикое животное.

Замечательно, однако, что *один лишь* отбор решает, что должно - войти в сокровищницу знаний культуры в качестве ее традиционных, "священных" обычаев и нравов. Похоже, что изобретения и открытия, происшедшие от догадки или рационального исследования, также приобретают со временем ритуальный и даже религиозный характер, если они достаточно долго передаются из поколения в поколение. Мне придется еще вернуться к этому в следующей главе. Если унаследованные нормы социальных отношений неко-

торой культуры изучаются в том виде как они наблюдаются в данный момент, без привлечения сравнительно-исторического подхода, то невозможно отличить нормы, развившиеся из случайно возникших "суеверий", от тех, которые обязаны своим появлением подлинной проницательности или изобретению. Несколько утрированно можно сказать, что *все* сохраняемое культурной традицией в течение достаточно продолжительного времени принимает в конце концов характер "суеверия" или "доктрины".

На первый взгляд это может показаться "конструкционной ошибкой" механизма, доставляющего и накапливающего знания в человеческих культурах. При более внимательном рассмотрении, однако, обнаруживается, что величайшая консервативность в сохранении однажды испытанного принадлежит к числу жизненно необходимых свойств аппарата традиции, осуществляющего в развитии культуры ту же функцию, какую геном⁴⁵ выполняет в изменении видов. Сохранение не просто так же важно, но гораздо важнее нового приобретения, и нельзя упускать из виду, что без специально направленных на это исследований мы вообще не в состоянии понять, какие из обычаев и нравов, переданных нам нашей культурной традицией, представляют собой ненужные, устаревшие предрассудки и какие - неотъемлемое достояние культуры. Даже в случае норм поведения, дурное воздействие которых кажется очевидным - например, охоты за черепаками у многих племен Борнео и Новой Гвинеи, - вовсе не ясно, какие реакции может вызвать их радикальное устранение в системе норм социального поведения, поддерживающей цельность такой культурной группы. Ведь подобная система норм служит, в некотором смысле, остоном любой культуры, и, не поняв всего многообразия ее взаимодействий, в высшей степени опасно произвольно удалить из нее хотя бы один элемент.

Заблуждение, будто лишь рационально постижимое или даже лишь научно доказуемое составляет прочное достояние человеческого знания, приносит губительные плоды. Оно побуждает "научно просвещенную" молодежь выбрасывать за борт бесценные сокровища мудрости и знания, заключенные в традициях любой старой культуры и в учениях великих мировых религий. Кто полагает, что всему этому грош цена, закономерно впадает и в другую столь же губительную ошибку, считая, что наука конечно же может

⁴³ Наследование приобретенных свойств - ироническая ссылка на теорию Ламарка, приписывающую животным способность передавать по наследству свойства, приобретенные в процессе онтогенеза. Здесь идет речь о передаче таких свойств путем культурной традиции, а не генетическим путем (что, как установлено, невозможно).

⁴⁴ ...на много порядков быстрее - говорят, что одно число на n порядков больше другого, если разность между числом цифр десятичной записи первого числа (точнее, его целой части) и числом цифр десятичной записи второго равна n . Например, шестизначное число на два порядка больше четырехзначного.

⁴⁵ Геномом организма называется полный набор его генов.

создать всю культуру со всеми ее атрибутами чисто рациональным путем из ничего. Это почти так же глупо, как мнение, будто мы уже достаточно знаем, чтобы как угодно "улучшить" человека, переделав человеческий геном. Ведь культура содержит столько же "выросшего", приобретенного отбором знания, сколько животный вид, а до сих пор, как известно, не удалось еще "сделать" ни одного вида!

Эта чудовищная недооценка нерациональных знаний, заключенных в сокровищах культуры, и столь же чудовищная переоценка знаний, которые человек сумел составить с помощью своего *ratio*⁴⁶ в качестве *homo faber*⁴⁷, не являются, впрочем, ни единственными, ни тем более решающими факторами, угрожающими гибелью нашей культуре. У надменного просвещения нет причин выступать против унаследованной традиции с такой резкой враждебностью. В крайнем случае, оно должно было бы относиться к ней, как биолог к старой крестьянке, настойчиво уверяющей его, что блохи возникают из опилок, смоченных мочой. Однако установка значительной части нынешнего молодого поколения по отношению к поколению их родителей не имеет в себе ничего от подобной мягкости, а преисполнена высокомерного презрения. Революцией современной молодежи движет *ненависть*, и притом ненависть особого рода, ближе всего стоящая к *национальной ненависти*, опаснейшему и упорнейшему, из всех ненавистнических чувств. Иными словами, бунтующая молодежь реагирует на старшее поколение так же, как некоторая культурная или "этническая" группа реагирует на чужую группу, враждебную ей.

Эрик Эриксон первый указал на то, что далеко заходит аналогия между дивергирующим развитием⁴⁸ независимых этнических групп в истории культуры и изменением подвидов, видов и родов в ходе их эволюции. Он ввел термин "*pseudo-speciation*", "псевдовидообразование". Возникшие в истории культуры ритуалы и нормы социального поведения, с одной стороны, поддерживают цельность больших или меньших культурных сообществ, с другой - отгораживают их друг от друга. Определенный характер "манер", особый групповой диалект, способ одевать-

ся и т. п. может превратиться в символ сообщества, который любят и защищают точно так же, как и саму эту группу лично знакомых и любимых людей. Как я показал в другой работе (1967), эта высокая оценка всех символов собственной группы идет рука об руку со столь же низкой оценкой символов любого другого сравнимого культурного сообщества. Чем дольше две этнические группы развивались независимо друг от друга, тем значительнее различия между ними, и из этих различий, аналогично сравнению признаков у видов животных, можно реконструировать ход развития. И в том и в другом случае можно с уверенностью принять, что шире распространенные признаки, принадлежащие более крупным сообществам, старше других.

Каждая достаточно четко выделенная культурная группа стремится и в самом деле рассматривать себя как замкнутый в себе вид - настолько, что членов других сравнимых сообществ не считают полноценными людьми. В очень многих туземных языках собственное племя обозначается попросту словом "человек". Тем самым лишение жизни члена соседнего племени не рассматривается как настоящее убийство! Это следствие образования псевдовидов в высшей степени опасно, поскольку оно в значительной мере снимает торможение, мешающее убить своего собрата по виду, между тем как внутривидовая агрессивность, вызываемая собратьями по виду и никем другим, продолжает действовать. По отношению к "врагам" испытывают ненависть, какую могут вызвать лишь другие люди, но не вызывает и злейший хищный зверь, и в них можно спокойно стрелять, потому что они ведь не настоящие люди. Само собой разумеется, что испытанная техника всех поджигателей войны поддерживает такое мнение.

Тот факт, что нынешнее младшее поколение, несомненно, начинает рассматривать старшее как чужой псевдовид, вызывает глубокое беспокойство. Это выражается в ряде симптомов. Конкурирующие и враждебные этнические группы имеют обыкновение вырабатывать себе или создавать *ad hoc*⁴⁹ подчеркнуто различные костюмы. В Центральной Европе местные крестьянские костюмы давно исчезли, и только в Венгрии они полностью сохранились повсюду, где близко друг к другу расположены венгерские и словацкие деревни. Тамошние жители носят свой костюм не только с гордостью, но и с несомненным намерением досадить членам другой этнической

⁴⁶ Разум, рассудок (лат.). - Примеч. пер.

⁴⁷ Человек деятельный (буквально: человек-мастер, человек-ремесленник (лат.). - Примеч. пер.

⁴⁸ Дивергирующее развитие (от позднелат. *divergentio* - расхождение) - имеется в виду аналогия с "дивергенцией признаков" в Дарвиновой схеме эволюции, объясняющей возникновение новых видов.

⁴⁹ Для данного случая, для данной цели (лат.). - Примеч. пер.

группы. Точно так же ведут себя многие самолично возникшие группы бунтующей молодежи, причем поразительно, насколько сильно у них - вопреки кажущемуся отвращению ко всякому милитаризму - стремление *носить мундир*. "Специалисты" различают разные группировки "битников", "теддибойз", "рокс", "модз", "рокеров", "хиппи", "бродяг" и т. д. по их нарядам с такой же уверенностью, как узнавали некогда полки императорской королевской⁵⁰ австрийской армии.

Бунтующая молодежь стремится также как можно дальше отойти от поколения родителей в своих обычаях и нравах; традиционное поведение старших не просто игнорируют, но замечают в малейших деталях и во всем поступают наоборот. В этом состоит, например, одно из объяснений проявления половых излишеств в группах, в которых половая потенция, по-видимому, вообще снизилась. Только тем же усиленным стремлением нарушить родительские запреты можно объяснить случаи, когда бунтующие студенты у всех на глазах мочились и испражнялись - как было в Венском университете.

Мотивировка всех этих странных, даже причудливых способов поведения остается у этих молодых людей полностью бессознательной, и они приводят самые разнообразные, часто весьма убедительно звучащие псевдорационализации своего образа действий: они протестуют против общей бесчувственности своих богатых родителей к бедным и голодным, против войны во Вьетнаме, против произвола университетских властей, против всех *"establishments"*⁵¹ всех направлений - но почему-то удивительно редко против насилия Советского Союза над Чехословакией. В действительности же атака направляется против всех старших без разбора, совершенно безразлично к их политическим взглядам. Студенты леворадикального направления поносят самых леворадикальных профессоров ничуть не меньше, чем правых; коммунистические студенты под предводительством Кон-Бендита подвергли грубейшей травле Г. Маркузе, осыпав его поистине безмозглыми обвинениями, например, что он платный агент ЦРУ. Мотив нападения состоял вовсе не в различии политических взглядов, а

исключительно в том, что он принадлежит к другому поколению.

Точно так же, бессознательно и эмоционально, старшее поколение *понимает* эти мнимые протесты как то, чем они являются на самом деле, - как исполненные ненависти воинственные выкрики и брань. Так возникает быстрая и опасная эскалация ненависти, которая по существу своему - как уже было сказано - родственна национальной ненависти, т. е. ненависти между различными этническими группами. Даже мне, искушенному этологу, трудно воздержаться от гневной реакции на красивую синюю блузу хорошо обеспеченного коммуниста Кон-Бендита, и достаточно присмотреться к выражению лиц этих людей, чтобы понять, что именно такой реакции они и желают. При таких условиях возможность взаимопонимания становится минимальной.

Как в моей книге об агрессии (1963), так и в публичных лекциях (1968, 1969) я занимался уже вопросом, в чем можно усмотреть вероятные этологические причины войны поколений; поэтому я ограничусь здесь самым необходимым. В основе всего этого круга явлений лежит функциональное нарушение процесса развития, происходящего у человека в период созревания. Во время этой фазы молодой человек начинает освобождаться от традиций родительского дома, критически проверять их и осматриваться в поисках новых идеалов, новой группы, к которой он мог бы примкнуть, почитая ее делом своим. Более того, при выборе объекта решающее значение имеет, особенно у молодых мужчин, инстинктивное стремление *бороться* за хорошее дело. В этой фазе наследие прошлого кажется скучным, а все новое - привлекательным, так что можно говорить о физиологической неофилии.

Без всякого сомнения, этот процесс имеет важное значение для сохранения вида, отчего он и вошел в филогенетически возникшую программу поведения человека. Функция его состоит в том, чтобы сделать передачу норм культурного поведения менее жесткой, способной к некоторому приспособлению; происходящее при этом можно сравнить с линькой рака, вынужденного сбрасывать свой жесткий внешний скелет, чтобы иметь возможность расти. Как во всех прочных структурах, при передаче культурного наследия необходимая опорная функция должна быть куплена ценой потери некоторых степеней свободы и, как всегда в таких случаях, разборка, нужная для любой перестройки, несет с собой известные опасности, поскольку во время между разборкой и сборкой неизбежны неустойчивость и безза-

⁵⁰ ...полки императорской королевской австрийской армии. - Австрийский император был одновременно венгерским королем, отсюда двойное название различных учреждений Австро-Венгрии.

⁵¹ Установившаяся система власти, не обязательно формальная (англ.). Примеч. пер.

щитность. Это одинаково относится и к линияющему раку, и к созревающему человеку.

В нормальных условиях период физиологической неофилии сменяется возрождением любви к традиционному наследию. Это происходит постепенно; как может засвидетельствовать большинство из нас, стариков, в шестьдесят лет человек гораздо выше ценит многие взгляды своего отца, чем в восемнадцать. А. Мичерлих удачно называет это явление "поздним послушанием". Система, состоящая из физиологической неофилии и позднего послушания, содействует сохранению культуры в целом, устраняя явно устаревшие, затрудняющие развитие элементы унаследованной культуры и продолжая при этом поддерживать ее существенную и необходимую структуру. Поскольку функция этой системы неизбежно зависит от взаимодействия целого ряда внешних и внутренних факторов, понятно, что она легкоуязвима.

Задержки развития, которые могут быть обусловлены не только факторами внешнего мира, но заведомо и генетическими причинами, имеют весьма различные последствия в зависимости от момента, когда они возникли. Индивид, застрявший на одной из ранних инфантильных стадий, может никогда не выйти из традиции старшего поколения, сохраняя с родителями нерушимую связь. Такие люди плохо ладят со своими ровесниками и часто превращаются в чудаков. Физиологически ненормальная задержка на стадии неофилии ведет к характерному злопамятному раздражению против родителей, иногда давно умерших, и тоже к обособлению определенного типа. Психопсихикам оба эти явления хорошо известны.

Однако расстройства, ведущие к ненависти и войне между поколениями, имеют другие причины, и притом двоякого рода. Во-первых, требуемые приспособительные изменения культурного наследия становятся от поколения к поколению все больше. Во времена Авраама изменения в нормах поведения, унаследованных от отца, были столь незначительны, что - как это убедительно изобразил Томас Манн в своем чудесном психологическом романе "Иосиф и его братья" - многие из тогдашних людей вообще не были в состоянии отделить собственную личность от личности отца, и, следовательно, отождествление происходило самым совершенным способом, какой можно себе представить. В наше время, при темпе развития, навязанном нынешней культуре ее техникой, критически настроенная молодежь справедливо считает устаревшей весьма значительную часть традиционного достояния, все еще

хранимого старшим поколением. И тогда описанное выше заблуждение, будто человек способен произвольным и рациональным образом построить на голом месте новую культуру, приводит к совсем уже безумному выводу, что родительскую культуру лучше всего полностью уничтожить, чтобы приняться за "творческое" строительство новой. Это и в самом деле можно было бы сделать, но только заново начав с докроманьонских людей!

Впрочем, убеждение в том, что следует "выплеснуть вместе с водой родителей", широко распространенное в наши дни среди молодежи, имеет еще и другие причины. Изменения, которым подвергается структура семьи в ходе прогрессирующей технизации человечества, действуют вместе и по отдельности в направлении ослабления связи между Родителями и детьми. И начинается это уже с грудных младенцев. Поскольку мать в наши дни никогда не может посвящать ребенку все свое время, почти везде возникают, в большей или меньшей степени, явления, описанные Рене Спитсом под именем госпитализации. Наихудший ее симптом - тяжелое или даже необратимое ослабление способности общения с людьми. Этот эффект опасным образом сочетается с уже рассмотренным нарушением способности к человеческой симпатии.

Несколько позже, особенно у мальчиков, становится заметным расстройство из-за выпадения отцовского образца. За исключением крестьянской и ремесленной среды, мальчик в наши дни почти не видит отца за работой, и еще реже приходится ему помогать в этой работе, ощущая при этом впечатляющее превосходство взрослого мужчины. Далее, в современной малой семье отсутствует ранговая структура, при которой в первоначальных условиях "старик" мог внушать уважение. Пятилетний мальчик, конечно, не в состоянии непосредственно оценить превосходство своего сорокалетнего отца, но ему импонирует сила десятилетнего брата, он понимает почтение, оказываемое этим братом старшему, пятнадцатилетнему, и эмоционально приходит к правильным выводам, видя, как уважает отца этот старший сын, уже достаточно умный, чтобы признавать его духовное превосходство.

Признание рангового превосходства не препятствует любви. Каждый может припомнить, что в детстве он любил людей, на которых смотрел снизу вверх и которым безусловно повиновался, не меньше, а больше, чем равных или низших по рангу. Я до сих пор уверен, что к моему рано умершему другу Эммануэлю Ларошу, который, будучи на четыре года старше меня,

осуществлял в качестве бесспорного главаря справедливую, но строгую власть в нашей дикой шайке ребят возрастом от десяти до шестнадцати лет, я не просто испытывал уважение и старался заслужить его признанием смелыми поступками, но, как я и сейчас столь же ясно помню, я его любил. Чувство это было, несомненно, того же свойства, как те, какие я испытывал впоследствии к некоторым весьма почитаемым старшим друзьям и учителям. Одно из величайших преступлений псевдodemократической доктрины состоит в том, что она изображает естественный ранговый порядок между двумя людьми как фрустрирующее препятствие для любых теплых чувств: без рангового порядка не может существовать даже самая естественная форма человеческой любви, соединяющая в нормальных условиях членов семьи; в результате воспитания по пресловутому принципу *"non-frustration"*⁵² тысячи детей были превращены в несчастных невротиков.

Как я уже объяснил в упомянутых работах, в группе без рангового порядка ребенок оказывается в крайне неестественном положении. Поскольку он не может подавить свое собственное, инстинктивно запрограммированное стремление к высокому рангу и, разумеется, тиранит не оказывающих сопротивления родителей, ему навязывается роль лидера группы, в которой ему очень плохо. Без поддержки сильного "начальника" он чувствует себя незащищенным перед внешним миром, всегда враждебным, потому что "не фрустрированных" детей нигде не любят. И когда он в понятном раздражении пытается бросить родителям вызов и "просит ремня"⁵³, как это прекрасно говорится на баварско-австрийском диалекте, он, вместо инстинктивно ожидаемой им обратной агрессии на которую подсознательно надеется, наталкивается на резиновую стену спокойных, псевдорассудительных фраз.

Но человек никогда не отождествляет себя с порабощенным и слабым; никто не позволит такому наставнику предписывать себе нормы поведения, и уж конечно никто не признает за культурные ценности то, что он почитает. Усвоить культурную традицию другого человека можно лишь тогда, когда любишь его до глубины души

и при этом ощущаешь его превосходство. И вот, устрашающее большинство молодых людей вырастает теперь без такого "образа отца". Физический отец слишком часто не годится, а нынешнее массовое производство в школах и университетах не дает уважаемому учителю его заменить.

К этим чисто этологическим основаниям, по которым отвергается родительская культура, у многих мыслящих молодых людей прибавляются и подлинно этические. В нашей современной западной культуре, с ее скученностью, с ее опустошением природы, с ее слепотой к ценностям и бегом наперегонки с самим собой в погоне за деньгами, с ее ужасающим обеднением чувств и отупением под действием индоктринирования, во всем этом и вправду так много не заслуживающего подражания, что слишком легко забыть о глубокой истине и мудрости, заключенной также и в нашей культуре. Со всевозможными *"establishments"* молодежь действительно имеет убедительные и разумные причины вести борьбу. Очень трудно, однако, уяснить себе, какую долю среди бунтующих молодых людей - в том числе и студентов - составляют те, кто в самом деле действует по этим мотивам. То, что действительно происходит при публичных столкновениях, очевидным образом вызывается совсем иными, подсознательно этологическими побуждениями, среди которых этническая ненависть стоит, безусловно, на первом месте. Вдумчивые молодые люди, действующие по разумным мотивам, меньше прибегают к насилию, поэтому внешняя картина бунта представляет, по преимуществу, симптомы невротической регрессии⁵⁴. К сожалению, разумные молодые люди из-за ложной лояльности явно оказываются не в состоянии отмежеваться от поведения толпы. Из дискуссий со студентами я вынес впечатление, что доля разумных не так мала, как можно было бы заключить по внешней картине бунта.

В этих размышлениях не следует, впрочем, забывать, что разумные соображения - гораздо более слабое побуждение, чем стихийная первичная сила стоящей за ними в действительности инстинктивной агрессии. Тем более нельзя забывать о последствиях такого полного отвержения родительской традиции для самой молодежи. Эти последствия могут быть губительными. В течение фазы "физиологической неофилии" созревающий молодой человек одержим неодолимым влечением примкнуть к некоторой этнической группе и

⁵² Без фрустраций (англ.). - Примеч. пер. Без фрустраций имеется в виду популярная в США начиная с 20-х гг. система воспитания, в соответствии с которой полагалось избегать любых ситуаций, способных вызвать у детей ощущение подавленности, вынужденного сдерживания эмоций (лат. *frustratio*).

⁵³ Буквально: выпрашивает оплеуху. - Примеч. пер.

⁵⁴ Регрессией называется поведение, соответствующее более ранней стадии развития индивида и возобновляющееся при эмоциональном потрясении.

прежде всего принять участие в ее коллективной агрессии. Влечение это столь же сильно, как и всякое Другое филогенетически запрограммированное побуждение, столь же сильно, как голод или половое влечение. И точно так же, как в случае Других инстинктов, вдумчивый подход и процессы обучения позволяют в лучшем случае фиксировать его на определенном объекте, но никогда нельзя полностью подчинить его разуму и тем более подавить. Когда это с виду удается, возникает опасность невроза.

Как уже было сказано, на этой стадии онтогенеза "нормальным", т. е. имеющим смысл для сохранения культуры как системы, следует считать процесс, состоящий в том, что молодые люди некоторой этнической группы объединяются в служении некоторым новым идеалам и предпринимают, соответственно этому, существенные реформы традиционных норм поведения, не выбрасывая при этом за борт все достояние родительской культуры в целом. Таким образом, молодой человек безусловно отождествляет себя с молодой группой старой культуры. Глубочайшая сущность человека, как культурного по своей природе существа, позволяет ему найти вполне удовлетворительное отождествление лишь в культуре и с культурой. И если рассмотренные выше препятствия отнимают у него такую возможность, то он удовлетворяет свое влечение к отождествлению и групповой принадлежности точно так же, как это происходит с неудовлетворенным половым влечением, т. е. с помощью *замещающего объекта*. Исследователи инстинктов давно уже знают, с какой неразборчивостью подавленные влечения находят себе выход, выбирая самые неподходящие объекты; но вряд ли можно привести более впечатляющий пример этого, чем те объекты, какие нередко находят жаждущая групповой принадлежности молодежь. Хуже всего - не принадлежать вообще ни к какой группе; лучше уж стать членом самой прискорбной из всех, группы наркоманов. Как показал специалист в этой области Аристид Эссер, именно влечение к групповой принадлежности, наряду со скукой, о которой была речь в пятой главе, служит главной причиной, толкающей к наркотикам все большее число молодых людей.

Где нет группы, к которой можно примкнуть, всегда имеется возможность устроить "по мере надобности" новую группу. Преступные и полупреступные шайки юнцов, вроде тех, которые так удачно изображены в пользующемся заслуженной известностью мюзикле *"West Side Story"*⁵⁵,

представляют в прямо-таки схематической простоте филогенетическую программу этнической группы, но, увы, без унаследованной культуры, свойственной естественно возникшим, не патологическим группам. Как показано в этом мюзикле, две шайки часто образуются одновременно, с единственной целью служить друг другу подходящими объектами коллективной агрессии. Типичным примером могут служить, если они еще существуют, английские "роке энд модз". Эти агрессивные двойные группы все же, пожалуй, более сносны, чем, скажем, гамбургские "рокеры", сделавшие своей жизненной задачей избиение беззащитных стариков.

Эмоциональное возбуждение тормозит разумное действие, гипоталамус⁵⁶ блокирует кору. Ни к какой самой извращенной эмоции это не относится в такой степени, как к коллективной, этнической ненависти, которую мы слишком хорошо знаем под именем национальной. Надо понять, что ненависть младшего поколения к старшим имеет тот же источник. Ненависть действует хуже, чем всеобщая слепота или глухота,

потому что она извращает и обращает в свою противоположность любое полученное сообщение. Что бы вы ни сказали бунтующей молодежи, чтобы помешать ей разрушить ее собственное важнейшее достояние, можно предвидеть, что вас обвинят в ухищрениях с целью поддержать ненавистный *"establishment"*. Ненависть не только ослепляет и оглушает, но и невероятно оглупляет. Тем, кто нас ненавидит, трудно будет оказать благодеяние, в котором они нуждаются. Трудно будет доказать им, что возникшее в ходе культурного развития так же незаменимо и так же достойно благоговения, как возникшее в истории вида, трудно будет внушить им, что культуру можно погасить, как пламя свечи.

Глава 8

ИНДОКТРИНИРУЕМОСТЬ

Мой учитель Оскар Гейнрот, естествоиспытатель до мозга костей и записной насмешник над гуманитарными науками, имел обыкновение говорить: "То, что думают, по большей части ошибочно, но что знают, то уж верно". Эта гносеологически невинная фраза превосходно выражает ход развития всякого человеческого знания, а быть может, и всякого знания вообще. Вначале "что-то думают", потом сравнивают это с опытом и с поступающими в дальнейшем чувственными данными, чтобы затем из совпадения или несов-

⁵⁵ "Вестсайдская история" (англ.). - Примеч. пер.

⁵⁶ Гипоталамус - область мозга, регулирующая деятельность желез внутренней секреции.

падения заключить, верно или неверно "то, что думали". Это сравнение между внутренней, каким-то образом возникающей в организме закономерностью и другой закономерностью, существующей во внешнем мире, является, вероятно, важнейшим из методов, с помощью которых живой организм приобретает познания. Карл Поппер и Дональд Кэмпбелл называют этот метод "*pattern matching*"⁵⁷; оба слова здесь не поддаются точному переводу на немецкий.

Этот процесс осуществляется, по существу, тем же способом, хотя и в простейшей форме, уже на самом низком уровне жизни; в физиологии восприятия он встречается на каждом шагу, а в сознательном мышлении человека принимает вид гипотезы и последующего ее подтверждения. То, что поначалу в виде предположения думают, при испытании на конкретных случаях очень часто оказывается ошибочным, но если предположение выдерживает такое испытание достаточно часто, оно становится знанием. В науке эти процессы называют построением гипотезы и проверкой.

К сожалению, эти два шага познания отделяются друг от друга не столь четко, а результат второго из них не столь ясен, как можно было бы подумать, судя по изречению моего учителя Гейнрота. При построении познания гипотеза играет роль строительных лесов, о которых строитель заранее знает, что по мере продвижения его замысла их придется разбирать. Она является *предварительным* допущением, и делать такое допущение вообще имеет смысл лишь тогда, когда существует практическая возможность опровергнуть его нарочито отысканными для этой цели фактами. Гипотеза, не поддающаяся никакому *опровержению*⁵⁸, тем самым не может быть проверена и потому непригодна для экспериментальной работы. Создатель гипотезы должен быть благодарен каждому, кто укажет ему новые пути, на которых его гипотеза может быть найдена недостаточной; в самом деле, единственно возможная проверка состоит в том, что гипотеза способна выдержать попытки ее опровергнуть. В поисках такого подтверждения и состоит, в сущности, *работа* любого естествоиспытателя; поэтому говорят также о рабочих гипотезах, и такая гипотеза тем полезнее для работы,

чем больше она предоставляет возможностей для проверки: вероятность ее правильности возрастает с числом приводимых фактов, которые с ней согласуются.

Иногда считают - заблуждение это распространено также и среди специалистов по теории познания, - будто гипотеза может быть окончательно опровергнута одним или несколькими фактами, которые с ней не удастся согласовать. Если бы это было так, то все существующие гипотезы были бы опровергнуты, потому что вряд ли найдется среди них хоть одна, согласная со *всеми* относящимися к ней фактами. Любое наше познание представляет собой лишь *приближение* - хотя и последовательно улучшаемое приближение - к внесубъективной действительности, которую мы стремимся познать. Гипотеза никогда не опровергается единственным противоречащим ей фактом; опровергается она лишь другой гипотезой, которой подчиняется *большее* число фактов. Итак, "истина" есть рабочая гипотеза, способная наилучшим образом проложить путь другим гипотезам, которые сумеют объяснить больше.

Однако наше мышление и наше чувство не могут подчиниться этому теоретически бесспорному положению вещей. Как бы мы ни старались не упускать из виду, что все наше знание, все, о чем говорит наше восприятие внесубъективной действительности, представляет собой лишь грубо упрощенную, приближенную картину существующего "в себе", мы все же не можем помешать себе считать некоторые вещи попросту верными и быть убежденными в абсолютной правильности этого знания.

Убеждение это, если рассмотреть его надлежащим образом с психологической, и прежде всего с феноменологической, точки зрения⁵⁹, следует отождествить с *верой*, в любом смысле этого слова. Если естествоиспытатель проверил некоторую гипотезу настолько, что она заслуживает наименования теории, и если эта теория настолько "удалась", что, как можно предвидеть, в дальнейшем придется лишь уточнять ее дополнительными гипотезами, но не придется изменять ее в основных чертах, то мы в такую теорию "твердо верим". Вера эта не причиняет, впрочем, какого-либо вреда, поскольку "замкнутые" теории такого рода сохраняют свою "истинность" в пределах области их применимости, даже если эта область оказывается не столь всеобъемлющей, как полагали во время построения теории.

⁵⁷ Приблизительный русский перевод: сравнение признаков, (англ.). - Примеч. пер.

⁵⁸ Опровержение - перевод термина К. Поппера Falsifikation (англ. falsification). Попперу принадлежит и гносеологический принцип, содержащийся в этой фразе.

⁵⁹ Феноменологическая точка зрения - здесь (в смысле философии Канта): основанная на самонаблюдении субъекта.

Так обстоит дело, например, со всей классической физикой: квантовая механика ограничила область ее применения, но в собственном смысле ее не опровергла.

Есть целый ряд теорий, проверенных, по-видимому, до границ возможной *достоверности*, в которые я "верю" в том же смысле, что и в принципы классической механики. Так, например, я твердо убежден в правильности так называемой коперниканской картины мира; я был бы по меньшей мере беспрдельно поражен, если бы оказалась правильной пресловутая теория пустотелого мира⁶⁰ или если бы планеты, как полагали во времена Птолемея, ползали все-таки по небесному потолку, описывая причудливые эпициклические петли.

Есть, однако, и такие вещи, в которые я верю столь же твердо, как в доказанные теории, хотя у меня нет ни малейшего доказательства правильности моего убеждения. Я верю, например, что Вселенная управляется единой системой не противоречащих друг другу законов природы, которые никогда не нарушаются. Убеждение это, имеющее лично для меня прямо-таки аксиоматический характер, исключает сверхъестественные события; иными словами, все явления, описанные парапсихологами и спиритами, я считаю самообманом. Мнение это совершенно ненаучно - ведь сверхъестественные процессы могли бы быть, во-первых, очень редкими, а во-вторых, незначительными по своим масштабам, и то обстоятельство, что я никогда не сталкивался с ними лицом к лицу, не дает мне, разумеется, никакого права высказываться об их существовании или несуществовании. Я признаю моей чисто религиозной верой, что есть лишь *одно* великое чудо и нет никаких чудес во множественном числе или, как это выразил поэт-философ Курд Ласвиц, что Богу незачем творить чудеса.

Как я уже сказал, эти убеждения - и научно обоснованные, и эмоциональные - феноменологически тождественны вере. Чтобы найти для своего стремления к познанию хотя бы по видимости прочное основание, человек необходимым образом должен принять некоторые положения в качестве твердо установленных истин, "подставив" их, как архимедовы точки опоры, под конструкцию своих умозаключений. При построении

гипотезы сознательно исходят из *фикции*, будто такая подстановка надежна, и "поступают так, как если бы"⁶¹ гипотеза была верна, чтобы посмотреть, что из этого получится. И чем дольше удастся строить на таких фиктивных архимедовых точках опоры внутренне непротиворечивое и неразваливающееся сооружение, тем вероятнее становится, по принципу взаимного прояснения, безумно смелое вначале допущение, что гипотетически выбранные архимедовы точки опоры соответствуют действительности.

Гипотетическое допущение, что некоторые вещи попросту *верны*, принадлежит, таким образом, к неизбежным способам действия человеческого стремления к познанию. Точно так же к мотивационным предпосылкам человеческого исследования принадлежит *надежда*, что допущение верно, что гипотеза правильна. Лишь некоторые, относительно немногочисленные естествоиспытатели предпочитают продвигаться *"per exclusionem"*⁶², экспериментально исключая одну возможность объяснения за другой, пока не останется единственная, содержащая в себе истину. Большинство же из нас - в этом нужно отдавать себе отчет - *любит* свои гипотезы, и, как я говорил уже однажды, полезно проделывать ежедневно, наподобие утренней гимнастики, болезненное, но сохраняющее молодость и здоровье упражнение - выбрасывать за борт какую-нибудь любимую гипотезу⁶³. Нашей "любви" к гипотезе способствует, естественно, и продолжительность времени, в течение которого мы ее защищали; привычки мышления столь же легко превращаются в "любимые" привычки, как и все другие. И особенно легко это происходит, когда мы не создаем такие привычки сами, а перенимаем их у великого и почитаемого учителя. Если этот учитель открыл новый принцип объяснения и у него было поэтому *много* учеников, то с такой привязанностью соединяется еще массовое воздействие мнения, разделяемого многими людьми.

Сами по себе эти явления вовсе не дурны и даже имеют свое оправдание. Хорошая рабочая гипотеза в самом деле выигрывает в вероятности, если в течение длительного, даже многолетнего исследования не обнаруживается ни один противоречащий ей факт. С течением времени возрастает действенность принципа взаимного прояснения. Оправданно также самое серьезное отношение к словам ответственного учителя, который особенно строго взвешивает все, что передает

⁶⁰ Теория пустотелого мира -- имеется в виду благосклонно принятая правителями нацистской Германии фантазия шарлатана Гарбигера, представлявшего себе земную поверхность в виде внутренней поверхности шаровой полости, окруженной твердым веществом, подобным хрусталу.

⁶¹ "Поступают так, как если бы" - выражение Канта.

⁶² Методом исключения (лат.). - Примеч. пер.

⁶³ См. главу 2 книги К. Лоренца "Так называемое зло"

своим ученикам, или же усиленно подчеркивает гипотетический характер сказанного. Такой человек основательно размышляет, прежде чем признать какую-либо из своих теорий "созревшей для учебника". Точно так же не заслуживает безусловного осуждения, если мы укрепляемся в своем мнении оттого, что его разделяют другие. Четыре глаза видят лучше, чем два, и особенно верно это в случае, когда другой исходит в своей индукции из данных иного рода, приходя при этом к результатам, согласующимся с нашими, - что означает однозначное подтверждение.

Но все эти воздействия, укрепляющие наши убеждения, могут, к сожалению, происходить и без только что упомянутых оправданий. Прежде всего, как было уже сказано, гипотеза может быть построена так, что все диктуемые ею опыты заранее должны лишь подтверждать ее. Например, гипотеза, что рефлекс является единственным заслуживающим изучения элементарным актом центральной нервной системы, вела исключительно к таким опытам, в которых регистрировался ответ системы на некоторое *изменение* состояния среды. Что нервная система способна не только пассивно реагировать на стимулы, при такой постановке опытов не могло не остаться скрытым. Требуется самокритика, а также богатая творческая фантазия, чтобы не впасть в ошибку, обесценивающую гипотезу в качестве рабочей гипотезы, сколь бы она ни была "плодотворной" в поставке "информации" - в том смысле, как это слово понимается в теории информации. Иначе гипотеза не приносит больше нового познания или приносит его лишь в виде исключения.

Точно так же доверие к слову учителя, сколь бы оно ни было ценно при основании новой "школы", т. е. нового направления исследований, влечет за собой опасность образования доктрины. Великий гений, открывший новый принцип объяснения, склонен, как известно, переоценивать широту области его применимости. Это делали Жак Лёб, Иван Петрович Павлов, Зигмунд Фрейд и многие другие из самых великих людей. Если еще вдобавок теория слишком пластична и мало стимулирует опровержение, то это вместе с почтением к учителю может привести к тому, что ученики превращаются в последователей⁶⁴, а школа - в религию и культ, как это произошло во многих местах с учением Зигмунда Фрейда.

⁶⁴Здесь труднопереводимое противопоставление слов Schuler (ученик в смысле школьного обучения) и Jiinger (ученик основателя религии, апостол).

Однако решающий шаг, ведущий к образованию доктрины в узком смысле слова, состоит в том, что к двум только что рассмотренным факторам, укрепляющим теорию до превращения ее в убеждение, прибавляется еще слишком большое *число* ее сторонников. В наши дни возможности распространения, доставляемые подобному учению так называемыми средствами массовой информации - газетами, радио и телевидением, - очень легко приводят к тому, что учение, представляющее собой не более чем непроверенную научную гипотезу, становится не только общенаучным, но и просто общественным мнением.

С этого момента, к несчастью, приходят в действие все механизмы, служащие для сохранения испытанных традиций, о которых подробно говорилось в 7-й главе. Доктрину защищают с тем же упрямством, с той же горячностью, какие были бы уместны, если бы надо было спасти от гибели испытанную мудрость, просветленное отбором знание старой культуры. Всякого несогласного с ходячим мнением клеймят как еретика, осыпают клеветой и, насколько возможно, дискредитируют. На него обрушивается в высшей степени специфическая реакция "mobbing", общественной ненависти и травли.

Подобная доктрина, ставшая всеохватывающей религией, доставляет своим приверженцам субъективное удовлетворение окончательным познанием, принимающим характер откровения. Все противоречащие ей факты отрицаются, игнорируются или, чаще всего, *вытесняются* в смысле Зигмунда Фрейда, т. е. загоняются ниже порога сознания. Вытесняющий эти факты человек оказывает ожесточенное, в высшей степени окрашенное аффектами сопротивление любой попытке вновь довести вытесненное до его сознания, и сопротивление это тем сильнее, чем большие изменения это вызвало бы в его представлениях, прежде всего в представлениях о самом себе. "Всякий раз, когда встречались между собой люди с противоположными доктринами, - говорит Филип Уайли, - с каждой стороны возникало сильнейшее отвращение, каждая сторона была убеждена, что другая погрязла в заблуждении, язычестве, неверии и варварстве, да и вообще состоит из вломившихся разбойников. После чего неизменно начиналась священная война".

Все это случалось много раз; говоря словами Гёте, "где дьявол праздник свой справляет, он ярость партий распаляет, и ужас потрясает мир"⁶⁵. Но поистине дьявольским индоктриниро-

⁶⁵ "...и ужас потрясает мир". - Дословный перевод: "В конце концов во всех праздниках дьявола ненависть

вание становится лишь тогда, когда огромные массы людей, целые континенты, а может быть, даже все человечество соединяется в одном и том же вредном заблуждении. Именно такая опасность угрожает нам сейчас. Когда в конце прошлого века Вильгельм Вундт предпринял первую серьезную попытку превратить психологию в естественную науку, то, как это ни странно, вновь возникшее направление исследований ориентировалось не на биологию. Хотя открытия Дарвина были уже в то время общеизвестны, новой экспериментальной психологии остались совершенно чужды сравнительные методы и постановки вопросов, связанные с происхождением видов. Она равнялась на образец физики, где как раз в это время атомная теория торжествовала свои победы. И она приняла допущение что поведение живых существ, как и все в материальном мире, должно состоять из отдельных неделимых элементов. При этом правильное само по себе стремление одновременно учитывать при исследовании поведения его взаимно дополнительные физиологические и психологические аспекты привело неизбежным образом к тому, что *рефлекс* стал рассматриваться как важнейший и даже единственный составляющий элемент всех, даже наиболее сложных нервных процессов. В то же время открытия И. П. Павлова создали впечатление, что процесс образования условных рефлексов является очевидным физиологическим коррелятом к изученным Вундтом ассоциативным процессам. Прерогатива гения - переоценивать область применимости открытого им принципа объяснения. Не приходится поэтому удивляться, что эти поистине составившие новую эпоху и столь убедительно согласные между собой открытия ввели в заблуждение не только самих первооткрывателей, но и весь научный мир, уверовавший, что на основе рефлекса и условной реакции можно объяснить "все" поведение животных и человека.

Огромные и бесспорно заслуживающие признания первоначальные успехи, достигнутые учением о рефлексах и изучением условных реакций, подкупающая простота гипотезы и кажущаяся точность опытов сделали оба эти направления исследований поистине господствующими во всем мире. Однако большое влияние, оказанное ими на общественное мнение, нуждается в другом объяснении. Дело в том, что вытекающие из них теории оказались весьма удобными в применении к человеку, рассеивая всякую озабочен-

ность, вытекающую из существования в человеке инстинктивных и подсознательных побуждений. Ортодоксальные приверженцы этого учения заявляют коротко и ясно, что человек рождается подобным чистому листу бумаги, а все, что он думает, чувствует, знает и во что он верит, является результатом его "кондиционирования" (к сожалению, немецкие психологи также пользуются этим словом).

По причинам, весьма ясно указанным Филипом Уайли, такое мнение получило поддержку со всех сторон. Даже религиозных людей можно было к нему склонить; в самом деле, если ребенок рождается в виде "*tabula rasa*"⁶⁶, то каждый верующий обязан заботиться о том, чтобы его дитя - а по возможности и все другие - было воспитано в его собственной, единственно истинной вере. Таким образом бихевиористская догма укрепляет каждого доктринера в его убеждении, ничего не делая для примирения религиозных доктрин. Либеральные и интеллигентные американцы, которых это крепко сколоченное, простое и удобопонятное, а самое главное, механистическое учение привлекает с большой силой, почти все без исключения примкнули к этой доктрине, и прежде всего потому, что она ухитрилась обмануть их, выдавая себя за свобододобивый и демократический принцип.

Что все люди имеют право на равные возможности развития - это несомненная этическая истина. Слишком легко, однако, эта истина обращается в ложь, будто все люди потенциально равноценны. Бихевиористская доктрина идет еще дальше, заявляя, что все люди были бы равны друг другу, если бы могли развиваться в одинаковых внешних условиях, и притом стали бы совершенно идеальными людьми, если бы только эти условия были идеальными. Тем самым люди не могут или, лучше сказать, им *не позволено* обладать никакими унаследованными свойствами, и прежде всего никакими свойствами, определяющими их социальное поведение и их социальные потребности.

Люди, держащие в своих руках власть в Америке, в Китае и в Советском Союзе, в наши дни вполне сходятся между собой в одном вопросе: по их общему мнению, неограниченная кондиционируемость людей в высшей степени желательна. Их вера в эту псевдодемократическую доктрину - как утверждает Уайли - происходит от желания, чтобы она была верна, ибо сами эти манипуляторы вовсе не какие-то дьяволь-

партий наилучшим образом играет свою роль, доводя ужас до последнего предела".

⁶⁶ Букв. - чистая досочка; чистый лист; нечто чистое, нетронутое (лат.) - Примеч. пер.

ски хитрые сверхчеловеки, а всего лишь слишком человеческие жертвы собственной бесчеловечной доктрины. Для этой доктрины все специфически человеческое нежелательно; но все рассмотренные в этой работе явления, способствующие потере человечности, ей в высшей степени на руку, ибо они делают массы более удобным объектом манипуляций. "Проклятие индивидуальности!" - таков лозунг. И крупному капиталисту, и советскому чиновнику должно быть одинаково удобно кондиционировать людей до состояния возможно более однородных, идеально неспособных к сопротивлению подданных - почти так же, как это изобразил Олдос Хаксли в своем столь жутком романе о будущем "Прекрасный новый мир".

Заблуждение, будто от человека, подвергнутого надлежащему "кондиционированию", можно потребовать решительно всего, можно сделать из него решительно все, лежит в основе многих смертных грехов цивилизованного человечества против природы, а также против природы человека и человечности. Такие вреднейшие последствия и *должны* получаться, когда охватившая весь мир идеология, вместе с вытекающей из нее политикой, основана на лжи. На псевдодемократической доктрине несомненно лежит также изрядная доля вины за угрожающий Соединенным Штатам моральный и культурный развал, который, по всей вероятности, увлечет в пучину и весь западный мир.

А. Мичерлих, столь ясно сознающий опасность индоктринирования человечества ложной системой ценностей, желательной лишь для манипулирующих им людей, высказывает, однако, странную мысль: "Мы никоим образом не вправе утверждать, что хитроумная система манипуляции больше препятствует в наше время индивидуальному становлению человека, чем в былые времена". Я вполне убежден, что такое утверждение верно! Никогда еще столь большие массы людей не входили в небольшое число этнических групп, никогда еще не было столь действительно массовое внушение, никогда еще манипуляторы не располагали столь развитой, построенной на научных экспериментах рекламной техникой, никогда еще не было у них столь вездесущих "средств массовой информации", как в наши дни.

Поскольку одинакова в своей основе целевая установка, повсюду в мире одинаковы и методы, с помощью которых различные "*establishments*" хотят превратить своих подданных в идеальных представителей *American Way of Life*⁶⁷, идеальных чиновников и советских людей или еще в

какой-нибудь идеал. Мы, якобы свободные люди западной культуры, уже не сознаем, в какой мере нами манипулируют крупные фирмы посредством своих коммерческих решений. При поездке в Германскую Демократическую Республику или в Советский Союз нам повсюду бросаются в глаза красные транспаранты и плакаты, сама вездесущность которых должна производить такое же глубокое внушающее действие, как "*babbling machines*"⁶⁸ Олдоса Хаксли, тихо, настойчиво и непрерывно бормочущие пропагандируемые догматы веры. Однако мы с удовольствием ощущаем при этом отсутствие световой рекламы и всяческого расточительства. Не выбрасывается ни одна вещь, из которой можно еще извлечь пользу, газетная бумага употребляется для завертывания покупок, за древними автомобилями любовно ухаживают. Мало-помалу становится совершенно ясно, что широко развернутая реклама фабрикантов по природе своей никоим образом не аполитична, а выполняет - *mutatis mutandis*⁶⁹ - в точности те же функции, что и лозунги на Востоке. Можно держаться разных мнений о том, все ли, к чему призывают красные плакаты, глупо и плохо. Однако выкидывание едва взятых в употребление товаров ради покупки новых, лавинообразное нарастание производства и потребления несомненно столь же глупо, сколь и плохо, в этическом смысле этого слова. По мере того как ремесло вытесняется конкуренцией промышленности и мелкий предприниматель, в том числе крестьянин, не может больше существовать, все мы оказываемся просто вынужденными подчинять наш образ жизни желаниям крупных фирм, пожирать такие съестные припасы и напяливать на себя такие предметы одежды, какие, по их мнению, для нас хороши, и, что хуже всего, из-за кондиционирования, которому нас уже подвергли, мы даже не замечаем всего этого.

Самый неотразимый метод, позволяющий манипулировать большими массами людей, унифицируя их устремления, доставляет *мода*. Первоначально она возникает, видимо, просто из общечеловеческого стремления дать явное выражение своей принадлежности к некоторой культурной или этнической группе; достаточно вспомнить хотя бы о различных народных костюмах, составляющих, вследствие типичного процесса образования псевдовидов, удивительные "виды", "подвиды" и "местные формы", осо-

⁶⁷ Американского образа жизни (англ.). - Примеч. пер.

⁶⁸ Болтающие машины (англ.). - Примеч. пер.

⁶⁹ С необходимыми изменениями (лат.). -- Примеч. пер.

бенно в горных долинах. Выше я говорил уже об отношении этих костюмов к коллективной агрессии между группами. Другая, более существенная для наших целей функция моды выступает на сцену лишь там, где внутри больших городских сообществ проявляется стремление публично выразить особенностями одежды свое "положение", свой общественный ранг. Как превосходно показал Лейвер в своем докладе на симпозиуме в лондонском *Institute of Biology*⁷⁰ в 1964 году, когда-то именно высшие сословия следили за тем, чтобы нижестоящие отнюдь не присваивали себе неподобающих им по "сословному положению" ранговых знаков. Вряд ли найдется другая область истории культуры, где возрастающая демократизация европейских стран выразилась бы так отчетливо, как в модах на одежду.

В своей первоначальной функции мода оказывает, вероятно, стабилизирующее, консервативное влияние на развитие культуры. Ее законы диктовались патрициями и аристократами. Как показал Отто Кёниг, в истории мундиров старые, восходящие еще к рыцарским временам особенности одежды, давно уже исчезнувшие в мундирах рядовых, сохранялись еще очень долго в качестве знаков различия у офицеров высоких и наивысших рангов. Когда стали заметны описанные выше явления неофилии, оценка унаследованного в области моды начала применяться с обратным знаком. Отныне для больших человеческих масс стало признаком высокого ранга маршировать в первых рядах последователей всех "современных" новшеств. Само собою разумеется, в интересах крупных фирм было укрепить общественное мнение, считающее такое поведение "прогрессивным" и даже патриотическим. Прежде всего им удалось, по-видимому, убедить широкие массы потребителей, что обладание новейшими образцами одежды, мебели, автомобилей, стиральных машин, машин для мойки посуды, телевизоров и т. д. служит самым надежным "символом статуса" (и самым действенным образом повышает кредитоспособность владельца). Самую смехотворную мелочь фирма может использовать в качестве такого символа и превратить в предмет широкомасштабной финансовой эксплуатации. Это видно из следующего трагикомического примера: как могут припомнить старые знатоки автомобилей, у машин фирмы "Бьюик" были раньше по обе стороны капота лишённые каких бы то ни было функций отверстия с хромированным краем, напоминавшие по форме бычий глаз; у восьмицилиндровой

машины было с каждой стороны по три таких дыры, а у более дешевой шестицилиндровой - лишь по две. Когда фирма в один прекрасный день стала делать по три бычьих глаза также и на шестицилиндровых машинах, эта мера возымела желаемое действие: продажа машин этого типа резко увеличилась; фирма нуждалась в таком утешении, поскольку получала бесчисленные жалобы от владельцев восьмицилиндровых машин, горько сокрушавшихся, что им придется делиться подобающим лишь их машинам символом статуса с владельцами машин низшего ранга.

Наихудшие воздействия мода производит, однако, в области естественных наук. Было бы большой ошибкой думать, что профессиональные Ученые не затронуты болезнями культуры, составляющими предмет этой работы. Лишь представители прямо относящихся к этому наук, например экологи и психиатры, вообще замечают, что неладно что-то в виде *Homo sapiens L.*; но как раз эти ученые имеют крайне низкий статус в ранговом порядке, который нынешнее общественное мнение приписывает различным наукам, что превосходно изобразил недавно Джордж Гейлорд Симпсон в своей сатирической статье о "*peck order*"⁷¹ в сообществе наук.

Не только общественное мнение о науке, но и мнение *внутри* наук, несомненно, склонно считать важнейшими те из них, которые представляются таковыми лишь с точки зрения нынешнего человечества - в массе своей деградировавшего, отчужденного от природы, верящего лишь в коммерческие ценности, эмоционально нищего, низведенного до уровня домашнего скота и потерявшего связь с культурной традицией. В общем и целом общественное мнение ученых страдает теми же болезнями упадка, о которых была речь в предыдущих главах. "*Big Science*"⁷² - это ни в коем случае не наука о самых великих и высоких вещах на этой планете, не наука о человеческой душе и человеческом духе; это, прежде всего и исключительно то, что приносит много денег или много энергии, или то, что дает большую власть, хотя бы это была всего лишь власть уничтожать все истинно великое и прекрасное.

Первенствующую роль, которая действительно подобает физике среди естественных наук, никак невозможно отрицать. Физика состав-

⁷⁰ Институт биологии (англ.). - Примеч. пер.

⁷¹ Порядок клевания (англ.). - Примеч. пер. "Порядок клевания" - специальный термин для обозначения рангового порядка в обществе животных, заимствованный из наблюдений над курами, у которых порядок клевания соответствует популяционному рангу.

⁷² "Большая наука" (англ.). - Примеч. пер.

ляет основание, на котором держится непротиворечивая многоэтажная система естественных наук. Любой удавшийся анализ на любом, сколь угодно высоком уровне интеграции естественных систем является шагом "вниз", по направлению к физике. "Анализ" в немецком переводе означает *Auflosung* (растворение, разложение); но в процессе анализа растворяются и устраняются вовсе не особые закономерности, свойственные специальным естественным наукам, а одни лишь *границы*, отделяющие ту или иную науку от ближайшей к ней более общей. Подлинное растворение границы в этом смысле удалось до сих пор лишь однажды: физическая химия действительно сумела свести законы природы, открытые в ее области исследования, к более общим физическим законам. Аналогичное явление начинается теперь в биохимии, где растворяется граница между биологией и химией. И хотя в других естественных науках столь разительных успехов, по-видимому, указать нельзя, принцип аналитического исследования всегда остается неизменным: пытаются свести явления и закономерности некоторой области знания или, как выразился бы Николай Гартман, некоторого "слоя реального бытия", к явлениям и закономерностям, существующим в ближайшей более общей области, и объяснить их *из более специальной структуры*, свойственной лишь этому более высокому слою бытия. Впрочем, мы, биологи, считаем изучение этих структур и их истории достаточно важным, а также достаточно трудным, чтобы не рассматривать биологию, вслед за Криком, как несложную боковую ветвь физики (*a rather simple extension of physics*); мы подчеркиваем также, что и физика, в свою очередь, покоится на некотором основании, и основанием этим является биологическая наука, а именно наука о живом человеческом духе⁷³. Но в указанном выше смысле мы твердые "физикалисты" и признаем физику той основой, к которой наше исследование всегда ведет.

Я утверждаю, однако, что репутацией "величайшей из наук", которой физика пользуется в глазах общественного мнения, она обязана вовсе не этой оправданно высокой оценке ее как основы всех наук о природе, а совсем другим, безусловно дурным причинам, о которых было сказано выше. Лишь отправляясь от этих причин - и некоторых других, обсуждаемых дальше, - можно

объяснить удивительную оценку наук нынешним общественным мнением, ценящим каждую отдельную науку - как справедливо считает Симпсон - тем ниже, чем выше, сложнее и значительнее предмет ее изучения.

Естествоиспытатель, конечно, вправе избрать себе предмет исследования, принадлежащий любому слою реального бытия, любому, сколь угодно высокому уровню интеграции жизненных явлений. Наука о человеческом духе, и прежде всего теория познания, также начинает превращаться в биологическую естественную науку. Так называемая точность естествознания не имеет ничего общего со сложностью и с уровнем интеграции ее предмета, а зависит исключительно от самокритичности исследователя и чистоты применяемых им методов. Употребительное обозначение физики и химии как "точных естественных наук" есть клевета на все другие науки. Известные изречения вроде того, что любое исследование природы является наукой в той мере, в какой в ней используется математика⁷⁴, или что наука состоит в том, чтобы "измерять то, что измеримо, и делать измеримым то, что не измеримо", представляют собой и в смысле теории познания, и с человеческой точки зрения величайшую нелепость, когда-либо срывавшуюся с языка у людей, которым следовало бы лучше понимать, что они говорят.

Но хотя все эти псевдопремудрости, как можно доказать, ложны, образ науки и до сих пор складывается преимущественно под их влиянием. В наше время *модно* пользоваться методами, возможно более похожими на методы физики, причем безразлично, обещают ли они успех в изучении выбранного предмета. Каждая естественная наука, и физика в том числе, начинает с описания, переходит затем к упорядочению описанных явлений и лишь после этого к абстрагированию их закономерностей. Эксперимент служит для проверки абстрагированных законов природы и занимает поэтому в ряду методов последнее место. Эти стадии, выделенные уже Виндельбаном под именами дескриптивной, систематической и номотетической, должна пройти каждая естественная наука. Поскольку физика давно уже находится в номотетической и экспериментальной стадии развития и поскольку она, сверх того, столь далеко продвинулась за границы наглядного, что вынуждена определять свои объекты, по существу, операциями, достав-

⁷³ Немецкое слово *Geist* не тождественно по смыслу русскому слову "дух" и шире по объему, чем слово "разум". В данном контексте оно означает психическую деятельность человека.

⁷⁴ "...любое исследование природы является наукой в той мере, в какой в ней используется математика..." - высказывание Канта.

ляющими о них знания, многие люди полагают, что те же методы следует применять и к таким предметам исследования, для которых в настоящее время, при нынешнем состоянии наших знаний, уместно лишь простое наблюдение и описание. Чем сложнее и выше интегрирована органическая система, тем строже должна соблюдаться виндельбандовская последовательность методов; поэтому именно в области исследования поведения современный преждевременно экспериментальный операционализм приносит особенно абсурдные плоды. Это ложное направление, конечно, поддерживается верой в псевдodemократическую доктрину, согласно которой поведение животного и человека определяется вовсе не филогенетически возникшими структурами центральной нервной системы, а исключительно внешними влияниями и обучением. Фундаментальная ошибка способа пиления и работы, диктуемого бихевиористской доктриной, состоит как раз в этом пренебрежении структурами: описание их считается просто излишним, и допускаются лишь операционные и статистические методы. Поскольку, однако, все биологические закономерности вытекают из действия структур, попытки абстрагировать законы поведения животного без дескриптивного изучения структур, от которых зависит это поведение, представляют собой напрасный труд.

Насколько очевидны эти элементарные общие принципы науки (которые должны быть, собственно, понятны каждому поступающему в университет), настолько же упрямо и твердолобое подражание физике захватывает почти все области современной биологии. Действует это тем вреднее, чем сложнее изучаемая система и чем меньше о ней известно. Нейросенсорная система⁷⁵, определяющая поведение высших животных и человека, в обоих отношениях может быть поставлена здесь на первое место. Модное представление, будто исследование на низших уровнях интеграции "более научно", слишком легко ведет в этой области к атомизму, т. е. к частным исследованиям подчиненных систем без обязательного учета того, каким образом они связаны между собой, составляя единое целое. Методическая ошибка состоит здесь не в общем всем естествоиспытателям стремлении свести все явления жизни, даже принадлежащие наивысшим уровням интеграции, к основным законам природы и объяснить их, исходя из этих законов, - в этом смысле мы все "редукционисты", - методи-

ческая ошибка, которую мы называем редукционизмом, состоит в том, что при таких попытках объяснения упускается из виду безмерно сложная структура, в которую складываются подсистемы и из которой только и могут быть поняты системные свойства целого. Кто хочет ближе познакомиться с методологией систематического естествознания, должен прочесть "Строение реального мира" Николая Гартмана или "Reductionism stratified"⁷⁶ Поула Вейса. В обеих этих работах говорится, по существу, об одном и том же; поскольку предмет рассматривается в них с весьма различных точек зрения, он предстает особенно выпукло.

Наиболее вредное воздействие нынешней научной моды происходит, однако, оттого, что она, точь-в-точь как мода на одежду или автомобили, создает символы статуса, поскольку из этого только и возникает высмеянный Симпсоном ранговый порядок наук. Нынешний здравомыслящий операционалист, редукционист, квантификатор и статистик смотрит с сострадательным презрением на всякого старомодного субъекта, полагающего, что наблюдение и описание поведения животных и человека, без экспериментов и даже без подсчетов, может привести к новым и существенным постижениям природы. Занятие высокоинтегрированными живыми системами признается "научным" лишь тогда, когда от связанных со структурами системных свойств с помощью нарочитых мер - "*simplicity filters*"⁷⁷, как удачно назвал их Дональд Гриффин, - домогаются обманчивой "точности", т. е. внешней простоты, напоминающей физику, или когда статистическая обработка внушительного численного материала позволяет забыть, что изучаемые "элементарные частицы" - не нейтроны, а люди. Короче говоря, исследование признается "научным", лишь если выбрасывается из рассмотрения все, чем действительно интересны высокоинтегрированные органические системы, в том числе человек. Прежде всего это относится к субъективному переживанию: как нечто крайне неприличное, оно вытесняется в смысле Фрейда. Если кто-либо сделает предметом исследования собственное субъективное переживание, его окружают величайшим презрением как субъективиста, особенно если он отважится воспользоваться изоморфизмом психологических и физиологических явлений, чтобы понять какой-нибудь физиологический процесс. Сторонники псевдodemократической доктрины открыто писали на своем знамени

⁷⁵ Нейросенсорная система - системы, включающие в себя мозг нервы и органы чувств.

⁷⁶ Расслоенный редукционизм" (англ.). - Примеч. пер

⁷⁷ "Фильтров простоты" (англ.). - Примеч. пер.

"Психология без души", совершенно забывая при этом, что сами они, даже в своих "самых объективных" исследованиях, лишь путем собственного субъективного переживания могут получать знание об изучаемом объекте. Если же кто-нибудь утверждает, что науку о человеческом духе также можно разрабатывать как естественную науку, такого человека попросту считают безумцем.

Все эти ошибочные установки нынешних ученых, по существу, не связаны с наукой. Объяснить их можно только идеологическим давлением массы одинаково настроенных, жестко индоктринированных людей, давлением, часто вызывающим и в других областях человеческой жизни совершенно невероятные глупости моды. Особая же опасность модного индоктринирования в области науки состоит в том, что оно уводит стремление к знанию слишком многих, хотя, к счастью, не всех современных естествоиспытателей в сторону, прямо противоположную подлинной цели всего человеческого познания, а именно - лучшему самопознанию человека. Тенденция, предписываемая наукам нынешней модой, бесчеловечна в худшем смысле слова. Многие мыслители, ясно видящие разрастающиеся повсюду, подобно злокачественным опухолям, явления обесчеловечения, склоняются к мнению, что само научное мышление, как таковое, бесчеловечно и что опасность "дегуманизации" вызвана его колдовством. Как видно из уже сказанного, я не придерживаюсь этого взгляда. Я полагаю, напротив, что нынешние ученые, как дети своего времени, заражены процессами дегуманизации, первоначально возникающими повсюду в ненаучной культуре. Имеется отчетливое, доходящее до подробностей соответствие между этими общими болезнями культуры и специальными болезнями, касающимися науки; и первые неизменно оказываются, при ближайшем рассмотрении, причиной последних, а не их следствием. Опасное модное индоктринирование науки, угрожающее отнять у человечества его последнюю опору, никогда не могло бы возникнуть, если бы ему не подготовили почву болезни культуры, рассмотренные в первых четырех главах. Перенаселение с неизбежно сопровождающими его потерей индивидуальности и унификацией; отчуждение от природы, отнимающее способность к благоговению; коммерческий бег человечества наперегонки с самим собой, превращающий в утилитарном мышлении средство в самоцель, причем первоначальная цель забывается; и не в последнюю очередь всеобщее притупление чувства - все эти явления находят свое отражение в

процессах Дегуманизации наук; они не следствия этих процессов, а их причины.

Глава 9

ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ

Если сравнить угрозу атомного оружия с воздействиями на человечество семи других смертных грехов, то трудно не прийти к заключению, что из всех восьми этого греха избежать легче всего. Конечно, дурак или нераспознанный психопат может пробраться к пусковой кнопке; конечно, простая авария на стороне противника может быть ошибочно принята за нападение и вызвать чудовищное несчастье. Но можно, по крайней мере, ясно и определенно сказать, что надо делать против "бомбы": надо ее попросту не изготавливать или не сбрасывать. При невероятной коллективной глупости человечества добиться этого довольно трудно. Но что касается других опасностей, то даже те, кто их ясно видит, не знают, что можно против них предпринять. В отношении несбрасывания атомной бомбы я настроен более оптимистически, чем относительно семи других смертных грехов.

Величайший вред, который ядерная угроза уже сейчас причиняет человечеству и который остается даже в самом благоприятном случае, состоит в том, что оно создает общее "настроение конца света". Проявления безответственного и инфантильного стремления к немедленному удовлетворению примитивных желаний и сопровождающая их неспособность к ответственности за сколько-нибудь отдаленное будущее - все это, несомненно, связано с тем, что подсознательно в основе всех решений лежит жуткий вопрос, как долго еще простоит наш мир.

Глава 10

РЕЗЮМЕ

Мы рассмотрели восемь различных, но тесно связанных причинными отношениями процессов, угрожающих гибелью не только нашей нынешней культуре, но и всему человечеству как виду.

Это следующие процессы:

1. Перенаселение Земли, вынуждающее каждого из нас защищаться от избыточных социальных контактов, отгораживаясь от них некоторым в сущности "не человеческим" способом, и, сверх того, непосредственно возбуждающее агрессивность вследствие скученности множества индивидов в тесном пространстве.

2. Опустошение естественного жизненного пространства, не только разрушающее внешнюю природную среду, в которой мы живем, но убивающее и в самом человеке всякое благоговение

перед красотой и величием открытого ему творчества.

3. Бег человечества наперегонки с самим собой, подстегивающий гибельное, все ускоряющееся развитие техники, делает людей слепыми ко всем подлинным ценностям и не оставляет им времени для подлинно человеческой деятельности - размышления.

4. Исчезновение всех сильных чувств и аффектов вследствие изнеженности. Развитие техники и фармакологии порождает возрастающую нетерпимость ко всему, что вызывает малейшее неудовольствие. Тем самым исчезает способность человека переживать ту радость, которая дается лишь ценой тяжких усилий при преодолении препятствий. Приливы страданий и радости, сменяющие друг друга по воле природы, спадают, превращаясь в мелкую зыбь невыразимой скуки.

5. Генетическое вырождение. В современной цивилизации нет никаких факторов, кроме "естественного правового чувства" и некоторых унаследованных правовых традиций, которые могли бы производить селекционное давление в пользу развития и сохранения норм общественного поведения, хотя с ростом общества такие нормы все более нужны. Нельзя исключить, что многие проявления инфантильности, делающие из значительных групп нынешней "бунтующей" молодежи общественных паразитов, могут быть обусловлены генетически.

6. Разрыв с традицией. Он наступает, когда достигается критическая точка, за которой младшему поколению больше не удастся достичь взаимопонимания со старшим, не говоря уже о культурном отождествлении с ним. Поэтому молодежь обращается со старшими как с *чужой этнической группой*, выражая им свою национальную ненависть. Это нарушение отождеств-

ления происходит прежде всего от недостаточного контакта между родителями и детьми, вызывающего патологические последствия уже у грудных младенцев.

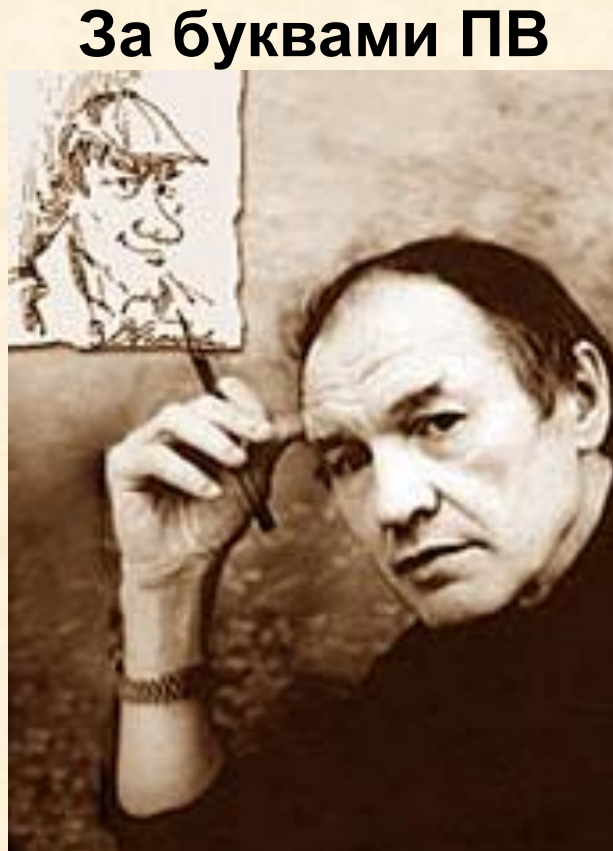
7. Возрастающая индоктринируемость человечества. Увеличение числа людей, принадлежащих одной и той же культурной группе, вместе с усовершенствованием технических средств воздействия на общественное мнение приводит к такой унификации взглядов, какой до сих пор не знала история. Сверх того, внушающее действие доктрины возрастает с массой твердо убежденных в ней последователей, быть может, даже в геометрической прогрессии. Уже и сейчас во многих местах индивид, сознательно уклоняющийся от воздействия средств массовой информации, например, телевидения, рассматривается как патологический субъект. Эффекты, уничтожающие индивидуальность, приветствуются всеми, кто хочет манипулировать большими массами людей. Зондирование общественного мнения, рекламная техника и искусно направленная мода помогают крупным капиталистам по эту сторону "железного занавеса" и чиновникам по ту сторону весьма сходным образом держать массы в своей власти.

8. Ядерное оружие навлекает на человечество опасность, но ее легче избежать, чем опасностей от описанных выше семи других процессов.

Явлениям обесчеловечения, рассмотренным в первых семи главах, содействует псевдodemократическая доктрина, согласно которой общественное и моральное поведение человека вообще не определяется устройством его нервной системы и органов чувств, выработанным историей вида, но складывается исключительно под действием "кондиционирования" человека в течение его онтогенеза той или иной культурной средой.

<http://igrunov.ru/vin/vchk-vin-discipl/ecology/books/vchk-vin-discipl-ecol-Lorenz.html#fs1>

Виталий Песков

Первая карикатура Виталия Пескова опубликована в московском журнале «Смена» в 1967 году. Редактор журнала посоветовал публиковаться ещё в других редакциях и дал телефоны и адреса, в том числе только что тогда открывшегося отдела юмора «Клуб 12 стульев» в «Литературной газете». Молодой Виталий (23 года) пришел туда, показал свои рисунки и остался навсегда, тут же был принят на работу и стал одним из знаменитой «великолепной четверки» карикатуристов «ЛГ», открывшей новый современный вид карикатуры (ещё Вагрич Бахчанян, Владимир Иванов, Игорь Макаров). До этого карикатура служила лишь сатирическим оружием власти. Впервые отечественная карикатура превратилась в вид искусства.

Работал также в мультипликации художником и режиссером. Самый популярный его м/ф пародийный «Пиф-паф, ой-ой-ой!», 1980 год, где он выступил художником и режиссером-постановщиком (совместно с Гарри Бардиным).

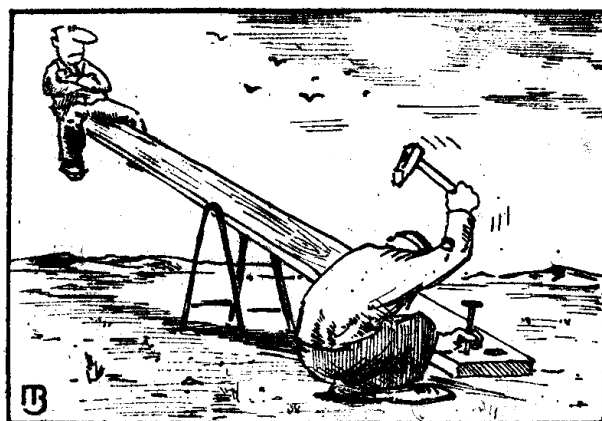
Неоднократно приглашался в популярную телепередачу «КВН» в качестве члена жюри. Работал также ещё во многих телевизионных проектах: «Утренняя почта», «Вокруг смеха» и др. Виталия постоянно приглашали в различные телевизионные ток-шоу, где высказывали свои мнения по разным темам самые известные люди.

По свидетельству жены художника И. Коршиковой, именно Пескову принадлежит авторство слова «членовоз» — ироничное название служебного автомобиля с шофером для особо высокопоставленных персон.

После смерти художника 12 марта 2012 года, его квартира была ограблена, в том числе и его рисунки. Из того, что осталось, и своих воспоминаний, его вдова художника на последние деньги выпустила книгу его памяти «Виталию от Ирины». Вы найдете ее в формате PDF на сайте:

<http://cartoonia.net/lit/albums/peskov.pdf>

Здесь сканы из моей коллекции вырезок, той еще «Литературной газеты», обработанные в Paint.NET, поскольку бумага сильно побурела, местами проступил клей

et_nihil@bk.ru

